

ПЕРСЫ И МИДЯНЕ

Подданные империи Ахеменидов

УДК 820
ББК 84(4Вел)
К90

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Куликан Уильям

К90 Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. — 223 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 5-9524-0163-5

В книге исследуется история могущественного клана персов и мидян, подданных империи, центром которой был дворец Персеполя. Автор представляет впечатляющую панораму зрелой цивилизации Ахеменидов — систему сатрапий, религию и завоевания, расцвет и падение империи. Раскрываются особенности развития искусства и архитектуры Иранской державы, эволюция луристанских бронз и других металлических изделий.

УДК 820
ББК 84(4Вел)

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2002
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполи-
граф», 2002

ISBN 5-9524-0163-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лев и ящерица, говорят, пируют нынче,
Где торжествовал и пьянствовал Джемшид,
И «дикий осел» Бахрам, великий охотник,
По голове его ступает — но крепко спит
Джемшид.

Э. Фицджеральд. Омар Хайям

Ни одни руины Древнего Востока не повлияли на западный мир столь значительно, как развалины дворца Персеполя, стоявшего в горной долине на юго-западе Ирана, в родном краю клана Ахеменидов. Он был первым великим памятником их империи, который узнал мир. Именно в нем каждый раз в Новый год возобновлялось правление Ахеменидов, и со всех концов империи сюда стекались люди, неся знаки своего подчинения. Здесь Дарий планировал захватить Индию и Европу; здесь Ксеркс замыслил войну против Греции. После сожжения дворца Александром Великим о нем еще долго напоминали массивные 65-футовые колонны и лестницы. О руинах этих слагали легенды. Их знали как Тахт-и-Джемшид, трон доисторического легендарного иранского героя Джемшида, где он «торжествовал и пьянствовал».

В Средние века эти руины видели и восхищались ими такие путешественники, как монах Одерик Пор-

денонский (1320), Иосафат Барбаро (1474), англичане Джеффри Дакетт (1520) и Томас Герберт (1628), немец фон Позер (1621). Более важно, что именно отсюда венецианский консул Пьетро делла Валле примерно в 1622 г. привез в Европу первый образец клинописи. Хотя должно было пройти два века, прежде чем удалось добиться какого-либо реального продвижения в дешифровке загадочного документа, заключавшего в себе вызов, раззадоривший ученых и положивший начало длительным, хотя и нерегулярным попыткам в нем разобраться. В 1765 г. датский ученый Карстен Нибур тщательно скопировал и опубликовал персепольские надписи. Вскоре стало очевидно их трехязычие, и в 1802 г., опираясь на свое знание древнеперсидского языка, сохранившегося в Авесте и литературе парси, немец Гротефенд сумел сделать исчерпывающий перевод клинописи Ахеменидов. Вслед за тем появился перевод Генри Роулинсона древнеперсидских столбцов из надписи Дария I на Бехистунской скале, а в 1851 г., лишь через несколько лет после того, как Ботта и Лэйярд начали раскопки в Нимруде, Хорсабаде и Ниневии, появился его перевод аккадской версии той же надписи. Так, через древнеперсидский язык Персеполя дешифровали систему клинописи. Ключ к тайнам древней цивилизации Западной Азии был спрятан в Персеполе.

Именно делла Валле впервые назвал эти руины Тахт-и-Джамшид — он ничего не знал об их истинной истории, поскольку Персеполь недостаточно освещался в работах классических авторов. Но к 1625 г., как показано на прелестных гравюрах голландца Филиппа Анджела, руины были идентифицированы как Старый Персеполь. Эти необыкновенно точные рисунки отметили далекое начало полевой археологии в Иране.

О мидянах и Ахеменидах написано очень мало книг. Их история сложна, и на них непросто наложить ограничения времени и места. Во многих отношениях о личностях и деятельности царей-Ахеменидов существует гораздо меньше документов, чем о царях Ассирии и Вавилонии, и всем историкам приходится в основном опираться в своих исследованиях на Геродота и Фукидида. Работая над этой книгой, предназначенной для археологической серии, я сжато изложил исторические аспекты и сосредоточился главным образом на истории искусства и интерпретации документов, видя в них нашу единственную надежду на свежую информацию. В первых двух главах я постарался представить те стороны иранской археологии, которые кажутся существенными в происхождении культуры мидян и персов.

За помощь в создании этой книги я в особом долгу перед библиотекой Бэлье университета Мельбурна, сотрудники которой проявили великодушные и терпение, добывая микрофильмы недоступных в Австралии статей, перед Национальной галереей Виктории и Австралийским институтом археологии за библиотечное обслуживание, перед моей женой и мисс Э. Марсо за чтение и правку текста и перед многими коллекционерами, разрешившими мне воспроизвести рисунки материалов, находящихся в их частном владении.

Я благодарен за разрешение воспроизвести экспонаты следующих музеев: Метрополитен-музея в Нью-Йорке, Британского и Бруклинского, Лувра в Париже, Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Музея искусств в Цинциннати, Музея изящных искусств в Бостоне, Художественной галереи Нельсона-Аткинса в Канзас-Сити, Института искусств в Миннеапо-

лисе, Художественных в Кливленде и Сиэтле, Городского художественного в Сент-Луисе, а также господам Бюлло, Драйеру, Жиродону, Периссинотто и мисс Дж. Пауэлл за фотографии Персеполя, предметов из Археологического музея Тегерана и из частных коллекций, показанных на многочисленных выставках «Семь тысяч лет искусства Ирана». Я хочу засвидетельствовать благодарность супругам Аластэр Брэдли Мартин за фото 60 и Халилу Рабену за разрешение включить в книгу рис. 10а. Я признателен Ж. Менанту и его труду «Глиптика Востока» за рис. 54, издательству «Э. Дж. Брилл» за рис. 9 и Берлинским государственным музеям, 1934, за фото 71.

Наконец, я хочу поблагодарить Г. Шелли за рисунки карт (рис. 14, 21), выполненные по моим наброскам, Джона Уилшера за перерисовку капители колонны из Суз (рис. 24) и Джерарда Бэккера за создание упрощенного плана дворца Персеполя (рис. 26).

У. К.

ХРОНОГРАФ

ИРАНЦЫ В 1-М ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

- 1100—1000 Новые поселения арийцев, пользовавшихся черной лощеной керамикой, в Северном и Западном Иране
- Начиная с 900 Развитие царства Урарту вокруг озера Ван
- 835 Ассирийский царь Салманасар III получает вассальную присягу от 27 царей страны Парсуа (находившейся к западу от озера Урмия) и вступает в страну Мада (Верхний Загрос)
- Примерно 829 Урарту отвоевывает контроль над Манной и Мадой у Шамшиадада V, имевшего столкновения с вождями, носившими специфические иранские имена
- 812—782 Ададнерари III стремится поработить Мадай и Парсуа
- Примерно 730 Тиглатпаласар III сталкивается с народом Парсуа в Центральном Загросе

- p>719 Саргон II учреждает Центральный Парсумаш (Керман) как провинцию Ассирии
- 715 Дайукку (Деиок у Геродота), маннейский или мидийский вождь, присоединяется к Урарту в антиассирийском союзе. Он захвачен в плен Саргоном и отправлен в изгнание
- 712 Укшатар (Киаксар I), непокорный вождь Северного Загроса, платит Саргону дань
- Начиная с 710 Мидяне формируют обширное царство в Северном Иране
- 700—650 Народ Парсуа перемещается на юг в Парсумаш (Бахтиарские горы); в 692 г. Синахериб упоминает Аншан и Парсумаш среди своих врагов
- 700—668 Киммерийское нашествие. Маннеи восстают вместе с присоединившимся к ним скифом Ишпакаем
- 678 Теушпа, предводитель киммерийцев, уничтожает власть ассирийцев в Курдистане
- 675? Теисп (Чишпиш), сын Хакаманиша из Парсумаша, захватывает Аншан
- 674 Каштарити-Хшатрита (Фраорт, сын Деиока?) возглавляет коалицию мидян, маннеев и киммерийцев против Ассархаддона

670	Хшатрита захватывает Парсумаш и покоряет Теиспа
660	Ашшурбанипал отвоевывает маннейскую территорию
653?	Хшатрита умирает, и в конечном счете ему наследует его сын Хувахшатра (Киаксар II)
653—625	Господство скифов в Западном Иране
639	В Парсумаше-Аншане место Теиспа занимает Кир I; Ариарамн наследует Теиспу и становится царем Парсы?
625—585	Киаксар II (Хувахшатра) правит Мидией; он завоевывает Ассирию в 612 г.
584—550	В Мидии Астиаг наследует Киаксару
550	Кир II упомянут в хронике Набонида как царь Аншана
549	Кир II подчиняет своего двоюродного брата Арсама и после этого упоминается Набонидом как царь Аншана и Парсу (Парсы)
548	Кир нападает на Астиага, побеждает его и опустошает Экбатану
Начиная с 547	Кир покоряет Лидию и создает империю Ахеменидов

Глава I

КУЗНЕЦЫ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В области Луристан, на юго-западе Ирана, на возвышенных долинах горной цепи Загрос можно разыскать остатки древней цивилизации, наиболее замечательной особенностью которой была развитая техника обработки металлов, особенно бронзы. Сама горная цепь, встающая стеной к востоку от равнин Месопотамии, разрезана современной дорогой Хамадан—Керман, пролегающей маршрутом столь же старым, как и поселения человека на этой территории. К югу от этой дороги форма местности, состоящей из ряда параллельных горных цепей и долин, протянувшихся с севера на юг, предоставляла открытый доступ нашествиям доисторических народов из областей Прикаспия и Кавказа и окольный путь на равнины Месопотамии. Из захоронений поселенцев в Луристане получен ряд ценных, главным образом бронзовых изделий, имеющих формы, выражающие вкусы их изготовителей, поразительно отличавшиеся от вкусов других древних народов Ближнего Востока. Знаменитые луристанские бронзы, впервые ставшие известными на рынке антиквариата в 1928 г., а теперь широко представленные в музеях и частных коллекциях, ставят значительное число проблем, относящихся не только к археологии и истории искусства, но и к истории религиозной мысли.

Теперь признано, что самые ранние из этих бронзовых предметов очень похожи на шумерские изделия, особенно найденные в эламских Сузах, на равнинах юго-восточнее Загроса. Остроконечные инструменты, топоры, листовидные кинжалы напоминают образцы из Суз, Ура и Тепе-Гавры, еще в эпоху ранних династий несшие на себе зачатки териоморфного орнамента, который всегда был особенностью луристанского стиля. Топоры с отверстиями для топорща и суживающимися лезвиями, найденные в Луристане, имеют близкие аналогии в эпохе ранней бронзы III в Тиль-Барсипе в Ираке, в Телль-Тайна-те на Антиохийской равнине и даже в далеком Полиохни на острове Лемнос. Таким образом, они принадлежат к широко распространенному азиатскому типу приблизительно 2300 г. до н. э. Хотя следует сделать поправку на консерватизм луристанских кузнецов, и нельзя исключить, что такие ранние образцы могли происходить с территории Суз и, следовательно, имели там давнюю традицию, но об истоках луристанско-сузского оружия в 3-м тысячелетии свидетельствует ряд надписей на сосудах и топорах, указывающих на династических правителей в этот период времени. К таким объектам относятся: бронзовая чаша из коллекции Форути (Тегеран), посвященная Нарамсину, знаменитому представителю семитской династии Аккада, жившему приблизительно в 2330 г. до н. э., чаша с посвящением Шаргали-Шарри, последнему царю Аккада (2200 г. до н. э.), и топор с именем Аддапакшу из Суз, жившего в эпоху III династии Ура (немногим ранее 2000 г. до н. э.).

На самом деле между луристанскими бронзами, которые можно приписать самой ранней эпохе, и образцами, широко распространенными в Эламе, Месопотамии и еще более далеких областях, существу-

ют очень незначительные различия. Вероятно, они были произведены первыми, часто переезжавшими с места на место, кузнецами кутиев и луллубеев, самых ранних народов, проживавших в горах Загрос и упомянутых в клинописных текстах.

Господство кутиев в Западном Иране и Ираке между приблизительно 2230-м и 2090 г. до н. э., как и на самом деле общее развитие цивилизации Ближнего Востока, в начале 2-го тысячелетия испытывало воздействие от последовательных вторжений кавказских народов. Сочетание лингвистических и археологических фактов знакомит нас с тремя такими основными передвижениями, каждое из которых, будучи в основном кавказского происхождения, было связано с группами людей или говоривших на индоарийских диалектах, или имевших продолжительный контакт с индоарийскими народами из степей, расположенных севернее и восточнее Каспийского моря. Некоторые сами имели прямое индоарийское происхождение и сформировали правящую аристократию среди новых поселенцев. Один из таких народов, хетты, — ветвь, говорившая на индоарийском диалекте насили, — укоренились в Северной Анатолии. Затем, приблизительно в 1800-е гг. энергичное перемещение людских масс привело в Центральный Загрос и на равнины, лежащие севернее и восточнее от места впадения в Тигр реки Диялы, народ касситов. Довольно мирным путем касситы установили свое верховенство и в XVII в. создали в Вавилоне династию, которой суждено было на удивление стабильно править вплоть до XII в. до н. э.

Хотя касситы не оставили дошедшей до нас литературы и не оказали значительного художественного влияния на Вавилонию, из касситских перечней, составленных вавилонскими писцами, мы узнаем, что

их пантеон не только содержал имеющие арийскую форму имена, но и включал нескольких индоарийских богов.

И третья индоарийская миграция создала вокруг верховий реки Хабур поселения воинственных племен митанни, которые, быстро изучив ремесла оседлой цивилизации, установили в XVI в. феодальное господство над хурритским населением Северной Сирии, а позднее расширили его на Палестину. Среди митанни также были широко распространены арийские племена; они поклонялись божествам, чьи имена встречаются в Ригведе, и пользовались чисто санскритской системой счета.

Все три народа — хетты, митанни и касситы — в силу своего кавказского происхождения в совершенстве владели техникой обработки металла, в том числе знали железо, и испытывали страсть к верховой езде. Именно касситы привели в Иран и Месопотамию прекрасную породу лошадей, вытеснившую онагров, прирученных шумерами для тягловых работ, а любовь к лошадям митанни подтверждается многочисленными дошедшими до нас текстами с инструкциями по подготовке к скачкам. Разумеется, возвышенные, покрытые травой долины в горах Загрос и нынешнем Курдистане были идеальными местами для разведения лошадей и оставались таковыми до времен Ахеменидов. Некоторые коневодческие районы на этих территориях обеспечивали лошадьми персидскую армию, а до них ассирийцев, и владение землями, пригодными для разведения коней, играло важную роль в борьбе образующихся царств мидян и персов с их соседями-ассирийцами.

С появлением касситов работы по бронзе в Луристане получили новый импульс. Бронзовые изделия в начале 2-го тысячелетия по своему характеру были

заметно связаны с лошадьми: кольца, направляющие поводья вдоль дышла колесницы, украшения сбруи и топоры в форме лошадиных голов с глазами и узелками заплетенной гривы на обухе преобладали в ассортименте мастера по обработке металла.

Ближе к середине 2-го тысячелетия, в то время, когда касситы находились на пике своего могущества в Иране и Месопотамии, наблюдается явный спад производства бронзовых изделий. Но период оживления, 1100—700 гг. до н. э., был, очевидно, наиболее продуктивен для луристанских бронз, и, кажется, новая концентрация касситов на их исконных землях в горах после вытеснения из Вавилонии, а также новый поток переселенцев с Кавказа приблизительно в 1000 г. до н. э. дали новый толчок работам по металлу, и в результате кузнец, по-видимому, приобрел что-то вроде статуса шамана или колдуна. Безусловно, наибольшее число бронзовых изделий появляется теперь из обширных одиночных или коллективных каменных могильников, где хоронили воинов или вместе с конями, или с удилами, сбруей, оружием и охотничьими амулетами, принадлежащими членам грубого и жестокого сообщества воинов-охотников. В то же время узнаваемые теперь связи между луристанской и кавказской металлургией наполнены хронологической и этнической значимостью.

Волны новых захватчиков, проникшие в Иран в последние годы 2-го тысячелетия, были, вероятно, приведены в движение общим возбуждением и давлением в южном направлении индоевропейских народов из центральных и Восточных европейских степей. Их перемещение привело дорийцев в Грецию, а фракийцев и фригийцев в Малую Азию. Народы, проживавшие в районе Восточного Причерноморья, почти наверняка были вытеснены на юг через Кавказ. Именно

из этого самого района конечно же напал на Ассирию и захватил Малую Азию народ, называвшийся *гиммидиями*, или киммерийцами. Как позднее узнал Геродот, киммерийцы жили потом по обе стороны Керченского пролива («Киммерийского Босфора» у греков). Их трудно распознать на основании археологических раскопок, особенно на ранних стадиях европейского железного века, но мы, наверное, вправе применять термин «протокиммерийцы» без исключения к тем захватчикам конца 2-го тысячелетия, оказавшим впоследствии чрезвычайное воздействие на историю Ближнего Востока. Среди них были иранские племена, принесшие в Иран индоевропейский язык мидян и персов, опознанный по именам собственным в ассирийских документах, датируемых уже VIII в. до н. э. В этот ранний период они смогли занять лишь области по периферии месопотамского мира; путь на запад в Сирию и Турцию им преградила новая сила — хурритские народы, поселившиеся вокруг озера Ван, которые с течением времени должны были сформировать царство Урарту и стать на ближневосточной сцене «мировой державой».

Что касается луристанского оружия, то этот поздний период начинается с ряда кинжалов и коротких мечей вида, распространенного в Вавилонии и Сирии (рис. 1). Многие из них несут на себе клинописные посвящения: несколько дюжин посвяще-

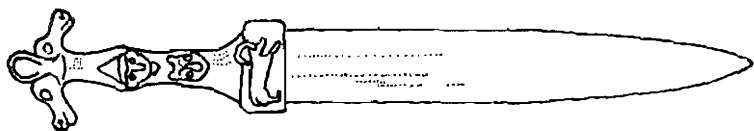

Рис. 1. Луристанский короткий бронзовый меч с соединенными затылками головами буйволов на головке рукоятки. VIII—VII в. до н. э. Длина — 14½ дюйма. Национальная галерея Виктории

ны Навуходоносору I из Вавилона (1146—1123 гг. до н. э.), другие — царям II династии Исин (1158—1027 гг. до н. э.). Были ли они добычей из вражеских святилищ, возвращенным луристанским оружием, прежде захваченным и посвященным вавилонским и эламским захватчикам? Это предположение в какой-то степени находит подтверждение благодаря наличию топоров с узкими, кривыми лезвиями и шипами на обухе, представляющих характерный для Луристана тип и имеющих близкие по времени надписи. Все они хорошо подтверждают возобновление и рост работ по бронзе в конце XII в. до н. э.

В результате новых переселений с Кавказа луристанская работа по металлу испытала серьезные внешние влияния. Она приобрела здесь отчетливое сходство с металлическими изделиями позднего бронзового и раннего железного веков из Кобана, Центральной Грузии, Армении и Азербайджана, а также российского и персидского Талыша с берегов Каспийского моря. Мечи талышского типа, кинжалы с конусообразными головками рукояток и бронзовые висячие украшения в форме бубенцов, раскрытых человеческих рук и миниатюрных животных. Цельные или ажурные, все они происходят от кавказских образцов, а висячие украшения имеют даже более дальнее родство — с изделиями позднего бронзового века Европы и предметами дорийцев, захвативших Грецию, Фессалию и Балканы приблизительно в 1100 г. до н. э. То, что захватчики ездили на лошадях верхом, не только показано изображениями конницы на печатях и бронзе, но и подтверждается на «кладбище В» в Тепе-Сиалке изогнутыми псалями двузвенных удил, принадлежащими к «периоду I кавказского железного века», проколотыми коническими пуговицами типов, которые позднее были

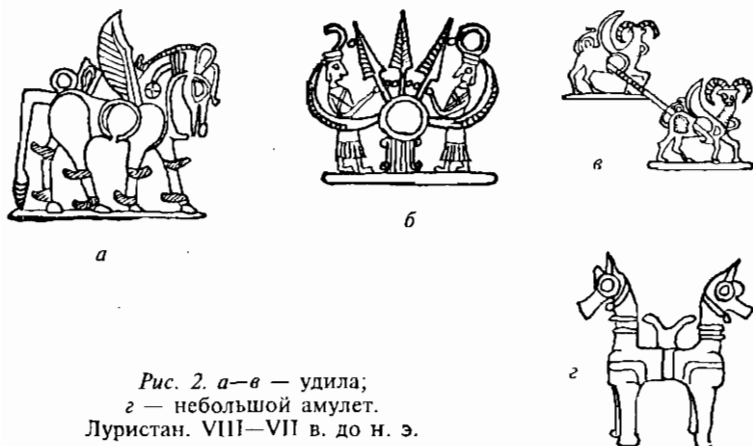

Рис. 2. а-в — удила;
г — небольшой амулет.
Луристан. VIII—VII в. до н. э.

связаны с фрако-киммерийцами в Венгрии и на Украине.

В клинописных текстах зафиксировано, что нашествие собственно киммерийцев угрожало Урарту в 707 г., а Ассирии — в правление Ассархаддона (681—668 гг. до н. э.). Им может быть приписано появление в ассортименте Луристана ручек для оселков, плоских металлических чаш с приклепанными ручками-петлями и U-образных застежек для поясов со спиральными окончаниями. Все эти предметы имеют аналогии в конечной фазе (F или галыштат B) центральноевропейского бронзового века, начавшегося приблизительно в 800 г. до н. э., и в доэтрусской Италии того же периода.

Все заимствования у пришельцев и все нововведения вскоре преобразились, часто с утонченностью и изяществом, исконно луристанским «звериным» стилем (рис. 2). Псалии удила отливались в форме крылатых лошадей, горных козлов, быков и кабанов, изредка в виде замысловатых групп фигур с не-

сущим животных демоном или с животными вокруг священного дерева.

Горные козлы, лошади, львицы, пятнистые леопарды, возможно, и тигры были излюбленными животными для художников. Их выбрали не только из-за их тесной связи с жизнью иранского охотника — горный козел по-прежнему оставался «царской добычей», львы были известны в Месопотамии, леопарда, несомненно, знали в горах, а изящные лошади приручались и носили бубенцы на хомутах, — но также из-за космизма иранской религии, самым ранним свидетельством которой стали эти бронзовые изделия. На них показываются мрачные бородатые боги и злые рогатые демоны в сопровождении животных: горного козла, символа мужественности и господства, зверя из семейства кошачьих, представлявшего жестокость и страх, или лошади, символа богатства и высокого положения. Возникают и другие животные: небольшие олени, дикие козлы, медведи, зайцы, но одомашненные овцы и крупный рогатый скот встречаются редко. Эти группы животных и демонов, воспроизведенные на удилах, вотивных¹ булавочных головках и культовых штандартах, свидетельствуют об анимистических и шаманских верованиях, которые кочевые охотники выносили из контактов с природой. В этой религии человеческие отношения были тесно связаны с дикой природой, но постоянное повторение набора иконографических тем и определенная последовательность в выборе декоративных мотивов, разумеется, предполагает существование священной жреческой касты, для которых кузнецы были официальными «доверенными художниками».

¹ Посвященные богам предметы культа.

Рис. 3. Бронзовый культовый штандарт из Луристана. VIII—VII в. до н. э. Высота — $7\frac{1}{4}$ дюйма. Художественный музей Цинциннати

Из литых металлических предметов наиболее замысловатыми являются так называемые «культовые штандарты». Каждый из них состоит из центральной человекоподобной фигуры, имеющей почти цилиндрическую форму высотой приблизительно девять дюймов, с обеих сторон которой располагается пара слегка изогнутых рельефных животных семейства кошачьих, тянущих головы к голове стоящей между ними человекоподобной фигуры. Обычно эта фигура, раскидывая руки, сжимает кошачьи шеи, а к их спинам часто прикреплены второстепенные животные (собаки или хищные птицы). Таким образом формируется единая и не лишённая изящества группа (рис. 3). Известно более 50 культовых штандартов, и в большинстве предметов центральная человекоподобная фигура обладает женскими или, по крайней мере, двуполоыми чертами. Иногда она кладет руки себе на грудь в позе плодovitости; она господствует над царством животных и вскармливает их, как львов (царей зверей) и ястребов, так и собак, преследующих львов и поддерживающих, так сказать, равновесие в природе. Это космическая фигура, и мы, не погружаясь слишком глубоко в неизвестность, должны считать ее воплощением главного животворного принципа для богов, людей и животных. Ее плодovitость символизируется рогами муфлона или фаллическим наконечником на голове, ее материнство — человеческими головами (тремя или бóльшим числом), прикреплен-

ными ниже, головами, представляющими либо низших членов в божественной иерархии, либо человеческую или божественную жизнь, происходящую из ее лона.

Абсолютно иной аспект поздней луристанской культуры, важный для прояснения картины доисторических истоков мидийской и ахеменидской цивилизации, был открыт при раскопках храма в Сурх-Думе. Там в 1938 г. Э. Шмидт раскопал примитивное здание с многочисленными пожертвованиями *ex-voto*, главным образом булавок с круглыми головками-дисками, имевшими рельефные украшения, которые относятся к иконографической традиции, существенно отличающейся от литых металлических изделий (рис. 4). Эти булавки, как и выпуклости в центре щитов и пряжки для поясов, теперь хорошо известны; значительное их число обнаружено в Сурх-Думе, Кух-и-Даште и в окружающем равнину Пиш-и-Кух районе южнее Кермана. Вопреки обычно высказываемой гипотезе они показали, что мастера, создававшие булавки, частично были знакомы с такой же жизнью охотников и с теми же самыми демонами, что и литейщики по металлу: можно легко указать на некоторые аналогии в мотивах и одежде. Тем не менее искусство создания булавочных головок и других предметов, выполненных гравировкой или чеканкой по металлу, было преимущественно искусством жреческой касты, которую интересовали изображения космических верований и религиозных церемоний. Стиль этих изображений находился под некоторым воздействием искусства Ассирии, привлекал методы, которые, как известно теперь, не ограничивались одним Луристаном, но также практиковались в персидском Курдистане, Азербайджане и в долинах Эльбурса к югу

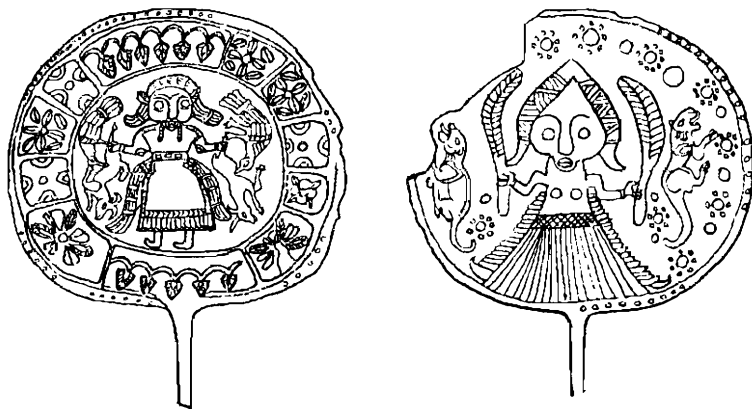

Рис. 4. Бронзовые вотивные булавки. Сурх-Дум. VIII—VII в. до н. э. Диаметры — около 3 дюймов

от Каспийского моря, и включал элементы дизайна из металлообрабатывающих центров Урарту на озере Ван. Современные данные указывают, что декоративные и иконографические элементы, свойственные булавкам и пластинам стиля Сурх-Дума, гораздо больше распространены в горных долинах Западного Ирана, чем луристанские литые изделия, но подробнее их значение будет обсуждаться в следующей главе.

Чтобы поместить эту древнейшую рельефную отделку металла в среду доахеменидской цивилизации, достаточно обрисовать вероятную интерпретацию изображенных на изделиях групп индоарийских религиозных тем. Рене Дюссо первым разглядел на булавочных головках и поясных пластинках изображение праздника *хаомы* и специфических культов бога Митры; он осознал, что некоторые фигуры держат *барсомы*, пучки священных ветвей, которые носили с собой верующие до эпохи зороастризма.

Рис. 5. Колчан с рельефом. Кух-и-Дашт. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Высота — 21 дюйм

Как свидетельствуют дошедшие до нас немногочисленные литературные произведения касситов, дополненные массой теофорических имен собственных, они поклонялись богам солнца и войны «Ригведы», Сурье и Маруте, Бурье, богу бури, и, возможно, ведийскому Индре, также упоминаемому в митаннийских текстах. Они разделяли тройную иерархию божеств ранней ведийской религии (подразделявшихся на богов неба, воздуха и земли), которую позднее одухотворил зороастризм. Луристанская бронзовая пластина с колчана из Кух-и-Дашта с ее тремя полосами, изображающими божественные фигуры, очевидно, должна иллюстрировать эту концепцию (рис. 5). Боги-близнецы на верхней полосе (небо) — вероятно Митра (Митрас) и Варуна, тесно связанные верховные боги мирового устройства. Митра изображен со своим космическим быком, Варуна — с небольшим квадратным алтарем огня. Под ними на центральной полосе (воздух) находится Индра, глава ведийских марут, богов силы, бури и войны. Индру, как и в «Ригведе», здесь тоже сопровождают львы и хищная птица (*сенья*), и, поскольку Индра равносильен богу войны и охоты Нинурте из аккадских текстов, чтобы продемонстрировать свою второстепенную роль бога охоты, он держит двух убитых козлов. На нижнем элементе композиции (земля) показаны близнецы-Насатьи, целители, восстановители здоровья и боги плодородия. Здесь они изображены в процессе омоложения старика Чьяваны, держащего

Рис. 6. Ножны с рельефной отделкой. Луристан.
Частная коллекция. Высота — 24 дюйма

свою новую, хорошо причесанную голову и собирающегося поместить ее на место.

Повторение этого тройного разбегания поля на похожие части показывает, что даже если космическая интерпретация ошибочна, то, по крайней мере, объяснение этих тем лежит в плоскости, полностью чуждой месопотамской религии. То же самое можно сказать о чаще представленной и более спорной теме: рогатый и бородатый бог в просторном платье и с повисшими крыльями несет на плечах две одинаковые фигуры людей или драконов и в то же время держит в вытянутых руках побеги растений (рис. 6). Наиболее полно эта фигура представлена на серебряной полоске из Музея Цинциннати, но известны и другие подобные изображения — на булавочных головках и выпуклостях в центре щитов (фото 4, 5).

Мисс П. Акерман так объяснила центральную фигуру пластины из Музея Цинциннати. На ней изображен великий бог-отец, равнозначный ханаанскому Элю, быку и горному богу. Он порождает Ашвинов, соответствующих в Индии классическим Диоскурам, Кастору и Поллуксу. Как их классические двойники, Ашвины показаны при появлении на свет из яиц в окружении верующих в «трех возрастах человека» — ползающих на четвереньках детей, стоящих молодых людей и бородатых старцев, держащих длинноствольные пальмы, которые, по-видимому, служили в луристанском искусстве характерными знаками бо-

жественности (фото 4). Однако профессор Гиршман считает, что центральная фигура принадлежит Зурвану, иранскому богу-отцу и богу времени, представленному здесь дающим жизнь двум асурам — противостоящим друг другу принципам добра и зла.

Обе интерпретации оставляют без объяснений многие детали и вынуждают нас устанавливать культурные и хронологические связи, но в то же время мы можем быть уверены, что за этими в высшей степени устойчивыми изображениями стоит иранский дуализм.

Какими бы ни были интерпретации, пластины, изображающие религиозные темы, несомненно, обладают иконографическим единством. Крылатые обычно божества и жрецы, как правило, с барсомом, обвязанным вокруг талии, одеты в одни и те же платья, доходящие до икры ноги и заканчивающиеся низкой бахромой. Поверх платья надета прикрепленная крест-накрест накидка или пара подтяжек, заканчивающихся у талии. В дополнение к отдельным культовым сценам, интерпретировать которые всегда трудно, на нескольких пластинах-поясах из бронзы и золота показаны процессии жрецов, ведущих животных и готовящих жаровни для кровавых жертвоприношений (их Зороастр позднее запретил) и даже смешивающих *хаому*, священный пьянящий напиток, также осужденный Зороастром. Лишь на этих пластинах и булавках, возможно, мы увидим дошедшие до нас изображения магов, руководивших религиозными сторонами жизни Ирана при мидянах и Ахеменидах (рис. 7).

Проявившееся в кованых изделиях конца VIII в. до н. э. преобладание ассирийского влияния объясняется, вероятно, присутствием ассирийских гарнизонов в Центральном Загросе (особенно в Хархаре и

Рис. 7. Часть золотой поясной пластины из Луристана. VIII в. до н. э. Общая длина — $17\frac{1}{4}$ дюйма, ширина — $2\frac{3}{8}$ дюйма.
Частная коллекция

Бит-Кари) при Саргоне II (722—705 гг. до н. э.) и Ассархаддоне (фото 1, 2). Прогрессивное ассирийское влияние главным образом заметно в ряде кубков для питья, или ситул, которые, по-видимому, первоначально производились в одном центре, находившемся на старой касситской территории у Бит-Хамбана или Кар-Каши в IX в. до н. э. Их стиль в высшей степени унифицирован, и на многих из них изображены пирующие бородатые князья на тронах, обслуживаемые придворными и музыкантами. На них декоративные разновидности вавилонских придворных платьев и вавилонские украшения — и те и другие были усвоены касситами при их правлении в Вавилоне. Но оружие, музыкальные инструменты и отделка платьев — иранские, и детали изображают для нас дворы мелких кочевых князьков. Реже обнаруживались щиты и другие предметы, отделанные в том же «пиршественном стиле». Церемониальный котел из Музея Цинциннати указывает на связь между исконными луристанскими металлическими изделиями и ситулами с чеканкой. На более поздних ситулах дерзко копируются ассирийские мотивы и изображаются взаимоисключающие бородатые быки и священные эмблемы, хотя и с незначительными отклонениями от ассирийского стиля (фото 3). Эти ситулы несомненно были изготовлены до прав-

Рис. 8. Фигуры животных с луристанской ситулы

ления на этих восточных территориях Ассархаддона, потерпевшего крах в 672 г. до н. э. (рис. 8). При рассмотрении преобладающего ассирийского влияния на мидийско-ахеменидское искусство мы, конечно, должны принимать во внимание эти сосуды, поскольку факты предполагают, что они были произведены приблизительно в то время и в том месте, где и когда создавалось Мидийское царство. На самом деле вполне вероятно, что вычеканенные на них фигуры принадлежат первым мидийским князьям.

Несмотря на сложность понимания и объяснения луристанского искусства, его роль в создании иран-

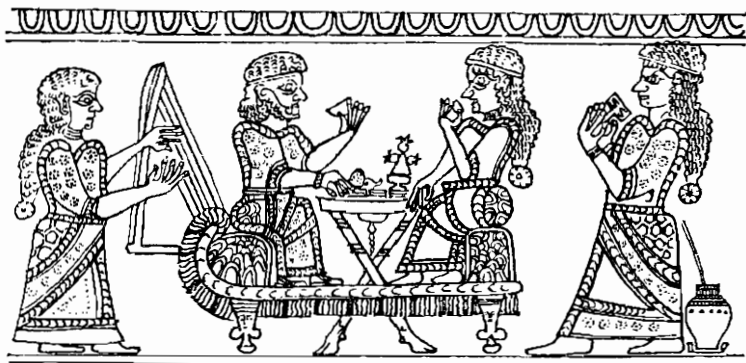

Рис. 9. Сцена пира, выгравированная на луристанской ситуле.
IX—VIII в. до н. э. Частная коллекция

ской традиции имеет первостепенное значение. Без ссылки на него невозможно объяснить мидийское и ахеменидское искусство. Это также было искусство звериного стиля, стремившееся к симметрии и равновесию, пытавшееся сводить все формы к двучастному образцу. Там, где внешние формы усложняли достижение такого равновесия, это компенсировалось гиперболизацией внутренних деталей, ненатуральным изображением конечностей и мускулов, чрезмерным выделением складчатой кожи и узора шерсти животного или таким разбиением тела на составные части, что иногда все ощущение органичности построения терялось. Этот показательный дуализм — центральная иранская черта, наполняющая все формы выразительности в ахеменидском искусстве.

Глава 2

МАННЕИ, МИДЯНЕ И СКИФЫ

Как и следовало ожидать, проникновение волн варваров-кочевников в среду оседлых и чрезвычайно развитых городских цивилизаций Верхней Месопотамии, Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии изменило их культурную и художественную ориентацию. Лишь в последние годы археологические раскопки в областях, расположенных юго-западнее Каспийского моря и южнее озера Урмия, позволили приступить к исследованию сочетания искусств кочевых и оседлых народов, порожденного в Иране этими вторжениями. Ряд археологических открытий не только ставит серьезные проблемы, но добавляет новое измерение к нашим размышлениям о луристанской культуре и возникновении ахеменидского искусства. Самые недавние открытия в Амлаше, Дайламане, Марлик-Тепе и Хасанлу предоставили свидетельства развития раннего иранского искусства, точно идентифицировать которые еще предстоит. Черта, объединяющая их в наибольшей степени, — это влияние анималистической формы на основные декоративные элементы. Это искусство выражает анималистическое искусство евразийских степей, измененного контактами с Месопотамией, хеттами и царством Урарту на озере Ван, ближайшим западным соседом прикаспийских и азербайджанских тер-

риторий, населенных кочевниками. В VIII в. Урарту могло объединять политически и до некоторой степени культурно весь запад Анатолии и север Сирии, присоединив сильные и независимые сиро-хеттские царства юго-востока Турции и арамейские царства, расположенные вокруг Алеппо. В начале I-го тысячелетия, однако, специфическое влияние какого бы то ни было из этих последних источников отсутствует, и по крайней мере каспийскую сторону рассматриваемой территории эти открытия связывают с Кавказом и с некоторыми аспектами луристанской металлообработки. В порядке рабочей гипотезы мы можем считать группу, пришедшую из мест в провинциях Мазендеран и Гилян, обрамляющих юго-западное побережье Каспийского моря, принадлежащую в основном к «протокиммерийскому» народу.

Из этих мест единственное, известное нам по открытым и научным раскопкам, — поселение Марлик-Тепе (Гилян), расположенное в долине Гохар-Рудх северо-западнее Рашта. В результате раскопок на склоне горы обнаружилось несколько погребальных камер, в которых были разбросаны немногочисленные кости умерших и остатки ценных металлических и керамических изделий. Эти находки вместе с огромными размерами некоторых неглубоко построенных помещений (например, 16 на 10 футов), вырубленных в нарывах природных скал, наводят на мысль о могилах вождей или представителей царской династии. Среди изделий, извлеченных из захоронения, выделялось несколько золотых и серебряных сосудов, образцы ювелирных изделий и оружия (рис. 10).

Значительная часть материала, принадлежащего к так называемой «мазендеранской культуре», происходит из области вокруг двух деревень в провинции Гилян — Амлаша и Дайламана, — расположенных

Рис. 10. а—в — золотая посуда из Марлик-Тепе, IX—VIII в. до н. э.;
г — гриффон с чаши из Марлика

в возвышенных (2000 метров) долинах восточнее Сефид-Руда (рис. 11). Все известные предметы получены в результате обследования могил местными крестьянами. Среди приобретений, сделанных музеями и известными торговцами, высока доля изделий, аналогичных находкам из Марлик-Тепе, представляющих, по-видимому, один культурный период около 900 г. до н. э., в который северные и западные склоны Эльбурса занимали народы с развитым вкусом и художественной индивидуальностью, на удивление не затронутой влияниями Месопотамии (фото 8, 14).

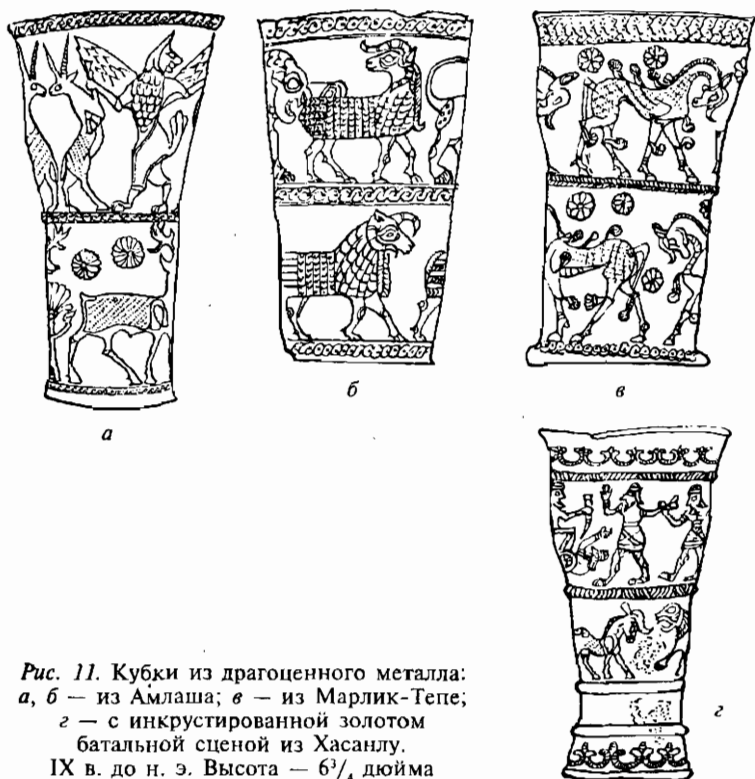

Рис. 11. Кубки из драгоценного металла:
 а, б — из Амлаша; в — из Марлик-Тепе;
 г — с инкрустированной золотом
 батальной сценой из Хасанлу.
 IX в. до н. э. Высота — $6\frac{3}{4}$ дюйма

Самостоятельность их творческого подхода лучше всего демонстрируется рядом керамических кувшинов из красивого малинового лощеного материала, выполненных в форме горбатых быков (одомашненных зебу) или маралов. Кувшины эти абсолютно закрыты, а отверстие с носиком располагается сверху головы животного. Они представляют собой шедевры гончарного ремесла; животные скульптурны и динамичны по форме, волнообразной и аккуратной, достойной Бранкузи, Хепворт или Мура. Изогнутость горбов, крест-

цов и впалых спин быков приятно контрастирует с острыми краями горбов и подгрудков, а изящные линии повернутых шей оленей — с замысловатыми, не слишком длинными рогами. По качеству они не уступают животным в балканском или русском народном искусстве (фото 9—12). Кувшины, в том числе сделанные в виде лошадей (их изготовлением занимались в поселении Маку на иранско-турецкой границе), могут быть связаны с кувшинами-быками.

Именно олени и горбатые быки представлены также небольшими статуэтками из литой бронзы. Значительное число таких статуэток происходит из Амлаша, отдельные экземпляры — из Марлика и Хурвина (бронзовые висячие украшения, небольшие животные и выполненные в форме плода граната бубенцы), — кажется, принадлежат к ранней киммерийской традиции металлообработки, уже замеченной в Сиалке и Луристане. Бронзовый всадник имеет особое значение, поскольку, несомненно, протокиммерийцы стали использовать лошадь для верховой езды, и в одной из могил «кладбища В» Сиалке была найдена примитивно выполненная цилиндрическая печать с изображением сидящего на лошади воина.

Эти керамические и бронзовые животные, в частности, связывают материалы Мазендерана с более ранними находками в мегалитических могилах примыкающих с севера районов Талыша и Ленкорани, которые охватывают последнюю фазу бронзового века в конце 2-го тысячелетия до н. э. и начало железного века. Керамические вазы с изображениями животных, уступающие, правда, керамике Мазендерана, и бронзовые подвески в виде животных, главным образом оленей, широко распространены в захоронениях таких мест, как Агха-Эвлар в персидском Талыше, Разгур в Ленкорани, Тулу в азербайджанс-

ком Талыше и Самтавро на Кавказе; кроме того, в этих и других кавказских могильниках найдены одинаковые бубенцы и ажурные бронзовые украшения. Мечи из Калар-Дашта и Марлик-Тепе принадлежат к талышскому типу (с полумесяцем вдоль центра лезвия в верхней его части), и даже серьги, украшенные миниатюрными золотыми виноградными гроздьями и гранатами, и круглые золотые медальоны с крестовидным и звездообразным узорами, найденные в Марлике и Амлаше, имеют аналогии в Редкин-Лагере и Лшасене севернее озера Севан и Вери в азербайджанском Талыше. Почти наверняка культура Мазендерана в основном представляет собой распространение на юг культур конца бронзового века из кавказских областей и закавказских степей Восточного Азербайджана.

Ранее уже утверждалось, что между культурой Мазендерана и Луристаном существовали определенные связи. Это особенно очевидно проявляется в ряде золотых кубков и чаш из Амлаша и Марлик-Тепе (см. рис. 10). Они имеют многие декоративные элементы луристанских кованых металлических чаш, розетку под основанием и одиночный или двойной витой орнамент, выгравированный по краю сосуда, — привлекательный элемент, свойственный исключительно иранским предметам, обнаруживаемый на всех типах луристанского кованого металла. Удлиненные золотые кубки конической формы с горизонтальными полосками из Амлаша и Марлика по форме похожи на сосуды, найденные в Зулу-Абе в Луристане, а быки, шествующие вокруг великолепного золотого кубка из Марлик-Тепе (см. рис. 11в), имеют выгнутые шеи и украшенные перьями ноги, как животные на удилах, изготовленных в Луристане (см. рис. 2). В целом, однако, отделка кубков из се-

верных мест богаче и более тщательно прорисована, чем на любых луристанских вещах, и кажется более вероятным, что кубки и художественные традиции, которые они демонстрируют, переносились с севера на юг, а не наоборот. Изображенные на них шагающие животные имеют выгнутые шеи, их тела разделены на части, как и у животных на поясных пластинах из грузинских и кобанских могильников XII в.

В отделке металла из северных мест важные для Месопотамии мотивы сталкиваются с простым звериным стилем. Тема космической важности, двуглавый орел-лев, сжимающий в безжалостных когтях молодую газель, замечательно изображена на кубке из электрума, приобретенном Лувром (фото 7, 8). Хотя основная концепция такого монстра происходит, вероятно, из Месопотамии, в искусстве Западной Азии его форма уникальна. Он поразительно подходит в пару к чудовищу с луристанского колчана (см. рис. 6). Другая группа сосудов из Амлаша и Марлика, произведенная, вероятно, гораздо позднее (возможно, в 800—750 гг. до н. э.), хотя и обладает определенными индивидуальными художественными достоинствами, имеет высокие рельефы, вычеканенные в особенно вычурной и несколько комической версии ассирийского искусства (см. рис. 10 а, г).

Эти находки, по-видимому, дают нам изделия, появившиеся в результате той же последовательности иранских вторжений начала I-го тысячелетия, которыми мы объяснили определенную эволюцию в Луристане. Следы новых поселенцев с их развитой техникой обработки металлов и серой или черной лощеной керамикой, имитирующей металлические формы, в частности бутылки и кувшины с носиками, можно теперь обнаружить не только в Тепе-Гияне, Тепе-Сиалке и Луристане на юге Ирана, но и в ме-

стах новых раскопок у Каспийского моря: в Хурвине в провинции Казвин, Геой-Тепе в Азербайджане и в Хасанлу, юго-западнее озера Урмия, рядом с Сольдузом.

Ремесла, исконно присущие этим народам, как и ремесла Луристана, все больше подвергались ассирийскому влиянию, пока не оказались поглощенными им окончательно. О перемещениях и распространении этих племен сказать можно немного, но не вызывает сомнения, что из этого богатого и подвижного культурного окружения в VIII в. до н. э. выкристаллизовались искусство и цивилизация Мидии.

Обедненный стратиграфической¹ и исторической информацией, этот период, однако, богат кладами. Один из наиболее интересных памятников религиозной иконографии, обнаруженный на древнем Ближнем Востоке за последние годы, — золотая чаша из Хасанлу (персидский Курдистан). Раскопанная в 1956—1958 гг. сотрудником Пенсильванского университета Р. Дайсоном, эта древняя крепость-холм, видимо, была заселена с начала 3-го тысячелетия до н. э. Но самые интересные находки принадлежат более позднему периоду 1000—750 гг. до н. э., когда Хасанлу была важным центром территории народа, названного в ассирийских надписях маннаями. Земля Манна лежала в горном районе восточнее Сулеймании.

В юго-западной части крепости Хасанлу внезапный пожар уничтожил строения предпоследней фазы существования города, характеризуемой главным образом серыми лощеными керамическими сосудами северного типа с носиками. Среди руин разрушенных двухэтажных строений были найдены металли-

¹ Стратиграфия — раздел геологии, изучающий последовательность формирования горных пород.

ческие изделия и глазурованные изразцы того же типа, который употреблялся в ассирийских дворцах в IX в. до н. э. В одной из комнат обломки строения рухнули на трех солдат, пытавшихся бежать с награбленной добычей. Предводитель группы держал железный меч с инкрустированной золотом рукояткой, второй солдат — бронзовый скипетр, третий нес золотую чашу, выскользнувшую из его рук, когда он упал на землю под горящими балками.

Виновные в этом преступлении, так драматически раскрытом при помощи лопат, несомненно, были урартами, чья цивилизация в последние годы оставалась предметом многих исследований и открытий. В районе Хасанлу были обнаружены две каменные надписи урартского происхождения. Первую, стелу из Кел-и-Шин, воздвигли царь Урарту Ишпуини и его сын Менуа (815—807 гг. до н. э.), вторая, из Таш-Тепе, в 80 километрах восточнее Хасанлу, прославляла завоевание государства Манна царем Урарту Менуа II (804—790 гг. до н. э.). Таким образом, очень вероятно, что дата смерти солдат-мародеров приходится на период где-то между 815-м и 790 г.; это хорошо соответствует результатам анализа материала из «могилы» грабителей по изотопу углерода.

Золотая чаша бесспорно изготовлена в Иране, ее украшенный плетеным узором край и сюжеты на стенках демонстрируют иранскую технику изображения животных и нанесения орнамента (фото 6). Облики и одежда людей на чаше близки к амлашскому и луристанскому типам. Дополнительные подтверждения местного изготовления чаши предоставляют талышские мечи, которые можно видеть под одной из колесниц на верхнем украшающем ее фризе.

На верхнем фризе также изображены три хурритских бога на колесницах, запряженных быками и му-

лами, и эта картина напоминает о богах погоды на хурито-митаннских цилиндрических печатях конца 2-го тысячелетия из Сирии и Юго-Восточной Турции. Мисс Порада и другие исследователи высказали предположение, что явно несвязанные темы, занимающие пространство ниже опоясывающего чащу фриза с богами погоды, иллюстрируют некоторую хурритскую мифологическую историю, возможно миф об Улликуммише. Особое внимание следует обратить на тесную связь с техникой выполнения кубков из Амлаша и Марлика. Высокий серебряный кубок с наложенными фигурами из электрума из того же сгоревшего здания в Хасанлу имеет нижний фриз с животными в стиле Марлика и по краю — батальную сцену с пехотинцами и колесничими, пророчески изображающую бедствия, которые послужат концом Хасанлу (см. рис. 11г). Своим видом эти войны напоминают фигуры на чаше. Узкие их головы перевязаны лентами, длинные волосы закрывают весь затылок.

Существует еще один, более значительный клад с территории Манна: это знаменитое теперь сокровище из Зивие, холма с развалинами, находящегося юго-восточнее озера Урмия. В 1947 г. жители близлежащей деревни Саккыз нашли клад золота, серебра и слоновой кости в саркофаге, имеющем форму ванны (рис. 16, фото 16, 17, 19—25). Первоначально клад разрушили крестьяне, поэтому отнюдь не ясно, сколько вещей находилось в саркофаге и сколько было найдено уже в процессе более поздних работ на холме. Ядро клада неоднородно ни по технике, ни по стилям, и теперь мы можем увидеть отдельные его части.

В первую очередь следует признать художественную устойчивость золотых пластин, колчанов и предметов из слоновой кости с гравировкой, выполненной в чис-

Рис. 12. Часть трапецевидной золотой пластины из Зивие, вероятно нагрудной. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

Вся пластина с шестью рядами животных имеет ширину $10\frac{1}{4}$ дюйма сверху, $5\frac{5}{8}$ дюйма внизу и высоту $11\frac{1}{2}$ дюйма

то ассирийском стиле и в значительной степени посвященной сценам охоты на львов, ассирийским в каждой детали, бесстрастным, скучным и повторяющимся (фото 21, 22). Во-вторых, друг к другу хорошо подходят золотая пектораль в форме полумесяца и части трех трапецевидных нагрудных пластин с выгравированными рядами фантастических животных, расположенных по обе стороны от священных деревьев (фото 20). Концепция этих изделий опять-таки в основном ассирийская, но искусство в большей степени представляет собой смесь нескольких черт, в которых различимы некоторые заимствования из Финикии и чаще из Урарту (рис. 12). Пектораль в форме полумесяца — урартская по форме, как и горбатые, крылатые львы и отвратительные орлы-грифоны, пополнившие бестиарий. Обычай создавать демонов из частей различных животных особенно заявил о себе в Урарту.

Пектораль наилучшим образом подходит для знакомства с третьим стилистическим типом, поскольку в узких концах полумесяца расположены поджавшие лапы животные, изображенные в чисто скиф-

Рис. 13. Часть золотой пластины со скифскими животными из Зивие. Весь оригинал имел $6\frac{1}{2}$ дюйма в ширину

ском стиле. Конечности этих зайцев и медведей «незаметно переходят» в кудрявые лапы животных из более поздних скифских мастерских в российских степях. Другие золотые фрагменты клада имеют по краю ряды голов грифонов, популярные у скифских художников символы, и есть также интригующий кусочек золотой фольги (теперь состоящий приблизительно из 24 фрагментов), покрытый сеткой завитков, которые, как оказывается, являются волнообразными окончаниями ветвей священного дерева. В промежутках между ветвями сидят миниатюрные олени скифской формы, в точности как на изделиях замечательных скифских находок из Куль-Оба и приднепровских курганов (рис. 13). Места соединений священных ветвей закрыты урартскими львиными масками. Эта пластина сопоставима с другими образцами смешанного урартского стиля из Закима

в турецкой провинции Карс и из Ани-Пемзы в Армении, на одном из которых завитки расположены вокруг урартских животных, а другой содержит по краю изображение типично урартского дерева. Недавняя находка урартского пояса в могиле железного века в осетинском поселении Тли является еще одной иллюстрацией популярности урартских предметов среди проживавших на периферии народов.

Очевидно, мы имеем дело с периодом общего взаимобмена между Ираном, Урарту и южнороссийскими скифскими княжествами. Среди объектов из Зивие, не принадлежащих к кладу, есть настоящие импортированные скифские вещи. Каменная гиря, или печать, имеет чисто скифскую форму и принадлежит к типу, образцы которого были найдены в урартском городище Кармир-Блур в Ереване, захваченном скифами в 625 г. до н. э., в собственно скифском Келермесе и в других местах захоронений. Изогнутая псалия конского удила, заканчивающаяся головой животного, демонстрирует свойственные скифам три отверстия для уздечки. Однако, как и эти предметы, наиболее важный скифский образец — серебряную чашу, инкрустированную концентрическими кругами из скифских животных и голов грифонов, расположенными вокруг центрального круга с ассирийскими бутонами лотоса, — нельзя с уверенностью приписать к основному кладу (фото 25).

Несмотря на скифские предметы, присутствие непосредственно скифского импорта, а также наличие местных изделий, по-видимому, позволяет отнести находки Зивие к периоду от 675-го до 625 г. до н. э., когда скифы правили на маннейской территории. Правда, эти даты кажутся слишком ранними для предметов, имеющих точные аналогии в скифских могилах на их родине в России. Проявляющееся в

некоторых предметах ассирийское и урартское влияние, как можно предположить, предшествует 612 г., когда мидяне окончательно разбили ассирийцев, и, конечно, 590 г., когда разрушили Кармир-Блур. В ответ на возражения, основанные на скифской хронологии, можно предположить, что скифское искусство, до сих пор воспринимавшееся как порождение степных земель, на самом деле развивалось южнее Кавказа под влиянием Месопотамии в период скифского господства, распространившись в южную часть России в начале VI в. Таким образом, была установлена тесная связь между скифским и иранским искусством. Линии такого развития вполне убедительно подсказываются анализом стиля некоторых предметов, но в большей степени зависят от даты захоронения клада. Даже если сам саркофаг и отдельные предметы его содержимого были выполнены в начале VII в. (до скифского господства), изделия из слоновой кости не могли быть сделаны до правления Ассархаддона, а предметы из Хафантау, места в трех милях к юго-западу от Зивие, аналогичные пластинам в ассирийском стиле из Зивие, показывают, что мы имеем дело не с обособленными семейными ценностями (фото 18). Однако *захоронен* был клад позднее, в правление Ашшурбанипала (668—626 гг. до н. э.), достаточно поздно, чтобы включить предметы недавно развившегося скифского стиля. Приписывание клада правлению Ассархаддона, кроме того, подсказывается известным поведением этого монарха со скифами. В начале своего правления он сам выдал замуж свою дочь за скифского князя. Хотя нам ничего не известно об истории Зивие в его правление, но до него Саргон II, а после него Ашшурбанипал вели кампании против маннеев и захватили Изибье, Изирту и, вероятно, Зивие и Хафантау. На-

верное, в двух первых городах размещались скифские гарнизоны, поскольку союз между скифами и маннеями при главенстве скифов образовался приблизительно в 675 г. до н. э.

Города Урарту тоже ощутили потрясение от скифского вторжения в последние годы VII в., что подтверждается археологическими данными из Кармир-Блур. Захвату скифами территории вокруг озера Ван непременно предшествовал период мирного сосуществования между урартами, маннеями и их будущими завоевателями.

К пестрой смеси фрагментов искусства и культуры, созданной этими ценными открытиями, примыкают отдельные исторические данные из ассирийских летописей. Оказывается, например, что маннеи, несмотря на их родовую принадлежность, в первые три четверти VIII в. были силой, достаточно могущественной, чтобы отвлекать воинственные устремления Ассирии и Урарту. В век, прошедший между удачными походами против них Саргона II и падением скифских гарнизонов на маннейской территории, мы ничего не слышим о них, как о родовом организме, и, вероятно, предметы Зивие за одним исключением никоим образом не отражают историю самих маннеев. Этим исключением является пластинка из слоновой кости с вырезанным *en steix*¹ изображением царя, то ли получающим добычу, то ли готовящимся к войне (фото 23). Он стоит под балдахином, принимая жезлоносца и оружейника с луком и стрелами, в то время как еще одна фигура подводит к нему быка. Скопированное из ассирийского источника (балдахин и священное дерево), это изделие прекрасно воспроизводит иранский стиль.

¹ Углубленное изображение, барельеф (фр.).

Одежды с длинной бахромой и расшитыми боковыми вставками обнаружены на луристанских кованых изделиях, особенно в ряде золотых и бронзовых поясных пластинок, показывающих процессии фигур на ритуальных церемониях (см. рис. 7), выполненных в одном и том же неотделанном стиле, как на костяных изделиях из Зивие. В них используется набор художественных соглашений, связывающих Луристан и территорию Манна, и в этом свете кажется возможным, что жители этих двух районов в I-м тысячелетии появились в результате одного и того же перемещения иранского народа. Два иранских племени, вовлеченные в политическую историю Манна и Луристана в VII в., скоро должны были прийти к господству над всем Западным Ираном.

Неизвестные в истории 2-го тысячелетия племенные названия «мадаи» и «парсуа», неразделимые для греков мидяне и персы, впервые появились в ассирийских исторических летописях IX в. до н. э. Правители этих двух племен платили дань Ассирии в правление Салманасара III (869—824 гг. до н. э.), и в то время, по-видимому, парсуа располагались южнее и юго-западнее озера Урмия, а мадаи — юго-восточнее восточных склонов гор Курдистана, распространяясь на восток на северо-западное плато, несколько севернее области, называвшейся Мидией во времена Ахеменидов. Тем временем парсуа переместились вниз по хребту Загроса и сформировали второй анклав в Центральном Загросе, на территориях, которыми предполагала править Ассирия (рис. 14). Саргон II установил ассирийские гарнизоны внутри территории парсуа, главным из которых был Хархар («крепость Саргона»), находившийся недалеко от современного Хамадана. Однако во времена Саргона парсуа уже занимали долины у под-

Рис. 14. Ассирия и Персия в VIII—VII вв. до н. э.

ножия Бахтиарских гор, западнее Шустара и северо-восточнее Суз, неподалеку от эламской территории Аншана. Этот новый район поселения они называли Парсумаш. Постепенно здесь поселилась основная масса парсуа и в конце концов отобрала территорию Аншана у ослабевшего Эламского царства. Но в 692 г. мы все еще слышим о Парсумаше и Аншане, сражающихся как союзники против царя Ассирии Синаххериба.

Пользуясь при каждом удобном случае слабостью Салманасара V (727—722), мидяне становились все более важным фактором ассирийской политики. Однако очень маловероятно, чтобы до правления Саргона их примитивная племенная организация позволила провести какую-либо согласованную политическую акцию. Мы знаем, что местный мидийский вождь Дайукку, противостоявший Саргону в 715 г. до н. э., считался достаточно могущественным, чтобы заслужить высылку в один из контролируемых ассирийцами городов в Сирии. Вероятно, это был Деиок, первым, согласно Геродоту, объединивший Мидийское царство и основавший Экбатану. В чем конкретно заключались достижения Дайукку, каковы были его отношения с парсуа и был ли в действительности он вообще мидянином — ничего этого мы не знаем. Но после правления Саргона, в 702 г. до н. э. мидийский царь Укшатар (по-гречески Киаксар) напал на ассирийский гарнизон в Хархаре.

Сложности с непокорным народом Манна могли заставить ассирийцев в правление Ассархаддона собирать припасы и лошадей из Мадаа. До этого главным источником снабжения являлась Замуа, но хотя она всегда была лояльной к Ассирии, с восточных границ этой провинции угрожали маннеи. Постоянно, со времен набегов Салманасара, операции на

территории Мадая были опасными, хотя Тиглатпаласар III (746—728) собирал с нее дань. Но теперь кажется, что ассирийское вмешательство в дела мидян для них абсолютно нежелательно, поскольку, когда силы Ассархаддона начали проникать на их территорию, между этими кампаниями три вождя сами появились в Ниневии, желая добиться помощи ассирийцев против мятежников у себя на родине. Это были Уппис из Партакки, Занасанна из Партукки и Раматайя из Уруказарбарны. Первое из названий, Партакка, вероятно, обозначает зарождавшуюся центральную иранскую провинцию, позднее называвшуюся Парфией, но ее расположение в то время неизвестно. Все эти территории находились значительно дальше контролируемых Ассирией Замуа и Парсумаша, и просьба ассирийской защиты, исходящая из страны, населенной, очевидно, мидянами, и уплата значительной дани наводят на мысль, что объединение мидян при Деиоке, о котором рассказывает Геродот, было домysлом более поздних времен. В 676 г. до н. э. ассирийцы вторглись на территорию мидян вплоть до горы Бикни (Демавенд, северо-восточнее Тегерана) в местности Патушарри, а между 676-м и 673 г. набеги на эту территорию стали интенсивнее. Конечно, очень вероятно, что путь ассирийских армий лежал к югу от территории Мадая, но без вмешательства мидян и киммерийцев, разумеется, не могло обойтись.

К 672 г. до н. э. Ассархаддон, видимо, достиг уровня подлинной стабильности на своих восточных границах, но пророческие тексты показывают, что с 674 г. начала расти его озабоченность деятельностью некоего Каштарити, который решил объединять маннейские, мидийские и недавно прибывшие киммерийские силы и, более того, угрожал и так слабым

гарантиям дани из страны Манна. По-видимому, Каштарити царствовал в местности Кар-Каши в центральном Загросе, где основное население оставалось касситским. На достаточных основаниях современные ученые установили, что это был не кто иной, как Геродотов Фраорт и сын Киаксара, о котором говорили как о первом царе, подчинившем персов мидянам. Каштарити отобрал у Ассирии Дур-Энлиль и Шарру-Икби, два главных маннейских города, и правил страной Манна, пока кампания Ашшурбанипала после 660 г. до н. э. не восстановила там ассирийское господство. О покорении Фраортом вождя парсуа Теиспа современных данных у нас нет, но, судя по обстоятельствам отношений Кира с Ашшурбанипалом, о которых будет упомянуто в следующей главе, это вполне правдоподобно.

Начальные столкновения между ассирийцами и мидянами наблюдались на территории, простиравшейся от Каспийского моря до Персидского залива. В них были вовлечены Урарту и Элам, а страна Манна использовалась урартами и мидянами в качестве марионетки, в то время как скифы очень ловко пользовались преимуществом текущей ситуации, главным образом помогая киммерийцам.

Эти обстоятельства объясняют смесь стилей в образцах из Зивие, и мы должны иметь их в виду при поисках начал специфического мидийского искусства. В чем же тогда состоит значение основных предметовклада Зивие, пекторали в форме полумесяца и трапециевидных пластин, которые нельзя отнести ни к ассирийским, ни к урартским, скифским или маннейским источникам? Если мы не желаем идти проторенным путем, не стоит ли нам отнести их к искусству мидян, пребывавших до этого момента в тени, или к искусству парсуа, к чьей тер-

Рис. 15. Покрытая глазурью шкатулка, найденная в Сузах. Приблизительно 700 г. до н. э. Высота — около 6 дюймов

ритории в Центральном Загросе мы можем предположительно приписать луристанские ситулы, фаянсовые пластинки и шкатулки из Суз и Чога-Замбия, для которых характерен тот же самый звериный стиль (см. рис. 8)? Несомненно, на этой стадии нам не следует утверждать категорически наличие специфической мидийской формы искусства, хотя ситулы, фаянс и золотые пластины Зивие безусловно разделяют одинаково эклектическое отношение к ассирийским источникам, показывают одних и тех же мифических зверей, имеют один стиль *проходящих* рядов животных (рис. 15). И конечно, на блюдах Зивие, луристанских ситулах и пластинках изображение грудных клеток животных в виде вогнутых треугольников, прикрепленных сверху к тазу «кнопкой», — это изощренность, которая, как мы увидим, будет продолжаться на начальной стадии ахеменидского искусства. Кажется вероятным, что мидийское искусство возникло в этом «смешанном стиле», ко-

Рис. 16. Мидяне, несущие дань, выгравированные по краю бронзового саркофага из Зивие

торый мы находим в Северном и Центральном Загросе.

О внешнем виде и одежде мидян в этот ранний период ассирийское искусство оставило нам общее, но не лишённое противоречий изображение. Рельефы Саргонидов показывают их людьми среднего роста, коротко стриженными, носящими плащи из овчины или накидки из шкуры леопарда. На них зашнурованные сапоги, достигающие до икры ноги, остроконечные шапки с широкими лентами на лбу или падающими тремя складками — короче говоря, обычная одежда людей, живущих в холодных районах. Люди с очень похожей внешностью в бахромчатых (на шерстяной подкладке) и пятнистых (из шкуры леопарда) накидках выгравированы по краю бронзового саркофага, в котором был найден клад Зивие (рис. 16).

Глава 3

СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРИИ

Прошло не так-то много времени, и эти отдельные стычки привели мидян в крепкие тиски ассирийских войск. Власть Фраорта (Хшатриты, Каштариты в ассирийских текстах) была недолговечной: новое племя, происходившее от парсуа, вскоре одержало победу над южной ветвью персов в Парсумаше. Их вождем был Хакаманиш, прародитель, именем которого назвали линию Хакаманиша, или Ахемена, как называли его греки, а со времени его внука Ариарамны до нас дошла первая историческая надпись на персидском языке (выполненная клинописью), касающаяся Ахеменидов (рис. 17). В ней дается родословная Ариарамны, его брата Кураша (Кира I) и их отца Чишпиша (Теиспа) от Хакаманиша. Сам Теисп в этой надписи носит титулы «великого царя, царя Аншана» (Анзана) — эламское название для области, расположенной к северу и востоку от Суз в современном Хузистане. Возможно, имя Теисп совпадает с именем Теушпы, одного киммерийского вождя, упомянутого в летописи Ассархаддона 678 г. Термины надписи Ариарамны не оставляют сомнений: хотя эта территория была центром вотчины дома Ахеменидов, до времени Теиспа ее покорили далеко не полностью. Вероятно, парсуа все еще двигались на юг и захватили эту территорию у эламитов. Более того, Ариарамна многозначительно записывает,

Рис. 17. Золотая пластина с надписью Ариарамны
древнеперсидским клинописным шрифтом,
найденная в Хамадане

как бог Ахура-Мазда дал ему *Парсу*, страну «великую лошадьми, великую людьми», и тем самым впервые сообщает по-персидски имя высшего бога арийцев. Эта надпись также указывает, что Ариарамна завладел территорией к юго-востоку от Парсумаша и Аншана, землей Парсы (современная провинция Фарс вокруг Шираза). Своему брату Киру он дает лишь титул отца «царь Аншана», оставляя себе почетное звание «царя царей, царя Парсы». Неизвестно, при каких обстоятельствах после смерти Теиспа между двумя его сыновьями были поделены территории парсуа. Разделение, выраженное в этой надписи из Экбатаны, — если это действительно запись тех времен, а не более поздняя подделка, — согласуется с титулами, приведенными затем в летописи Набонида.

Территориальные притязания Ариарамны вне области Парсумаш-Аншан и Парсы на юге получили серьезный отпор от коалиции северных мидян со скифами и киммерийцами при Фраорте-Каштарити, который, как было сказано ранее, подчинил Ахеменида Теиспа. Объединенные мидийско-киммерийско-скифские силы прочесали южные территории и

среди других вещей вывезли золотую табличку Ари-арамны с надписью в важный мидийский центр Экбатану (или Агамтану в ассирийской клинописи, современный город Хамадан). Фраорт сформировал антиассирийскую коалицию и встретил поражение и смерть от армии Ашшурбанипала в 653 г. до н. э.

Хотя Парса потерпела поражение от Мидии, Кир по-прежнему продолжал господствовать в Парсумаше и Аншане и, установив свою независимость от Мидии после смерти Фраорта, платил дань Ашшурбанипалу в Ниневию, хотя в действительности симпатизировал не ассирийцам, а мятежному царю Шамашшумукину из Вавилона. Кир не мог рассчитывать на значительную ассирийскую поддержку против исходившей от Мидии угрозы царству парсуа, и после смерти Ашшурбанипала в 626 г. новая и лучше оснащенная армия мидян, организованная Киаксаром II, сыном и преемником Фраорта, покорила парсуа и повела осаду ассирийской столицы Ниневии. Согласно Геродоту, чья хронология по этому эпизоду кажется невероятной, осада мидянами Ниневии должна была чрезмерно затянуться. На этот раз неуверенный в своих союзниках-скифах Киаксар увидел, что его тылам угрожает новое скифское вторжение, выплеснувшееся на Иранское нагорье. Скифская тактика сокрушительных ударов была такова, что, согласно Геродоту, Киаксара вынудили в течение двадцати восьми лет откупаться от них данью. К 612 г. до н. э. Киаксар оказался в состоянии захватить ассирийскую Ниневию и навязать свои условия мира царю Вавилона Набополассару, который присоединился к мидянам в последние годы осады Ниневии. Как только Киаксар победил в Харране ассирийского генерала Ашшурубаллита, он покорила всю Месопотамию и, после удачной кампании в Ар-

мении, где Урартское царство было ослаблено нашествием скифов, весь сектор суши от реки Галис на севере до Суз на юге стал принадлежать ему. Хотя Лидия на анатолийском фланге и Халдея на юге Месопотамии оставались непокоренными, Киаксара можно действительно считать создателем Мидийской империи, первой иранской империи кочевников, известной на древнем Ближнем Востоке. Единственные соперничающие линии, претендующие на лидерство в этой империи, роды Ариарамны и его брата Кира, то есть «персы», оставались в вассальной зависимости.

Именно в брачном союзе между дочерью Астиага, сына и преемника Киаксара на троне Мидии, и Камбисом, сыном Кира, «царем царей, царем Аншана» (хотя и вассалом), появился на свет Кир II. В 559 г. до н. э. он стал вассальным царем Аншана и с 547 г. назывался в вавилонских хрониках царем Парсы. Он улучшил военный потенциал персидских племен как и для своего соперника в Экбатане, так и с целью показать вассальную зависимость ветви Ариарамны, чью территорию завоевал или он сам, или Камбис I, возвел новый царский город на территории Фарса. Это был первый ахеменидский город Пасаргады, построенный, вероятно, на территории племени с таким же названием и не обязательно связанный с родовым именем «парсуа» (рис. 18). Кир открыто искал союзников против Мидии. Подходящим и действительно добровольным союзником стал Набонид (Набунаид), узурпатор трона Навуходоносора.

Что касается Набонида, его союз с Киром был предписан богами. Оставив правление Вавилоном в руках Валтасара (играющего заметную роль в Книге пророка Даниила), Набонид выступил в Сирию, в то время как Кир повел войну против Астиага, слабо-

на самого Набонида. Его город и так из-за процесса внутреннего распада и мятежа эламских подданных Вавилонии в Сузах пришел в полный упадок. От Вавилона больше не исходила угроза. Летом 546 г. правитель Суз Габару, известный грекам как Гобрий, присоединился к Киру.

Должно было пройти шесть лет, прежде чем Набонид подчинился полностью. Тем временем покорились племена, проживавшие на севере центрального Иранского нагорья и на юго-восточном берегу Каспийского моря, в районе, известном как Варкана (для греков Гиркания). Южнее лежала более могущественная Парфия, чей царь вынужден был принять сатрапию. Вероятно, именно в это время Кир вторгся на исконно арийские земли Маргианы, Согдианы и Хорезмии вплоть до реки Яксарт (Сырдарья) и за ней напал на массагетов, хотя совершенно неясно, действительно ли проходила эта восточная кампания до покорения Вавилона, как рассказывает Геродот. В конце концов, в октябре 539 г. Набонид, обеспокоенный возникшим дома противодействием его религиозной политике, недовольством иностранных пленных и столичных дельцов, без борьбы открыл ворота Вавилона перед персидской армией.

Завоевание Вавилонии привело персов непосредственно в среду библейской истории. В самом Вавилоне, в Тель-Абибе на реке Кабар, где жил Иезекииль, и в Ниппуре, юго-восточнее Вавилона, находились колонии изгнанников, о чем имеются библейские или (как в случае Ниппура) археологические свидетельства. Для этих людей завоевание Вавилонии Киrom стало освобождением. Его провозгласили слугой Яхве, помазанником Израилевым, и восхваления, которыми он был осыпан во второй книге Исаии, заставили многих поверить в вероятность

существования в Вавилоне проперсидского заговора евреев. Первым персидским правителем города назначили Гобрия.

Палестина и Сирия окончательно стали данниками Вавилонской империи после кампаний Навуходоносора в последние годы VII в. до н. э. После нескольких лет вассальной зависимости Иоаким, царь иудейский, рассчитывая на поддержку Египта, посмел отказать в дани, подлежащей обычной выплате Вавилону. Его преемник, слабовольный Седекия, открыто взбунтовался, и в конце концов в 587 г. до н. э., прибегнув к военной силе, Навуходоносор отстранил его от власти. Многих влиятельных евреев выдворили в ссылку в Вавилон, откуда они внимательно наблюдали за результатами вавилонской политики. Один из наблюдателей, пророк Даниил, в истории с надписью на стене, возникшей на пиру Валтасара, образно описал предзнаменования падения Вавилона, предсказав раздел империи мидянами и персами при правлении Кира.

Документальные свидетельства обнаруживают отношение Кира к вопросам религии по крайней мере в Месопотамии, где Набонид, заинтересованный некоторыми северными божествами, покровительствуя избранным храмам, нарушил равновесие в религиозной практике. Кир утверждал, что по приказу Мардука он «переселил обратно» всех богов Шумера и Аккада, которых Набонид привез в Вавилон, восстановив их культовые образы в законных дворцах и приделах, «что сделало их счастливыми». В соединении с иранской природой религиозных верований Кира, в большей степени этических и универсалистских¹, чем националистических и сосредоточенных

¹ У н и в е р с а л и с т с к и е — общие.

Рис. 18. Скульптура гения на портале сторожевого дома (дворец R) в Пасаргадах. Высота — около 8½ футов

вольного человека, чьи действия были затруднены переходом двух лучших его военачальников на сторону Кира. Результат был предсказуем: Набонид захватил почти все западные земли до сирийского побережья, а персы разграбили Экбатану и вывезли ее сокровища в Пасаргады.

Существовали две причины, по которым союз Вавилон с Ахеменидами не мог устоять после этих побед. Первая состояла в том, что близкое этническое родство между персами и покоренными мидянами обрекало новое международное равновесие на неустойчивость: как только персы завоевали Мидию, они обнаружили, что контролируют Мидийскую империю, включаю-

щую значительную часть месопотамской территории, относящуюся к сфере интересов Вавилона. Второй причиной был упадок Вавилона и огромная заинтересованность Набонида в завоевании Аравии, где он решил жить. Таким образом, Кир должен был неизбежно и очень скоро поглотить Вавилонию.

Но этот процесс происходил постепенно, поскольку тем временем неприятности в новом районе привлекли усилия Кира, хотя по ходу дела он установил свое господство над ассирийскими городами Арбелой,

Ниневией и Ашшуром. Новая угроза исходила из-за реки Галис, где Крез Лидийский после падения Мидийской империи решил восстановить свои бывшие территории. Столкнувшись со всей Северной Месопотамией, Северной Сирией и Юго-Восточной Турцией, объединенных Киром в 547 г., Крез был разбит наголову. Его столица Сарды, расположенная на труднодоступной горной территории, пала, и Крез, богатейший человек на земле, совершил самосожжение на погребальном костре. Ни на один народ поражение Креза не повлияло в такой степени, как на греков. Новые контакты между персами и греческими поселениями на Ионическом побережье, ранее подчиненными покоренной теперь Лидии, стали наиболее известной главой в мировой истории.

Подробности раздела и гибели торговых, управляемых оракулами городов ионических греков принадлежат, по существу, греческой истории; для персов они *изначально* были второстепенной пограничной проблемой. Разумеется, в греческих городах имелись группы, видевшие в подчинении Персии продолжение торговой выгоды, которую они извлекали от принадлежности к Лидийской империи. Один за другим они или подчинялись, или тщетно пытались разработать планы перенесения своих поселений на западное побережье Средиземного моря. Местные ликийцы, остатки «морских рейдеров», которые в конце 2-го тысячелетия успешно беспокоили Хеттскую империю, а теперь стали в значительной степени аграрным народом, заперлись в своем городе Ксанфе и стояли насмерть. Ликия, Лидия и Иония превратились в отдельные провинции.

Набонид заключил с Крезом союз против персов, и поэтому для действий против него появились более убедительные основания. Постепенно персы свели на нет территорию Вавилонии, но не нападали

на самого Набонида. Его город и так из-за процесса внутреннего распада и мятежа эламских подданных Вавилонии в Сузах пришел в полный упадок. От Вавилона больше не исходила угроза. Летом 546 г. правитель Суз Габару, известный грекам как Гобрий, присоединился к Киру.

Должно было пройти шесть лет, прежде чем Набонид подчинился полностью. Тем временем покорились племена, проживавшие на севере центрального Иранского нагорья и на юго-восточном берегу Каспийского моря, в районе, известном как Варкана (для греков Гиркания). Южнее лежала более могущественная Парфия, чей царь вынужден был принять сатрапию. Вероятно, именно в это время Кир вторгся на исконно арийские земли Маргианы, Согдианы и Хорезмии вплоть до реки Яксарт (Сырдарья) и за ней напал на массагетов, хотя совершенно неясно, действительно ли проходила эта восточная кампания до покорения Вавилона, как рассказывает Геродот. В конце концов, в октябре 539 г. Набонид, обеспокоенный возникшим дома противодействием его религиозной политике, недовольством иностранных пленных и столичных дельцов, без борьбы открыл ворота Вавилона перед персидской армией.

Завоевание Вавилонии привело персов непосредственно в среду библейской истории. В самом Вавилоне, в Тель-Абибе на реке Кабар, где жил Иезекииль, и в Ниппуре, юго-восточнее Вавилона, находились колонии изгнанников, о чем имеются библейские или (как в случае Ниппура) археологические свидетельства. Для этих людей завоевание Вавилонии Киром стало освобождением. Его провозгласили слугой Яхве, помазанником Израилевым, и восхваления, которыми он был осыпан во второй книге Исаии, заставили многих поверить в вероятность

существования в Вавилоне проперсидского заговора евреев. Первым персидским правителем города назначили Гобрия.

Палестина и Сирия окончательно стали данниками Вавилонской империи после кампаний Навуходоносора в последние годы VII в. до н. э. После нескольких лет вассальной зависимости Иоаким, царь иудейский, рассчитывая на поддержку Египта, посмел отказать в дани, подлежащей обычной выплате Вавилону. Его преемник, слабовольный Седекия, открыто взбунтовался, и в конце концов в 587 г. до н. э., прибегнув к военной силе, Навуходоносор отстранил его от власти. Многих влиятельных евреев выдворили в ссылку в Вавилон, откуда они внимательно наблюдали за результатами вавилонской политики. Один из наблюдателей, пророк Даниил, в истории с надписью на стене, возникшей на пиру Валтасара, образно описал предзнаменования падения Вавилона, предсказав раздел империи мидянами и персами при правлении Кира.

Документальные свидетельства обнаруживают отношение Кира к вопросам религии по крайней мере в Месопотамии, где Набонид, заинтересованный некоторыми северными божествами, покровительствуя избранным храмам, нарушил равновесие в религиозной практике. Кир утверждал, что по приказу Мардука он «переселил обратно» всех богов Шумера и Аккада, которых Набонид привез в Вавилон, восстановив их культовые образы в законных дворцах и приделах, «что сделало их счастливыми». В соединении с иранской природой религиозных верований Кира, в большей степени этических и универалистских¹, чем националистических и сосредоточенных

¹ Универалистские — общие.

вокруг конкретных святилищ, эти события создали предпосылки для его указа, позволившего изгнанным евреям вернуться в Иерусалим.

Хотя свидетельства об общем переселении отсутствуют, место, которое занимает в Ветхом Завете восстановление и перестройка храма (хотя и скромная), представляет в ложном свете картину реальных условий, сложившихся в Палестине при персидском владычестве. Иудея была лишь одной из пяти провинций, на которые делилась «заречная» территория. Другими были Мегиддо, Самерина (Самария Израильская), Ашдод в Филистии, Аммон в Трансиордании¹.

История завоевания Вавилона Киром полностью записана в вавилонской хронике двадцать второго года правления Дария (500 г. до н. э.), но более краткий документ, вавилонский «цилиндр Кира», представляет собой запись, сделанную в ту эпоху им самим. В нем рассказывается о восстановлении храмов, возвращении депортированных народов и явно говорится о ненадлежащем религиозном поведении Набонида, когда речь заходит о неуместных ритуалах, установленных в Уре, городе, который начиная с древних шумерских времен был связан с лунным богом Наннаром и позднее с равносильным ему вавилонским богом Сином. Другой глиняный цилиндр Кира, найденный в Уре, показывает, что Кир восстановил Сина в его законном святилище и в качестве подготовки к возвращению бога начал в свой первый год строительные работы. Ворота на северо-восточной стороне священной ограды были обновлены и оснащены новыми дверями. Кир поставил печать со своим именем на новых кирпичах вокруг порталов. Каждой надписью, в том числе на более объемных

¹ Иудея являлась частью Сирии.

документах, Кир выражал благодарность богам за передачу ему новых земель, которая побудила его к восстановлению святилищ. Он использует простую стереотипную официальную формулу, и таков же был, по всей вероятности, характер его указа в отношении евреев.

Не как завоеватель или освободитель намеревался Кир претендовать на верность своих вавилонских подданных, а обеспечивая своему царствованию существенное обоснование и утверждая себя благотворителем Мардука, главного бога Вавилона. К счастью, сам Набонид не являлся прямым потомком своего предшественника Навуходоносора и, таким образом, его можно было со всей правдивостью представить узурпатором. Даже учитывая обычную пропаганду, практикуемую завоевателями Ближнего Востока, можно почти не сомневаться, что мирное и благожелательное завоевание Кира было чем-то новым в истории Месопотамии. Население не уничтожалось, не высылалось, статуи городских богов не разрушались. Вместо этого новый царь пробудил в религиозной, политической и экономической жизни Вавилона радостные ожидания.

В Вавилоне Кир получил клятву верности от сирийских князей и в 537 г. вернулся жить в Экбатану, закончив свое непосредственное участие в делах Вавилона. Наместником он оставил своего старшего сына Камбиса, и тот уже в 538 г. занял место отца на празднике вавилонского Нового года. Возможно, что в следующие годы сам Кир занимался экспедициями в Восточный Иран и на юг Центральной Азии, упомянутыми ранее, или, по крайней мере, расширял и укреплял свою восточную империю. По богатству и культуре восточные провинции не шли ни в какое сравнение с Вавилоном, но объединение персидско-мидийских народов с их более древними

и ближайшими родичами сильно обогатило культурные и духовные ресурсы Ахеменидов. В арийских провинциях Центральной Азии остались особенно чисты религиозные и общественные идеалы арийцев, и обычно признается, что они способствовали возвышению при Кире, вероятно в Хорезмии, великого религиозного учителя Спитамы Заратуштры (Зороастра).

Хотя можно не сомневаться, что восточной границей своих завоеваний Кир считал реку Яксарт, но у нас нет археологических сведений о каких-либо укреплениях, построенных им вдоль нее, в том числе о городе Кирешате (Кирополисе), известном классическим писателям. За рекой массагеты, этнические арийцы, не подчинились Киру, и именно в сражении с этими «едоками рыбы», которыми согласно полупопулярному сообщению Геродота правила царица Томирис, в 530 г. до н. э. Кир лишился жизни, пал жертвой, как считается, той тактики быстрого охвата конницей с флангов, которую персы позднее должны были сделать своим фирменным военным приемом. Его забальзамированное тело доставили в Пасаргады, и могила Кира там, небольшой домик на ступенчатой платформе, построенный в урартском стиле, является одним из главных памятников ахеменидского Ирана (рис. 19).

Приблизительно за восемь лет до смерти Кир объявил своего сына, ставшего уже зрелым мужчиной, царем Вавилона. Камбис — единственный царь Ахеменидов, чью деятельность как наследного принца мы способны проследить в административных документах той эпохи. Кир приложил значительные усилия, чтобы вместе с назначением Камбиса состоялась церемония его одобрения Мардуком, и он стал для вавилонян законным, с готовностью принятым царем.

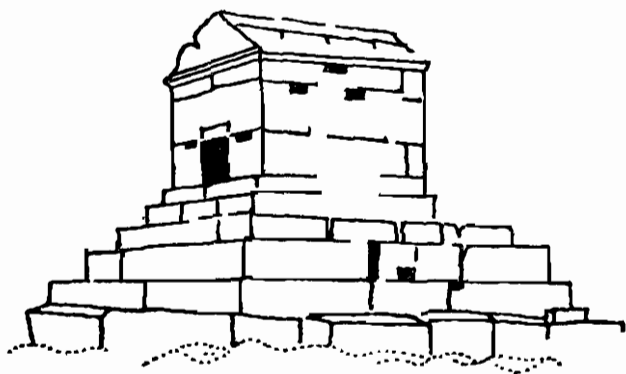

Рис. 19. Могила Кира в Пасаргадах. Высота — 36 футов

Когда Палестина оказалась под контролем Персии, следующей целью должен был стать Египет — союзник Креза. Его помощи добивалась Палестина: Поликрат Самосский, главный зачинщик греческого сопротивления Персии, объединился с фараоном Амасисом. Недовольство среди египтян, вызванное плохим управлением Амасиса, привело влиятельных изгнанников, египтян и греков, к персидскому двору, и в распоряжении Камбиса оказалась ценная военная информация. Непосредственный повод для его вторжения в Египет остался неизвестным, но, вероятно, был связан с притязаниями Амасиса на Кипр и постоянной угрозой нелояльности финикийских городов, экономически зависимых от Египта и Кипра. При поддержке финикийского флота, нового важного фактора в персидской стратегии, который Камбис позаботился склонить на свою сторону, персы выдвинулись к Нилу. Овладев Саисом и Мемфисом, двумя царскими городами, в 525—524 гг. до н. э. Камбис захватил в плен Псамметиха III, фараона, наследовавшего тем временем Амасису. В конце кон-

цов, Камбис проник вверх по течению Нила до границ территорий таинственных и наводящих ужас эфиопов. Египет был преобразован в сатрапию Мудрая со столицей в Мемфисе. Скоро сюда стали стекаться иностранные торговцы, перевозчики и кораблестроители, а наемники, греки и финикийцы, расселились в прочных казармах. И снова, как в Ионии, греческие торговые колонии оказались в персидской власти: Дафны и Навкратис в землях восточной Дельты были в руках персов, а скоро и греческие порты в Ливии Кирена и Барка выразили готовность им повиноваться.

Устремившиеся в Египет греческие торговцы свидетельствуют в пользу политики Камбиса. Его обращение с самими египтянами мы должны характеризовать как беспристрастное, поскольку чудовищные действия, приписанные ему Геродотом, особенно эксгумация и порка трупа Амасиса, окрашены греческой пропагандой и информацией, которую Геродот добыл при посещении Египта сразу после мятежа Инара против правления Ахеменидов. В то же время сохранившиеся документы включают хвалебные записи чиновника, вероятно сыгравшего ключевую роль в помощи персидскому завоеванию, к которому Камбис особо благоволил. Это был Уджагорресент, человек, имевший поразительно обширные достижения на самых разных должностях. Он командовал флотом при Псамметихе, а при Камбисе стал главным врачом и жрецом в медицинской и теологической школе в Саисе. На своей стеле Уджагорресент иероглифами записал, как Камбис захватил страну, как осознал важность египетского храма в Саисе, родном городе Уджагорресента, как восстановил доходы храма, посещал это святилище и оказывал ему почитание. Из текста совершенно

ясно, что вмешательство автора оградило жителей Саиса от страшных несчастий во время нашествия и после него, а если читать между строками, кажется вероятным, что этому они обязаны его заслугам как главы флота, перешедшего на сторону персов. Не только благодарности, но и успехи Уджагорресента имеют особое значение, поскольку в демотических документах говорится, что царские пожертвования египетским храмам были существенно сокращены Камбисом и заготовкой зерна и животных для жертвоприношений приходилось заниматься самим жрецам.

Воодушевленный успехом своих вавилонских инициатив Камбис позаботился принять титулы египетского царского протокола и поставить себя в сыновнее отношение с египетскими богами. В иероглифической эпитафии и на саркофаге, посвященных умершему святому быку Апису, погребенному в Серапеуме в Мемфисе, Камбис принимает фараоновы титулы «царя Верхнего и Нижнего Египта, сына Ра, наделенного всей жизнью»; он изображен одетым в платье фараона, на коленях перед быком Аписом в египетской позе поклонения.

По стандартам Древнего мира Египет принадлежал теперь Персии по праву завоевания, но сам Камбис, по-видимому, узаконил свое правление другими заявлениями. Принятие им египетского царского звания «потомка Ра», а также поклонение статуе богини Нейт в Саисе воспринимались некоторыми учеными как формальные акты, предполагающие легитимацию и коронацию. Отсутствие персидской формулы «великий бог [Ахура-Мазда] выбрал меня» в царских титулах Ахеменидов в египетских надписях и использование Камбисом и его преемниками в Египте звания «царь Египта, царь земель» наводит

на мысль, что Камбис прилагал серьезные усилия для демонстрации притязаний на египетский трон независимо от завоевания. Кажется, теперь ясно установлено, что Камбис датировал свое правление в Египте начиная не от момента завоевания, а от года 330/329, в который он взойшел на персидский трон. Для подсчета лет своего царствования он использовал как персидскую, так и египетскую системы. Так, поскольку Камбис покинул Египет в 522 г. до н. э., папирусы на египетской демотике, датировавшие это событие его восьмым годом, свидетельствуют, что египтяне считали годы его царствования в Персии, а не только в одном Египте.

Причины притязаний Камбиса остаются для нас совершенной загадкой из-за недостаточного понимания нами договорных отношений, существовавших между Египтом и Вавилонской империей, на которую Кир предъявил права, завоевав Вавилон. Египет был незащищен после разгрома египтян Навуходоносором у Кархемиша в 605 г. до н. э., хотя ни Навуходоносор, ни его преемник Набонид не вторгались на территорию Египта. На протяжении всего их правления отношения между двумя странами должны были обуславливаться формальными договорами, в которых Египет играл роль подчиненного. У нас нет данных о таком договоре, но Набонид, очевидно, предъявлял требования к Египту, как к союзнику, и существует свидетельство Геродота о браке в этот момент между царскими домами двух стран.

Ксенофонт решительно утверждал, что Кир уже считал Египет и Кипр своими данниками («*Киропедия*»), а в греческих рассказах утверждается, что Нитетис, дочь фараона Априя, выдали замуж то ли за Кира, то ли за Камбиса. Если эти истории правдивы, они, вероятно, могут указывать на постоянные и

крепкие условия более раннего египетско-вавилонского вассального договора, обновленного Киром и Априем, фактически свергнутым Амасисом в 569-м и умершим в 566 г. до н. э. Они могут также означать притязания Кира (или Камбиса) на Египет после смерти Априя как на приданое, таким же образом, как, согласно Ксенофону, Мидия была получена Киром от Киаксара в качестве приданого за его дочь Кассандану, взятую Киром в жены. У Априя не было сына «рожденного в браке», и, поскольку Амасис узурпировал власть, вероятно, законным наследником был Кир. Не за узурпацию ли им права Кира на наследство Камбис вытащил из гробницы тело Амасиса и выпорол его? Есть основания считать, что передача стран в приданое признавалась персидскими законами. Поскольку эта практика настолько чужда греческому праву, маловероятно, чтобы Геродот и другие греческие историки это выдумали. Эта тема снова возникает в отчете Геродота о последней кампании Кира, перед которым говорится о его попытках заключить брак с царицей массагетов. Она ему отказала, «зная, что не ее самой он добивался, а Массagetского царства» (*Геродот*. Книга I, с. 205). Но историчность таких браков и связанных с ним прав на приданое — это другой вопрос. С очень значительными хронологическими трудностями мы сталкиваемся в некоторых отчетах о браках египетских принцесс с вавилонскими или ахеменидскими царями, даже допуская полигамию вавилонских и персидских правителей и вероятность чисто формальных дипломатических браков. Какова бы ни была правда, притязания на право приданого — удачная пропаганда, оказавшая желанный эффект, по крайней мере на греков.

За вторжением в Египет, по-видимому, последовало включение Кипра в империю Ахеменидов. Пре-

тензии на киприотские города, основанные Финикией, в особенности на Цитиум, возможно, основывались на праве присоединения материнской страны, но на самом деле мы не знаем правовых отношений Тира с его колониями, и нам неизвестно о притязаниях на Кипр вавилонян. Греческий историк Диодор говорит о завоевании Кипра Априем приблизительно в 570 г. до н. э., но у Геродота (Книга II, с. 182) оно приписывается Амасису. Конечно, Кипр не был включен в империю до покорения Египта, и ссылки в греческой литературе на претензии Кира могли быть результатом пропаганды в правление Камбиса.

Часто Камбиса представляли недостойным наследником великого Кира. Хотя мы не можем согласиться с образом эпилептика и лунатика, нарисованным Геродотом. Вполне возможно, что он не владел способностями своего предшественника на поле битвы и не пользовался преданностью подданных на родине. Судьба и история обошлись с ним недобро, но мы должны помнить, что его покорение Египта — значительное достижение, и с помощью финикийского флота, без чего нельзя было завладеть Кипром, Камбис привел Персию к господству на море, что очень скоро оказалось необходимым для контроля над прибрежными районами Малой Азии и расширения персидских завоеваний в Европе.

Глава 4

ВЕЛИКИЕ ЦАРИ

Каковы бы ни были обстоятельства его восшествия на персидский трон, несомненно Дараявауш, или Дарий I, что-то скрывал. Отчеты Геродота и Дария о событиях, последовавших за смертью Камбиса, хотя и различаются в большинстве деталей, но сходятся в том, что Дарий отобрал трон у самозванца, мага Гауматы, утверждавшего, что он второй сын Кира Бардия (или Смердис, по Геродоту), которого считали тайно убитым его братом Камбисом. Геродот подчеркивает, что степень физического сходства этого человека с покойным Смердисом ввела в заблуждение даже его собственную мать, и утверждает, что захват им власти в Мидии послужил причиной внезапного возвращения Камбиса из Египта. Оба отчета сходятся в том, что настоящего Смердиса тайно убил Камбис, только Дарий говорит об убийстве до египетской экспедиции, а Геродот — во время нее. В обоих изложениях вскоре после смерти Камбиса появляется Гаумата-Смердис, по незаявленным причинам поддержанный всем населением центральных ахеменидских провинций. Согласно Дарию, возникла угроза, что чистка, которую осуществлял Гаумата, сотрет настоящего Бардию из человеческой памяти. Никто не осмелился противостоять этому террору, кроме Дария, победившего

Гаумату и его сторонников у мидийского города Сикаджавати.

Вся эта ситуация кажется крайне неправдоподобной. Почему столь важное лицо, как брата царя, сопровождавшего, по утверждению Геродота, Камбиса в Египет, так скоро забыли, в то время как неизвестный самозванец без труда приобрел приверженцев в значительной части империи? Геродот попытается добиться большей убедительности, помещая появление Гауматы немедленно после тайного убийства Смердиса, но в надписи на Бехистунской скале, в которой Дарий зафиксировал свое возвышение к власти, убийство датируется тремя годами позднее. Возможно ли, зададимся мы вопросом, чтобы человек, убитый Дарием и получивший столько сторонников, был не самозванцем, а на самом деле настоящим Бардией? Не мог ли Гаумата быть выдумкой официальной придворной истории, которая ввела в заблуждение Геродота? Устные предания, использованные Ксенофонтом и драматургом Эсхилом, ничего не говорят о самозванце, но также сохраняют жизнь законным наследникам, происходящим от Камбиса. Все обстоятельства вступления на престол Дария и первого года его царствования, конечно, не соответствуют картине получения им трона под шумные приветствия народа, страдавшего от ужасов краткого правления Гауматы. Кажется, что незаконный захват власти Дарием и последовавшее за ним соперничество в роду Ахеменидов хотя и не доказаны, но заметны между строками его успешной пропаганды.

По происхождению Дарий был сыном Гистаспа, внуком Арсама и прапраправнуком (?) того самого Ариарамны, которого победил мидянин Киаксар. Гистасп, как, наверное, и Арсам, был сатрапом Парфии, и вся их линия, вероятно, с некоторой зави-

стью наблюдала за успешным возвышением брата Ариарамны Кира I из параллельной ветви рода Ахеменидов из их общей вассальной зависимости, наложенной мидянином Астиагом. Более того, в то время как род Кира через брак с домом Киаксара приобрел значительное количество мидийской крови, линия Ариарамны, будучи старшей, осталась чисто персидской. Вероятно, когда Камбис находился за границей в Египте, потомки Ариарамны ухватились за возможность вновь заявить о своей линии. Один лишь Бардия, сын Кира Великого, стоял у Дария на пути, и если Дарий действительно победил самого Бардию, представив его самозванцем, то он не только подтвердил свое основание владеть тронном, но и гарантировал потерю линией Кира всех прав наследования. Объявление соперников вне закона в преследовании политических целей не было для Дария единственным поводом прибегнуть к оружию. Имея живых отца и деда, он претендовал на трон не из-за прямых прав на наследование, а из-за своих личных амбиций. Согласно Геродоту, он был близок к Камбису и в качестве помощника сопровождал его в Египет. Он должен был оставить персидскую армию в Палестине, чтобы поспешить домой и настаивать на своих притязаниях. Из этой истории можно сделать вывод, что между мидянами и персами за управление империей несомненно продолжалось соперничество. Кир определенно был «мидийским» царем, решившим править именно с трона Мидии в Экбатане. Гаумата представлен магом, членом особой жреческой касты мидян, и вполне вероятно, что брат Камбиса действительно был магом. Именно в мидийском городе Гаумата потерпел поражение. На все это, кажется, Дарий обратил особое внимание. Его обещание восстановить религиозные святыни, разру-

шенные Гауматой, в определенной степени свидетельствует о различиях в религиозной принадлежности между персами и соперничающей с ними мидийской партией. В бехистунской надписи Дарий из всех сил старается подчеркнуть свое персидское происхождение. Правление Кира не упоминается, а о Камбисе говорится лишь так мало, чтобы намекнуть на его непригодность к царствованию из-за обращения с братом и на то, что со смертью последнего трон стал абсолютно свободен. Действительной задачей Дария была дискредитация мидийской династии и доказательство своего права наследования. Поскольку, как мы уже отмечали, право на приданое, по-видимому, играло некоторую роль в наследовании царей-Ахеменидов, последующие браки Дария, сначала с двумя дочерьми Кира II, Атоссой и Артистоной, а затем с Фадимой, дочерью одного из семерки знатных персов, выступивших против Гауматы, безусловно, выглядят усилиями, направленными на легитимацию. К тому же две из этих женщин были женами Камбиса.

По праву завоевания Дарий был царем. Или из-за разногласий по поводу лояльности к Бардии, или из-за возможности для мятежа, предоставленной внутренней ситуацией, империя Кира оказалась полностью разрушена. Лишь Бактрия и Аракосия заявили о поддержке Дария. Опираясь на тех же шестерых верных своих сторонников, которые помогли ему в сражении с Бардией, чьи имена он обессмертил в бехистунской надписи, и полагаясь на собственный гений полководца, Дарий подчинил остальные территории менее чем за год. Почти все земли взбунтовались против Дария: Парса, Мидия, Ассирия, Парфия, Египет, Маргиана, Саттагидия и сакские племена. В Восточной Парсе появился Вахъяздата,

объявивший себя Бардией! Мятеж достиг Бактрии, и Парфия с Гирканией, входившие в сатрапию Гистаспа, его отца, высказались против Дария. В поддержку Вавилона поднялась Армения. В Мидии серьезную попытку восстановить Мидийское царство предпринял Фраорт, потомок Киаксара, объявивший себя Хшатритой (мидийский царский титул). На его сторону перешла Экбатана, и скоро его союзницей стала Армения, в то время как захваченные Парфия и Гиркания уже были вынуждены подчиниться.

В декабре 522 г. у Дария не осталось ничего, кроме самой территории Вавилона, оккупированной армией, ведь даже трон в центральной провинции Парса крепко держал Вахьяздата, чью легитимность признали чиновники царского дворца в Пасаргадах. Кампании Дария против Армении, Фраорта и Вахьяздаты зимой 522/21 г. принесли лишь частичный успех. В апреле 521 г. две армии Дария отправились в поход: военачальник Артавардия выступил против Вахьяздаты, а сам царь двинулся против Фраорта, чья армия ждала в Кампанде. Сражение произошло у Кундуру 7 мая. Фраорт бежал в Рагу (Рей), был там схвачен и повешен в Экбатане. Кундуру стал для Дария местом решающей битвы, и для своего официального памятника он выбрал скалы в Бехистуне, возвышавшиеся над равниной его победы (рис. 20).

Так, благодаря молниеносной стратегии и сплоченности военачальников, а также пользуясь неспособностью противников объединить против него свои интересы и силы, к концу 521 г. Дарий овладел всеми бывшими территориями Кира, кроме Малой Азии и Египта. Над трехязычной надписью, вырезанный четким рельефом, стоит Дарий в сопровождении своих луко- и копьеносцев. Правой ногой он попирает поверженную фигуру Гауматы, протянув-

Рис. 20. Царь Дарий, победивший Гаумату и девять мятежных вождей. Наскальный бехистунский рельеф

шего обе руки в жесте подчинения. Левая рука Дария покоится на поставленном луке, правая поднята в молитве, обращенной к крылатому диску Ахурамазды, парящему над этой сценой и протягивающему коронационный венок левой рукой, поднимая в благословении правую. За лежащей навзничь фигурой Гауматы стоят девять пленных мятежных вождей, связанных вместе за шеи и держащих скованные руки за спиной; на сопроводительных ярлыках написаны имена каждого и его преступления. Под надписью поверхность скалы стесана вертикально, чтобы помешать доступу к надписи, и это одна из причин, почему она (особенно персидская и эламская ее версии) замечательно сохранилась. Согласно греческому историку Ктесию, посетившему это место приблизительно через сто лет после появления надписи, на значительной территории перед скалой первоначально был разбит парк.

Кроме представления официальной биографии царя (ее копии на менее прочном материале, несомненно, были сделаны и распространены по всей им-

перии), бехистунская надпись давала самый ранний перечень сатрапий, на которые разделялась империя. Они размещались в строго циклическом географическом порядке, начиная с центральных провинций: Парса, Хувджа (Элам), Бабайруш (Вавилон вместе с Палестиной и Сирией), Атура (Ассирия), Арабайя (северно-восточная часть Аравии), Мудрайя (Египет), Тиайи драяхъя («морские земли» северного побережья Малой Азии, управляемые из Даскилея), Спарда (Сарды и Лидия), Яуна (Иония, греческие поселения на западном побережье Малой Азии), Мада (Мидия), Армина (Армения), Катпатука (Каппадокия), Партава (Парфия), Зранка (Дрангиана, область у озера Хильменд), Харайва (Арея, район современного Герата), Хуваразмиш (Хорезмия, вокруг современной Хивы), Бахтриш (Бактрия, в верхнем течении реки Оксу), Сугда (Согдия, район вокруг современного Самарканда), Гандара (Пунжаб), Сака (степи к востоку от Бактрии, населенные сакскими племенами), Татагуш (Саттагидия, к западу от Гандары и к югу от Бактрии), Харахуватиш (Арахосия, к югу от Татагуша, Белуджистан), Мака (Оман и Мускат).

Чтобы обеспечить безопасность своего похода против Египта, Дарий уладил дела в Иудее. Не все изгнанные евреи воспользовались дарованным в 538 г. Киром разрешением вернуться в Палестину. Среди оставшихся в Вавилоне был пророк Ездра, и именно на основании его книги мы можем сделать вывод о неудовлетворительном ходе восстановления еврейского государства. Фундамент второго храма заложили, и, по-видимому, деньги и материалы, нужные для его завершения, в наличии имелись. Однако работы совсем остановились, и хотя нам неизвестны источники, сообщающие точную причину, вероятно, неприятие нового государства евреям ам-

монитянами Трансиордании, арабами и эдомитами с юга имело для персидского двора большое значение. Или в конце правления Кира, или в начале царствования Камбиса вступление в должность правителя Иудеи еврея Зеруббабеля, внука последнего иудейского царя Иоакима, хотя и носившего проававилонское имя, означающее «семя Вавилона», принесло новый подъем национализма и надежду на восстановление царства Давида. У Палестины не было веских причин жаловаться на персидское владычество, и она не связывала свою судьбу с мятежом Вавилона, поскольку новый национализм иудеев имел в первую очередь религиозную мотивацию. Выражения, в которых говорит пророк Аггей, напоминают нам, что Иерусалимский храм задумывался как реальное жилище Яхве: «А вам самим время — жить в домах ваших украшенных, тогда как Дом сей в запустении?» Естественно, самаритяне, жившие вокруг персидского административного центра в Самарии, не были согласны с подобной точкой зрения, и это могло послужить другой причиной, задерживавшей реализацию указа Кира. При Зеруббабеле и верховном жреце Иосии, однако, самаритяне предложили помощь. Именно суровый монотеист Аггей выступил против этого осквернения. Таттенай, правитель «зачерной» области, отвечавший теперь перед Гистаном в Вавилоне, предупредил Дария о том, как группы зилотов подстрекали Зеруббабеля к независимому царствованию. Внезапно Таттенай появился в Иерусалиме, требуя ответить, кто разрешил восстановление храма. Он пришел в ужас, когда евреи рассказали не только о разрешении, данном Киrom в специальном указе, но и о закладке фундамента храма Шешбаззаром, назначенным Киrom правителем Иудеи. Не поверив им, Таттенай направил в канце-

лярию суровый отчет, по которому начались поиски в архивах. В экбатанской библиотеке обнаружился документ, составленный Киром, и Дарий, чья власть в империи все еще оставалась непрочной, не решился его проигнорировать.

Хотя установленная Камбисом власть казалась достаточно крепкой, Египет взбунтовался, согласно бехистунской надписи, в то время как Дарий воевал с претендентом на вавилонский трон Навуходоносором III. Кажется сомнительным, чтобы в тексте надписи подразумевался вполне подготовленный мятеж. Экспедиция Дария в Египет в первую очередь, по видимому, была демонстрацией силы, но, помимо прочего, она принудила к повиновению греческих колонистов в Кирене, чья территория стала новой сатрапией Ливией. Кажется, что с самого начала Дарий нашел готового пособника в Уджагорресенте, бывшем союзнике Камбиса. Этого человека, ставшего одним из ключевых чиновников Дария в Сузах, отправили обратно в Египет для распространения персидской пропаганды и восстановления медицинской школы в Саисе, где была воздвигнута его стела (см. главу 3). Дату вступления Дария в Мемфис можно вычислить достоверно, поскольку оно происходило во время траура по умершему быку Апису. Дарий ухватился за шанс внушить египетскому народу любовь к себе, предложив награду тому, кто обнаружит новорожденного теленка — якобы новое воплощение Аписа, и 31 августа 518 г. сам посвятил эпитафию почившему быку. Его деятельность в этой стране в очень значительной степени касалась религии. Кроме восстановления в Саисе жреческой школы под руководством Уджагорресента, в чьих надписях Дарий признавался сыном богини Нейт, иероглифические источники связывают его со строитель-

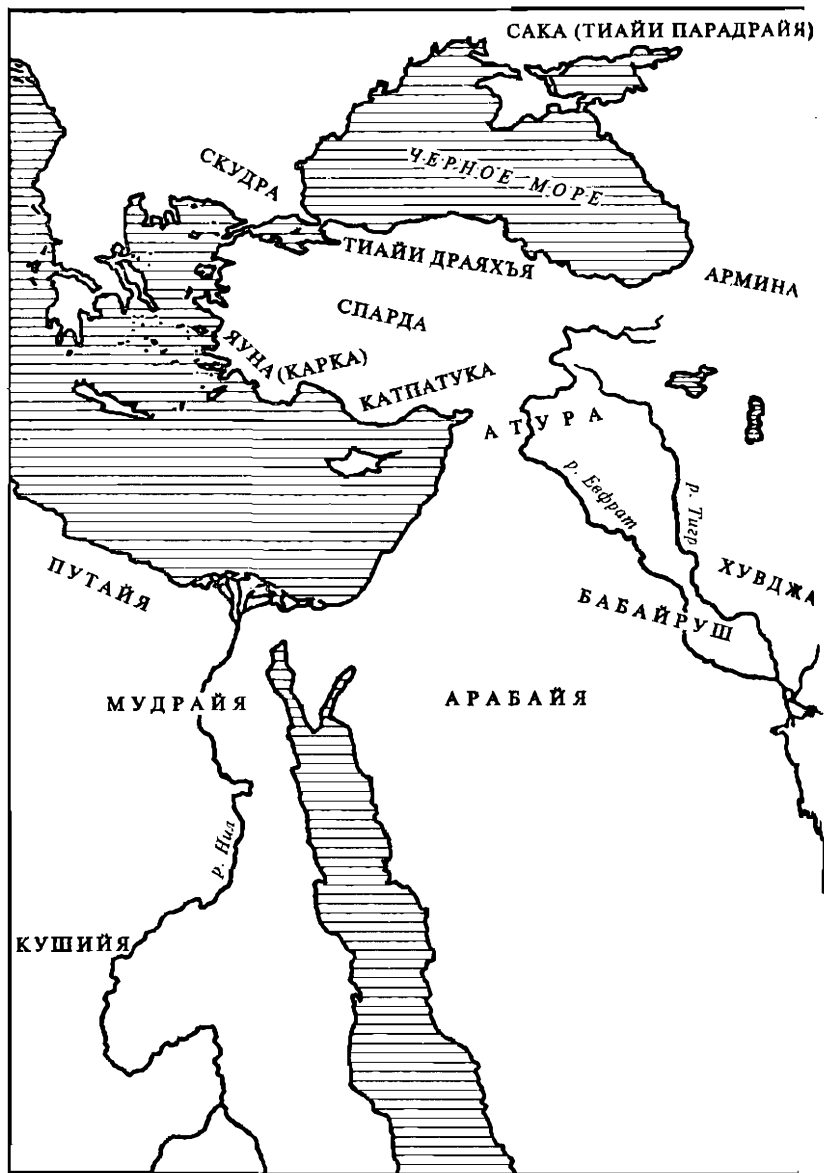
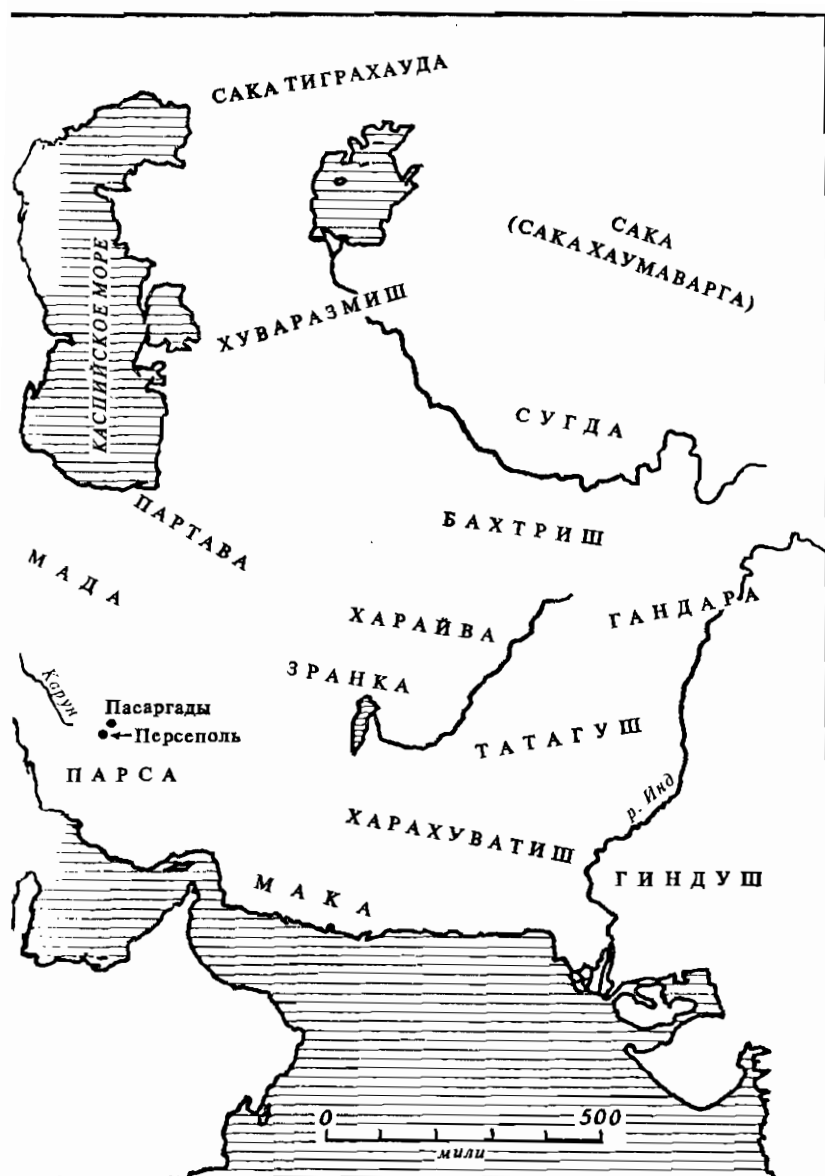

Рис 21. Сатрапии Персидской империи в начале правления Дария I. Названия, заключенные в скобки, означают сатрапии, сформированные при Ксерксе или в конце правления Дария

ством храмов Амона-Ра в оазисе Харгеха и других храмов в Эдфу, Бусирисе и Элькабе.

В Египте документированы два других действия Дария: прокладка «Суэцкого канала» и кодификация Египетского права, которая являлась частью более крупной работы по созданию в империи непротиворечивой правовой системы.

Дарий не первым взялся за прокладку канала, соединяющего Красное море в районе Бубастиса через озеро Тимсах и Вади Тумилат со Средиземным морем. Канал почти был закончен при фараоне Нехо, но Дарий послал корабли на разведку и обнаружил, что он не заполнен водой на протяжении 85 километров. Терминология четырех сохранившихся стел, воздвигнутых Дарием вдоль канала, одну из которых в 1866 г. обнаружил Лессепс при прокладке современного канала, не оставляет сомнений, что этот проект интересовал Дария лично. Прокладка канала, по-видимому, была тесно связана с его посещением Египта в 518 г. Затем отправка 44 судов с данью в Египет по трассе канала и поручение, данное греку Скилаку из Карианды, методически исследовать побережье Аравийского моря вплоть до Индии, кажется, уже означали подготовку к прибавлению индийских территорий, которое Дарий предпринял в 515 г., распространив Татагуш на юго-восток до Инда и сформировав новую провинцию Хиндуш.

Между тем провинции Малой Азии остались нетронутыми. Еще при Камбисе Оройт, сатрап Спарды, получил беспримерный уровень автономии. Он проводил собственную внешнюю политику, в том числе присвоил земли Поликрата Самосского, самого могущественного тирана Ионии, и оставался совершенно равнодушным к войнам Дария с Мидией, используя их как удобную возможность не только

для упрочения своей независимости, но и для получения контроля над ионийской сатрапией, для чего он велел умертвить сатрапа Митробата из Даскилея. Его неповиновение требованиям Дария подчиниться могло быть вызвано знанием военных обязательств великого царя после занятия Египта. Мы не можем сказать, на какой стадии Дарий решил привести в порядок дело Оройта, но ему явно удалось с ним справиться без использования войск. Он послал в Сарды Багея, одного из доверенных военачальников, чтобы вызвать бунт в местном персидском гарнизоне. В ходе реализации этого плана Оройт был убит.

Впоследствии во все время царствования Дария военные дела империи сосредоточились на Ионии, и персидская история стала историей Греции, увиденной глазами греков и записанной с позиции греческих интересов. Часто высказывалась мысль, что «неприятности между греками и персами», имевшие решающее значение для западной цивилизации и положившие начало объективной записи истории Фукидидом, были лишь незначительным раздражением на западном краю персидской политики. Но это представление далеко от истины. Имея дело с Ионией, Персия все больше и больше узнавала о существовании родины греков, об их политическом и экономическом языке и обширных торговых интересах. Никогда прежде Персия не вступала в схватку с морской державой. Ее собственный флот, призванный с Кипра и из Финикии, был плохо слушающейся рукой. Из-за нестабильного состояния в Ионии сатрапия Лидии имела громадное значение, и Дарий назначил править ею своего брата Артаферна.

Кроме Ионии Дарий высоко ценил греческие города на западном и северном побережье Черного моря, основанные главным образом как дочерние

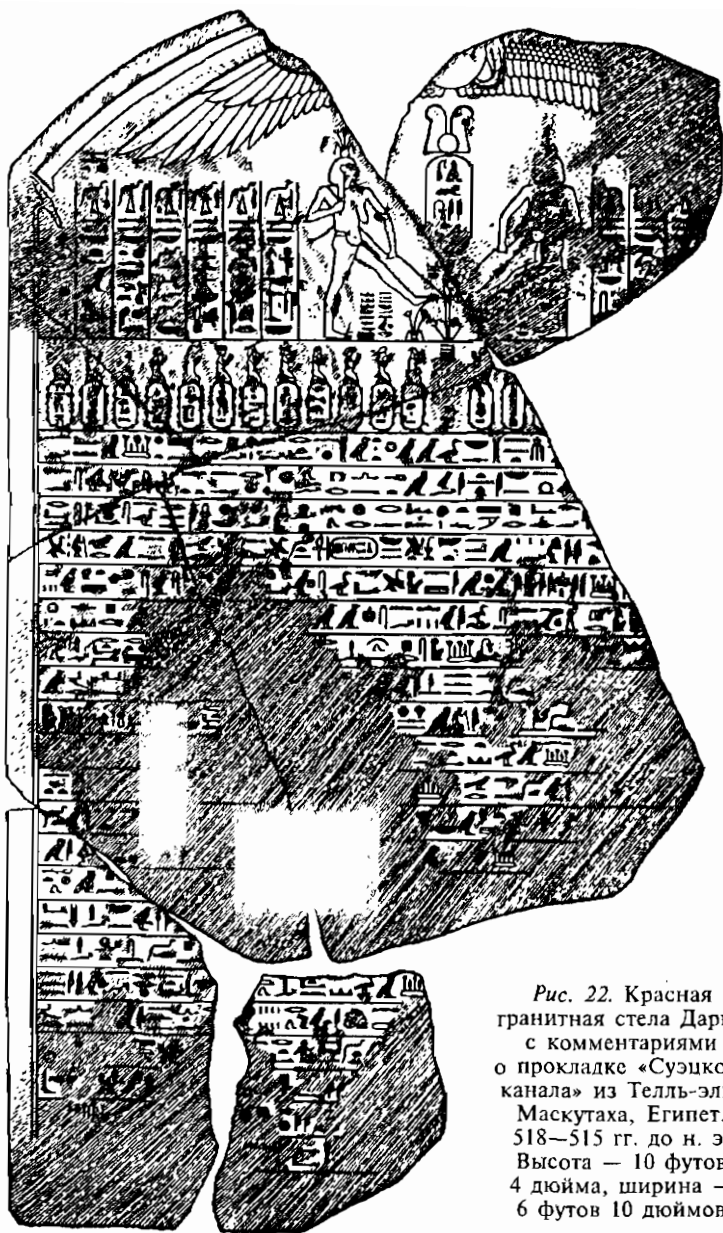

Рис. 22. Красная
гранитная стела Дария
с комментариями
о прокладке «Суэцкого
канала» из Тель-эль-
Маскутаха, Египет.
518—515 гг. до н. э.
Высота — 10 футов
4 дюйма, ширина —
6 футов 10 дюймов

колонии Милета, давно находившегося в подчинении у Персии. Города эти играли роль зернохранилищ для ионийских и материковых греческих городов. Дарию очень хотелось исследовать европейскую территорию, особенно земли западных скифов, в настоящее время принадлежащие европейской части Турции и Румынии. Когда в 513 г. он вышел с армией из Суз, его поддерживал большой флот ионических греков, проплывший от Ионии до устья Истра (Дуная). Переправившись через Босфор по понтонному мосту, составленному из бросивших якорь судов, Дарий подчинил себе побережье Фракии и внутренние районы, населенные гетами, а затем двинулся на север вдоль Дуная и пересек его по мосту, наведенному саперами греческого флота. За Дунаем находилась территория скифов, и здесь армия Дария оказалась в таком же невыгодном положении, в каком были войска Кира среди массагетов. Избегая прямого столкновения, скифы изводили персидское войнство, нападая отрядами легкой кавалерии, и быстро оказывались вне досягаемости в пустынном ландшафте. В ходе этой операции арьергард Дария столкнулся с изменой ионийцев. Но Гистией, тиран Милета, опоздал нанести удар; отступая, Дарий обнаружил, что мост через Дунай не поврежден, и смог в конце концов вернуться в Малую Азию. Он оставил часть своей армии в Европе под командованием Мегабазы, сатрапа Даскилея. Мегабаз завершил покорение Фракии и убедил Аминту, царя Македонии, признать владычество великого царя. Ионийская область была отдана в правление новому сатрапу Отану с резиденцией в городе Византии, откуда он мог контролировать движение судов через Босфор. Не следовало ожидать, что ионийские города, какими бы привилегиями они ни обладали, стали бы долго

терпеть свое отделение от колоний на Черном море, а материковые города — равнодушно наблюдать за перемещением Отана и Мегабаза на север греческого полуострова.

Именно внутренняя политическая ситуация в Афинах крайне обострила эти вопросы. Чтобы уберечь от спартанской агрессии плоды своих опытов в сфере демократии, проводившиеся при Клисфене, Афины в первую очередь послали в 510 г. знаки своего подчинения Артаферну в Сарды. Но Персия была убеждена, что восстановить в Афинах власть тирана Гиппия, прежде изгнанного и теперь проживавшего при персидском дворе, больше соответствовало ее интересам. Хотя самого Клисфена тем временем изгнали из Афин, страх афинян перед возвращением Гиппия пересилил всю традиционную враждебность к Спарте. Афины приготовились драться. Хотя эта угроза висела над городом-метрополией, ионийские колонисты испытывали все большее недовольство тиранами, навязанными персидским режимом, и потерей торговых преимуществ в результате захвата Персией Босфора. Центром недовольства был Милет, и его бывший тиран Гистией, чье интриганство персы посчитали для себя удобнее контролировать, выслав его в далекие Сузы, теперь начал склонять правящего тирана Аристагора, своего зятя, к открытому мятежу. Хотя Спарта обладала военной силой, позиция на родине у спартанского царя Клеомена была слаба, и он уже не мог уверенно командовать в войне против Персии другими членами Пелопонесского союза, в частности Карфагеном и Эгиной, чьи флоты должны были играть главную роль в любой операции. Афины и Эретрия совместно направили контингент на борту 25 судов, которые вместе с кораблями Милета и ионийских колоний переправи-

ли войска к Эфесу. Греческие союзники подошли к Сардам и сожгли их, но не смогли захватить Артаферна с его гарнизоном, укрывшихся в крепости, и вынужденно отступили. В то время как греки возвращались к побережью, персидский гарнизон сделал вылазку и ударил им в тыл, причинив тяжелые потери. Афины отзывали свои войска, но были вознаграждены тем, что города Геллеспонта и Кипра связали свою судьбу с греками. Однако, как всегда случалось в греческом мире, киприотские города не были едины в поддержке общего дела ионийцев и скоро все пали перед персидским вторжением. Экспедиционные войска, завладев пятью восставшими городами Геллеспонта, захватили и подчинили Карию. После таких потерь мятеж был обречен, и Милет мог быть уничтожен. Теперь мятежники смогли собрать лишь жалкие силы. Истощенные потерями и изменой, только 353 триремы¹ смогли они мобилизовать с острова Лады в Милетском заливе против объединенных финикийского, киприотского, египетского и киликийского флотов. Неизбежная победа персов положила конец действительному сопротивлению на Ионическом море. Вскоре Милет был взят и сожжен, а его жители убиты или высланы. Острова Хиос, Лесбос, Тенедос и мятежные города на материке претерпели почти такую же участь.

Сожжение Сард афинянами не было забыто, и когда стало ясно, что ни Афины, ни Спарта не желают последовать за Эгиной и другими государствами, подчинившимися предложениям персов, и не убеждены в том, что Персия поощряет демократические режимы в новой Ионийской сатрапии, Мардоний начал вторжение на греческий полуостров.

¹ Т р и р е м ы — суда, корабли.

Это предприятие провалилось. Хотя Мардоний объявил о своем намерении захватить Афины и Эретрию, но были еще незнакомые моря и недружественные народы, с которыми приходилось считаться. Громадный флот, поддерживающий наступление армии на суше, после шторма у горы Атос сократился наполовину, и почти одновременно армия Мардония потерпела поражение от македонских фригийцев. В 490 г. в Киликии новая собранная армия под командованием мидянина Датиса и Артаферна, двоюродного брата наследного принца Ксеркса, погрузилась на транспортные суда обновленного персидского флота и переправилась через Эгейское море мимо островов Самос, Делос и Наксос. На Эвбее она захватила Эретрию, близкого военного и торгового союзника Афин. Поскольку в Афинах можно было ожидать проявления проперсидских элементов, особенно группировки Гиппия и демократов Алкмеонидов, Датис вполне мог надеяться захватить Афины благодаря предательству. Но персы сами создали себе наихудшего врага: вопреки своей обычной политике они разрушили храмы и святыни Эретрии, и страх, вызванный у афинских ремесленников и торговцев новостями о сожжении и порабощении Эретрии Датисом, оказался сильнее групповых и политических интересов. Таким образом, когда персидские войска пересекли проливы Эвбеи и высадились по совету Гиппия на Марафонской равнине, на ней была выстроена вся афинская армия. В результате произошло одно из наиболее известных событий в истории.

Новости о поражении персов при Марафоне не обескуражили великого царя. В течение четырех следующих лет Дарий строил планы более обширного вторжения в Грецию. В ноябре 486 г., однако, он умер в Персеполе в возрасте шестидесяти четырех лет. В от-

ношении личных подробностей его жизни мы полностью зависим от Геродота. В изображении на бехистунском рельефе Дарий показан величественным, но приземистым человеком (рис. 23). Из табличек сокровищницы Персеполя становится ясно, что у него была дочь, носившая, как и любимая жена, имя Артистона, поскольку на табличках сохранилось решение Дария, в 506 г. до н. э. одаряющего ее сотней овец. Еще при жизни он приказал вырезать для него

Рис. 23. Скульптурное изображение головы Дария I со скального рельефа в Бехистуне

в скале гробницу в Накш-и-Рустаме, на северо-западе равнины, где стоял царский город Персеполь (фото 76). Передняя часть гробницы исполнена в виде трех наложенных секций, и центральная из них составляет арочный фасад, содержащий вход в гробницу. В верхней секции изображено огромное, напоминающее трон возвышение, поддерживаемое 30 миниатюрными жителями сатрапий. На возвышении стоит Дарий с луком в руке в позе поклонения перед крылатым диском Ахурамазды, который парит над ним, как на рельефе Бехистунской скалы. Перед фигурой царя стоит алтарь огня. Текст на трех языках, сопровождающий фигуру Дария, вызвал значительный интерес. Он не только впечатляет сам по себе как заявление высоких моральных устремлений Дария, но преобладающий в выражениях царя дуализм и специфическая терминология позволили нескольким ученым распознать в нем цитаты из одной *гаты* Авесты и заявить о принадлежности Дария к зороастризму.

За несколько лет до смерти Дарий определил своим наследником сына от Атоссы, дочери Кира и сестры Камбиса. Его звали Хшиярша, или Ксеркс для греков. Поскольку он родился в царствование Дария, то получил первенство над старшим единокровным братом Артобазаном от предыдущего брака Дария. Уже в 498 г. Ксеркса назвали наследником престола и наместником в Вавилоне. При восшествии на персидский трон ему было тридцать два года.

В отличие от своих предшественников Ксеркс не обладал способностями военачальника и не владел искусством управлять государством. В начале его царствования принимаемые им решения в отношении беспорядков в Египте и Вавилоне показали, что судьба переменилась к Ахеменидам. Восстановив ситуацию в Египте, Ксеркс сделал его обычной сатрапией и впредь не присваивал себе ранга и титула египетского престола, как Камбис и Дарий. Он появлялся в Египте как царь Персии. В Вавилоне он тоже оскорбил город, поместив титулы своего вавилонского царствования после Мидии и Персии; время, когда царь брал руки Мардука в свои, прошло. Но даже такому вавилонскому титулу оставалось существовать недолго. В 482 г. сатрапа Вавилона Зопира убили, и его место занял узурпатор Белшиманни. Против него Ксеркс послал лучшего военачальника, своего зятя Мегабиза, и вскоре Вавилон был взят. Ксеркс расправился с городом беспощадно. Его стены и храм Эсагилы, построенные Навуходоносором, были разрушены, а громадную статую Мардука, отлитую из 12 талантов чистого золота, вывезли и переплавили. Всех, выражавших недовольство, уничтожили. Имущество богатых горожан было конфисковано и распределено среди персидской знати. Вавилон никогда не должен был встать на ноги; он стал

придатком Ассирийской сатрапии, а его зависимые территории в Палестине и Сирии составили еще одну сатрапию. Так поступил Ксеркс с двумя главными политическими составляющими империи вне собственно Мидии и Парсы.

В 481 г. Ксеркс занял временную резиденцию в Сардах, чтобы подготовить окончательное вторжение в Грецию. Он собрал почти все ресурсы империи Ахеменидов, и данное Геродотом (Книга VII, с. 56—99) описание иностранных полков, составлявших огромную армию Ксеркса, — один из наиболее ценных этнографических документов древности. Хотя численность армии Ксеркса Геродот, по-видимому, значительно преувеличил, нет никаких сомнений, что сухопутная армия была громадной и хорошо снаряженной. Ядром морских сил являлся финикийский флот, и названное Геродотом число — более 1200 кораблей — подтверждается Эсхилом, который сам сражался при Саламине.

Намерение Ксеркса сокрушить Грецию одной лишь силой показало незнание персами не только морских и сухопутных условий этой страны, но также факторов морального состояния, существенных в жизни греческих городов-государств. Фермопилы и Саламин — это священные названия в истории западной цивилизации. Защита Фермопильского прохода Леонидом и тремя сотнями спартанцев была данью отваге греков; морская победа при Саламине 22 сентября 480 г., в которой персы лишились половины своих морских сил, хотя в значительной степени и обязанная удаче, также была данью уму греков и огромной поддержкой морального их состояния. Ксеркс сам наблюдал за битвой и засвидетельствовал смерть нескольких знатных персов. Летом 479 г. греки разбили армию Мардония при Платеях и убили

его самого. Этими победами персидские силы в Греции были далеко не разбиты, но греки поспешили нанести удар в самое сердце военной машины персов. Высадившись на мысе Микале к северу от Милета, объединенная греческая армия нанесла поражение третьей персидской армии под командованием Тиграна. Поражение второй значительной персидской сухопутной армии, причем на собственной территории Ксеркса, уже было почти катастрофой, но удар нацеливался глубже. Без поддержки ионийцев персидские операции на море и на суше становились трудноосуществимыми; без ионийского флота, который после Саламина был опорой персидских морских сил, они стали невозможны. После Микале главные ионийские государства перешли на сторону Греции, и владения Персии в Ионии и на Геллеспонте были подорваны. Объединенный ионийский флот одержал полную победу еще в одном великом сражении — на реке Эвримедон в 466 г.

Для Ксеркса Саламин стал личной трагедией. Он надеялся демонстрацией силы внушить грекам благоговейный страх, и то, как он, по рассказам, реагировал на провал, казнив финикийского адмирала, тем самым заставив отвернуться финикийских союзников, показывает его слабость и невысокий интеллект. После поражения он вернулся в Персеполь и, насколько нам известно, никогда больше не покидал Персию. Великий человек сумел бы понять, что в монолитной системе обширные территории, приобретенные завоеваниями, нельзя удерживать или бесконечно расширять.

Глава 5

ДВОРЦЫ И АРХИВЫ

Когда царь Аншана Кир вступил во владение землями Парсы, он построил в центре завоеванной территории столицу династии. Ее название, Пасаргады (или Парсагады), переводилось греками как «лагерь персов», поскольку, в отличие от других столиц и царских городов древнего Ближнего Востока, это было небольшое поселение, спланированное в стиле военного лагеря. На западном берегу реки Пульвар, на плоской равнине, окруженной чередой низких гор, Кир разбил громадный, обнесенный стеной парк, или «Рай», воздвиг несколько рассредоточенных зданий (первоначально среди деревьев) и крепость. Сюда можно было попасть через монументальный сторожевой дом, въезд в который охраняли два огромных гранитных крылатых быка в ассирийском стиле, а с внутренней стороны их поддерживала пара быков с человеческими головами. Сам сторожевой дом, известный также как дворец R, представляет собой небольшое прямоугольное строение с портиками и небольшими комнатами по всем четырем сторонам. На одном из ортостатических порталов, ведущих в эти комнаты, высечена, возможно, самая ранняя дошедшая до нас ахеменидская скульптура — четырехкрылый гений в человеческом облике, одетый в сирийское платье и египетскую корону, со-

четание которых, скорее всего, означает финикийский иконографический источник. Простая надпись, сопровождающая эту фигуру — «Я, Кир, царь, Ахеменид», — единственный известный тип надписи Кира Великого. Она повторяется на двух других зданиях, стоящих в нескольких сотнях ярдов севернее сторожевого дома, известных как дворцы S и P.

Дворец S, также называемый залом аудиенций, состоит из прямоугольной комнаты с портиком из двойных колонн по всем четырем сторонам. С южной стороны портика находятся две квадратные башни, примыкающие к углам главного зала, а с северной расположены угловые пилястры, сформированные выступами основной стены здания. Крыша прямоугольного зала аудиенций поддерживалась в центре двумя рядами по четыре колонны. Хотя стены сохранились лишь на уровне нулевой отметки, высоту колонн удалось вычислить, и оказалось, что центральный зал на несколько футов превышал окружающий его портик, и, следовательно, по всей вероятности, здание освещалось через верхний ряд окон. Колонны представляли собой гладкие, нерифленые столбы из белого камня с контрастными черными капителями и основаниями. Основания имели простые фризы в форме диска на квадратном постаменте, а капители были выполнены в форме соединенных спинами быков, львов и лошадей — отличительная черта ахеменидской архитектуры. Скульптурные панели украшали порталы, расположенные в центре каждой из четырех стен, но сохранились лишь нижние их части. Одна, по-видимому, должна была изображать трех босых жрецов, ведущих жертвенного буйвола, а на восточном и западном порталах, наверное, изображались составные четвероногие животные. По крайней мере, можно воспроизвести

рельеф восточного портала в виде монстра, состоящего из передних частей человека и рыбы, задних частей быка и напоминающего мидийскую тему, обнаруженную в Скифии (глава 7). Дворец Р (размерами 250 на 140 футов), кажется, проектировался как жилое помещение. Он представляет собой длинное прямоугольное здание, разделенное на четыре комнаты, самой большой из которых является центральный зал с 30 тесно установленными деревянными колоннами на каменных основаниях. Колонные портики высотой 20 футов проходят вдоль двух длинных стен. Два портала из черного известняка, ведущие из центральной комнаты в оба портика, украшены рельефами Кира, выходящего из комнаты в сопровождении человека с зонтом. И тема изображения, и его трактовка немного отличаются от изображения фигуры Дария, выходящего из комнаты аудиенций в Персеполе, но, к сожалению, верхние части этих скульптур фрагментарны, и сравнение ограничивается платьями и ногами. Существуют ясные указания, что многие детали скульптуры покрывает золотая фольга, а личность царской фигуры подтверждается короткой надписью на части платья. Формула этой надписи — «Кир, Великий царь, Ахеменид», по мнению Ольмстеда, указывает, что это здание Кир воздвиг после разгрома Астиага, и отсюда титул «Великий царь», а более простая надпись «Я, Кир, царь, Ахеменид», начертанная на дворцах R, S и на анте¹ дворца Р, указывает здания, построенные Киrom, когда он еще был вассальным царем Аншана и подчинялся мидянам. Отсутствие личного имени на одежде в сочетании со стилем рельефа позволило

¹ Анта, или угловая пилястра, — вертикальный выступ в стене в виде четырехгранного столба.

Франкфурту предположить, что рельефы Кира были работой Дария, и последовать гипотезе Эрдманна о том, что, поскольку рельеф Кира сопровождается сильно разрушенной трехязычной надписью, включающей вавилонский вариант, его следует датировать по крайней мере временем завоевания Вавилона в 539 г. Ко всем этим предположениям с их выводами о датировании возникновения характерного стиля ахеменидской скульптуры следует относиться осторожно. Доказательству Ольмстеда можно противопоставить соображение о неправдоподобии строительства Киrom, остававшимся вассалом мидян, столицы за пределами территории Аншана. Франкфурту следует возразить, что надписи Кира на всех трех дворцах в Пасаргадах были трехязычными, даже самая ранняя, на рельефе гения. Ни о какой другой строительной деятельности Дария в Пасаргадах неизвестно, и с политической точки зрения невероятно, чтобы этот монарх стал прославлять Кира. Этот аргумент также не принимает во внимание стиль скульптур во дворце S.

Значительной частью нашего знания о Пасаргадах мы обязаны работам Эрнста Херцфельда, а также воздушным и наземным исследованиям, выполненным университетом Чикаго в 1930-х гг. Последние исследования показали, что в этом месте осталось выполнить значительные объемы работ по раскопкам, в частности в отношении башни и укрепленной территории к северу от жилых дворцов. Нужно надеяться, что команда британских археологов, работающая в настоящее время здесь, сделает новые ценные открытия. При Дарии закладывалась основа самых великолепных достижений ахеменидской архитектуры, и за время его правления не только началось строительство Персеполя, но и в Сузах, и в

Вавилоне были воздвигнуты новые дворцы в персепольском стиле.

Городской план Вавилона, сложившийся при строительной деятельности Навуходоносора, в персидскую эпоху был оставлен, по существу, без изменений. Его летний дворец, по-видимому, стоял вплоть до времени Александра, но новый дворец для наследника престола Ксеркса был начат Дарием в 498 г. до н. э., поскольку табличка, датируемая двадцать четвертым годом правления Дария, посвящена поставке материала для его строительства. Раскопки в южной части города Навуходоносора в Вавилоне открыли фрагментарный каменный плинтус, несущий на себе имя Дария, фрагменты колоколообразных оснований колонн, сопоставимых с персепольскими, и элементы фризов из глазурованного кирпича, изображающих части оружия и платья персидских гвардейцев-эламитов, гораздо чаще повторяющиеся в Сузах. Но это «персидское здание» слишком разрушено, чтобы мы могли сказать, как именно оно выглядело, хотя, по-видимому, оно содержало *ападану*, то есть колонный зал. Опираясь на одни отрывки текстов, мы не можем приписать строение Дарию I, не говоря уже о его идентификации как «дома царского сына», на который ссылается табличка. О деятельности Дария в городе дополнительно свидетельствует обнаруженный на руинах музея старого дворца Навуходоносора камень, содержащий вавилонскую часть бехистунской надписи Дария, и большое число вавилонских деловых документов, датируемых временем Дария, которые, возможно, были разбросаны из « книгохранилища в Вавилоне, куда полагали сокровища » (Езд., 6: 1). Надпись « Артаксеркс, сын Дария II » на развалинах « персидского здания » — это одно из многих как исторических, так

и археологических сведений, сообщающих, что при последующих монархах часть года Вавилон был царской резиденцией. Грек Ктесий, врач Артаксеркса II, оставил ценный отчет о великолепных глазурованных изразцах стен Вавилона его времени, и вполне могло быть так, что когда он доходит до описания охотничьей сцены, то имеет в виду круглую стену южной цитадели, на которой стояло «персидское здание».

Приемы строительства зданий и приемы их украшения, изученные Дарием в Вавилоне, были перенесены в столицу эламитов Сузы, где сходились богатые торговые пути из Персидского залива, древний город, датируемый ранним бронзовым веком. Во времена эламитов на восточной стороне этого самого древнего поселения вырос холм, ставший местом дворца Дария и ападаны Артаксеркса II.

Многочисленные надписи на фундаменте дворца Дария указывают, что он был построен в начале его правления (при жизни его отца Гистаспа) и воздвигнут на кирпичной платформе в вавилонской манере. Его план — план ассирийского или эламского дворца — сравнивали с дворцом Саргона II в Хорсабаде, в Ассирии, доахеменидской западной частью Южной крепости в Вавилоне, примыкающей к «персидскому зданию», и, что более знаменательно, с эламским дворцом в Чога-Замбиле. Громадная территория дворца (820 на 490 футов) разделена на три внутренних двора, расположенные с востока на запад. Вокруг этих дворов из сырцового кирпича на поддерживающем кирпичном фундаменте построены большие и маленькие комнаты, обнесенные высокой стеной из кирпича-сырца. Вход с восточной стороны ведет в первый двор через ворота, облицованные знаменитыми панелями из глазурованного кирпича

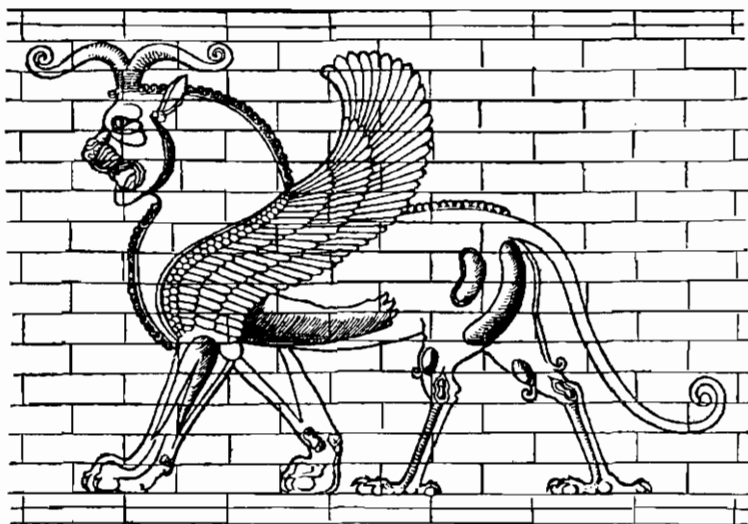

Рис. 24. Лев-грифон из разноцветных глазурованных кирпичей.
Общая высота панели — 5 футов 3 дюйма

с изображениями «бессмертных», отборной личной гвардии царя, наряженной в расшитые церемониальные одежды с широкими подолами и рукавами, в крученые тюрбаны. Каждый гвардеец держит свое копье в положении «на караул». Широкий коридор вел прямо в первый открытый двор (размерами 106 на 118 футов), часть которого украшена изразцовыми панелями с изображением крылатого диска и пары стоявших друг против друга львов с человеческими головами и в вавилонских коронах. На северной стороне этого двора находились два одинаковых узких зала аудиенций и проход, ведущий на север в здание ападаны. В районе прохода находились фрагменты другого комплекта изразцовых панелей с широко шагающими львами (рис. 24), очень похожими на львов с вавилонской Дороги процес-

сий. Считается, что они украшали стену, отделявшую ападану от дворца. На запад от первого открытого двора, отделенный от него комплексом из трех комнат, лежит двор поменьше и более закрытый, вокруг которого, вероятнее всего, располагались царские покои. Еще западнее расположен большой зал с внешним входом и приподнятой платформой на южной стороне. Вокруг этого зала обнаружены части изразцовых панелей с изображениями крылатых быков, грифонов и копыеносцев. Вероятно, панели западного входа повторяли в менее расточительном варианте процессию «бессмертных» с восточных ворот. Несколько кусочков каменной скульптуры, найденных к югу от этих зданий, показывают, что податели дани и животные, вырезанные в стиле Персеполя, играли некоторую роль в более поздних сооружениях в Сузах, но мы не можем сказать точно, к какой части дворца они принадлежали. Панели из глазурованного кирпича, выполнявшие функции декоративной ткани, были главными украшающими деталями дворца Дария. Композиция из синих, белых, желтых и зеленых плиток копируется из Вавилона, как и узоры бордюров с быками, львами и розетками, но расположенные друг против друга сфинксы (или андроцефальные львы) лучше подходят к более раннему периоду дворца Саргона в Хорсабаде. Составные грифоны с передними лапами льва, задними лапами орла, рогами и ушами козла и т. д. имеют мидийское происхождение.

Ападана с северной стороны дворца Дария — работа Артаксеркса, в чье правление Сузы были любимой зимней резиденцией, где любила плести свои интриги царица-мать Парисата. Надписи на основаниях колонн убеждают нас, что Артаксеркс просто реконструировал более раннюю ападану, построен-

ную Дарием почти в том же месте, но уничтоженную пожаром. Ападана, перестроенная Артаксерксом почти век спустя, с ее 36 величественными колоннами центрального зала, расставленными квадратом по шесть колонн с портиками, имеющими два ряда по шесть колонн с двух сторон, представляет собой практически точную копию зала в Персеполе. Исполнение больших капителей с быками и боковых завитков отличается, хотя и немного, от персепольских вариантов, и на посетителей Лувра производит впечатление массивность помещенного там экземпляра (рис. 25).

По замыслу Дария Персеполь был не столицей в политическом смысле, поскольку греки не перечисляли его в ряду других столиц — Вавилона, Суз и Сард, — а церемониальным святилищем, в значительной степени предназначенным для празднования персидского Нового года, получившего имперское значение. Генеральный план террасы, лестницы и официальные здания, занимающие существенную часть территории, принадлежат Дарию, а Ксеркс заканчивал строительство. В свою очередь Артаксеркс I завершил некоторые дополнения, начатые Ксерксом. Раскопки проводились многими руками, но научные исследования и публикация о Персеполе стали доступны лишь в недавнее время в Восточном институте университета Чикаго под руководством доктора Эрика Шмидта.

Все строения Персеполя возводились на искусственной террасе, поднятой приблизительно на высоту 40 футов и имеющей размеры 1500 на 900 футов (рис. 26, фото 37). Эта терраса примыкает к горным откосам с северной и восточной сторон, поэтому потребовалось выполнить значительный объем работ по ее выравниванию. Бок о бок поперек центра тер-

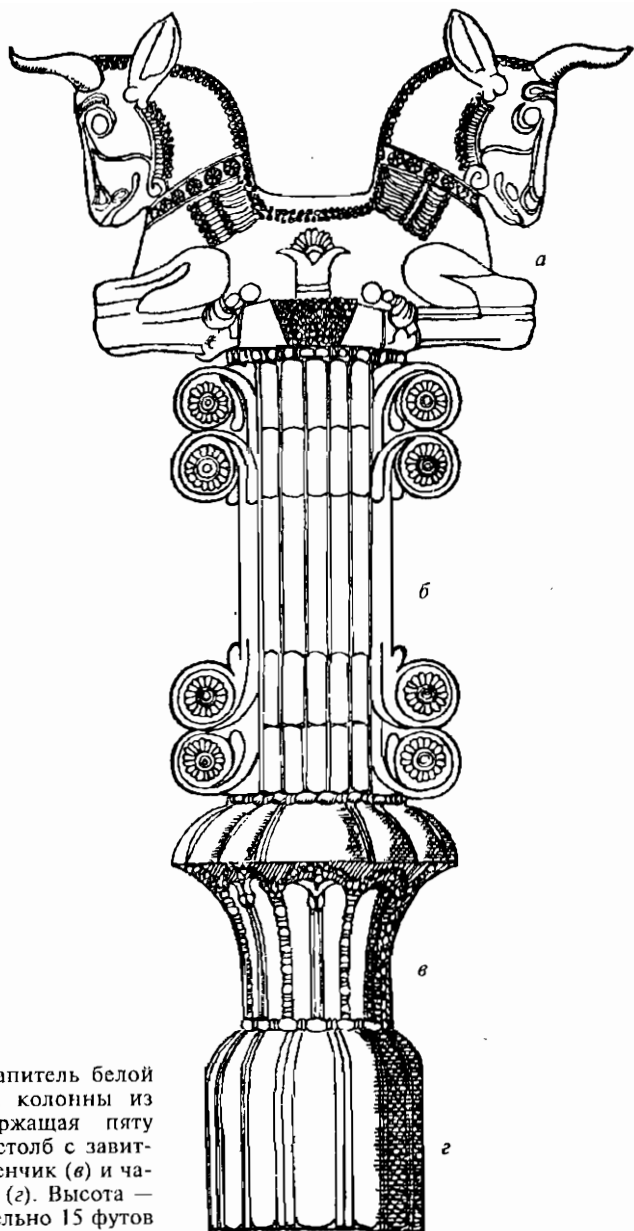

Рис. 25. Капитель белой мраморной колонны из Суз, содержащая пяту свода (а), столб с завитками (б), венчик (в) и чашелистики (г). Высота — приблизительно 15 футов

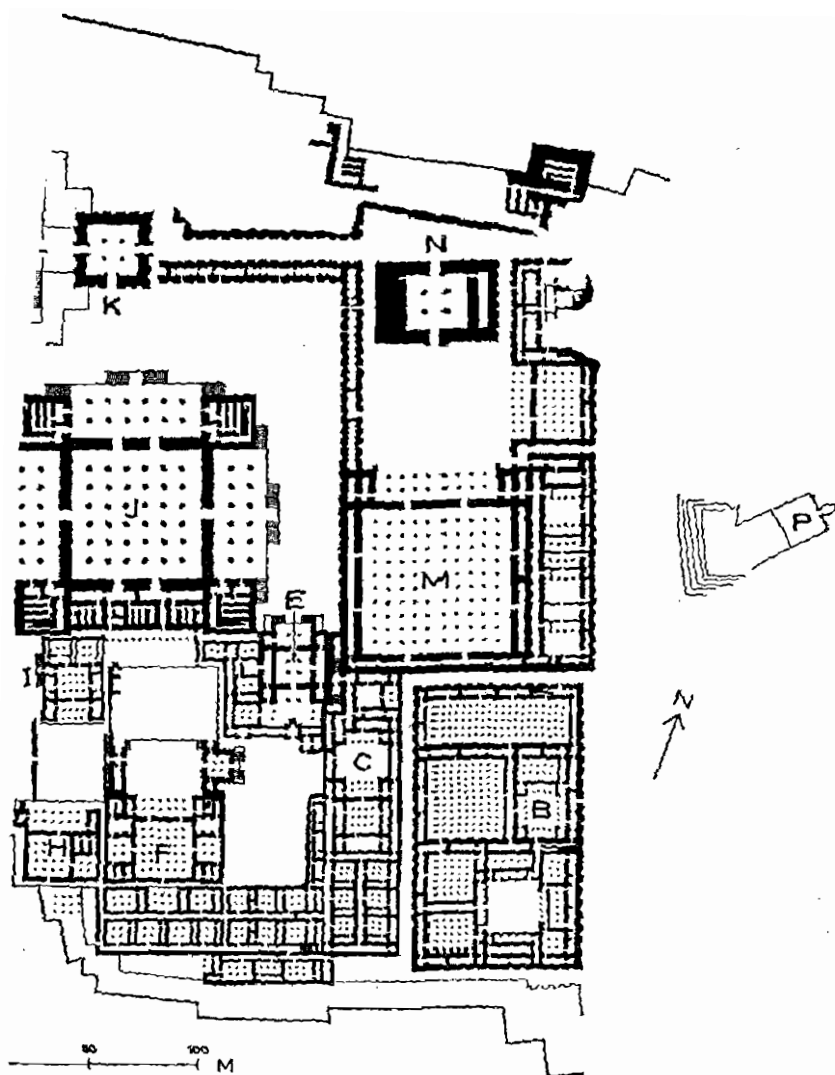

Рис. 26. План Персеполя. В — сокровищница; С — гарем; Е — центральный зал; F — дворец Ксеркса; Н — неидентифицированный дворец; I — дворец Дария; J — ападана; К — ворота Ксеркса; L — северо-западная лестница; М — тронный зал Ксеркса; N — ворота процессий; Р — скальная гробница

расы были воздвигнуты два самых больших здания: ападана, или зал аудиенций Дария, и тронный зал Ксеркса, также известный как «стоколонный зал» (J и M на плане). Эти важные здания делят террасу пополам на две функциональные области. В ее северной части располагались военные казармы, плац для парадов и церемониальная зона, а южную часть террасы занимали дворцы Дария (I), Ксеркса (F), гарем (C) и большой комплекс сокровищницы (B). Компановка южной области в значительной степени была завершена во времена Ксеркса, хотя «неидентифицированный дворец» в южно-западном углу, возможно, построен Артаксерксом III, и, вероятно, именно он создал вырезанную в скале гробницу (P) на склоне горы, сразу на восток от террасы. Планировку северной части террасы выполнили Ксеркс и Артаксеркс I. Для главного (и единственного) подхода к террасе предназначалась большая северо-западная лестница (L), ведущая к монументальным воротам Ксеркса (K). Во времена Артаксеркса II Дорога процессий шла от ворот Ксеркса ко вторым воротам (N), которые, в свою очередь, открывали доступ ко двору напротив стоколонного зала Ксеркса. Проход между северной и южной частями платформы и западно-восточный проход между залом аудиенций и дворцом Дария, а также между стоколонным залом и сокровищницей был сделан через здание (E), часто называемое (после Херцфельда) «Трипилоном» за три двери, выходящие из главной комнаты. Шмидт обозначает его «залом совета», но, может быть, используемое нами название «центральный зал» вызывает меньше вопросов о функциональном назначении этого здания.

Персеполис основал Дарий вскоре после 518 г. до н. э. (фото 36). Золотые и серебряные таблички

из-под фундамента зала аудиенций (ападаны) показывают, что он начал строительство до своей скифской экспедиции 513 г. Очевидно, что это было до окончательного завершения террасы, поскольку в надписи, нанесенной на южный фасад, упоминаются «заморские земли», то есть Европа.

Строения Персеполя были непосредственным развитием по сравнению с Пасаргадами и Сузами, более ранней столицей Дария. Хотя в Пасаргадах отсутствовала ападана сузского или персепольского типа, обнаруженные там квадратные и прямоугольные залы с колоннами и портиками являются основными архитектурными элементами Персеполя, а ворота Ксеркса в Персеполе, без сомнения, представляют собой копию гипостиля сторожевого дома в Пасаргадах. То же сочетание камня и сырцового кирпича, порталы и отверстия-окна, сооруженные из массивной каменной кладки, промежуточные стенные пространства из быстро разрушавшегося сырцового кирпича — все это одинаково в обоих местах, как и колонны с парами животных и деревянные оштукатуренные столбы, использованные по всей сокровищнице Персеполя. Но к числу новшеств принадлежат некоторые наиболее привлекательные его черты — лестницы с двойными поворотами (не имеющие явного прототипа), основания колонн в форме колоколов, рифленые колонны и египетские украшения-выкружки на дверных перемычках. Однако, несмотря на чрезвычайную изысканность, архитектура Персеполя изобилует неуклюжими деталями. Регулярность архитектурных элементов должна бы предполагать некоторый уровень «заводского изготовления», но вместо этого мы видим трудоемкие попытки вырезания порталов целиком из одного блока или их конструирования из неодинаковых блоков;

стержни колонн — неровные, нестандартизованные, как в Ионии той же эпохи; ступени — неодинаковые и мегалитические, а элементы мостовых непрочны. Все это, конечно, имеет одно очевидное объяснение: в первую очередь Персеполь является творением скульптора, а не архитектора. Цель заключалась не в красоте строения, а в красоте его обработки: конструктивно — это движение вспять. Стандартизация, таким образом, касается скульптора, а неукрашенные пространства выглядят топорной кладкой. Мы не должны, конечно, ради удовлетворения требований современных понятий проводить слишком четкие грани между каменщиком, архитектором и скульптором древних времен, главным образом потому, что строители Персеполя набирались и готовились для выполнения специальной задачи, состоявшей в строительстве не ряда функциональных зданий, а святилища, которое должно было соответствовать важности праздника Нового года.

Таким образом, украшение этих зданий не походило на что-либо сделанное ранее. Словно вся церемония празднования Нового года была сфотографирована и отпечатана на каменных стенах, перед которыми она проходила, и знаменитые скульптуры выглядели хаотичным изображением фаз праздника, главной причины существования дворца. От рельефа к рельефу мы можем следовать за праздничной процессией внутри и вне зданий, завершающихся в конце концов Артаксерксом I. Делегации из сатрапий собирались на равнине западнее террасы и спускались на землю со своих транспортных средств (коней, верблюдов, быков, запряженных лошадьми колесниц и ослов), некоторые оставались в дорожных плащах и теплых шарфах. Затем они поднимались на террасу по огромной северо-западной лестнице и проходили через «ворота

всех народов», построенные Ксерксом. Вся пышная процессия двигалась перед рассматривающим ее царем и знатными персами, находившимися на западной стороне большой ападаны, где выступающая часть западной стороны террасы формирует ложу для приветствий, господствовавшую над этой сценой. Знатные персы, поднимаясь на ападану по ее северной или восточной лестнице, могли предварительно просмотреть в камне картину, ожидавшую их на лежавшей внизу равнине. На лестнице были вырезаны фигуры данников из 23 стран и между ними молодые хвойные деревья, которыми Дарий засадил равнину (фото 39). Скульптуры на северной и восточной лестнице ападаны, показанные на фотографиях в этой книге, были закончены Ксерксом; они идентичны по расположению и изображают то же самое событие, но в обратном порядке, поэтому фигуры на северной лестнице повернуты лицами в противоположную сторону по отношению к фигурам на восточной лестнице. Результатом является одно из наиболее захватывающих достижений древнего искусства, ведь фигуры на одной лестнице показывают обратные стороны фигур с другой. Это абсолютно новая концепция, которую некоторые авторы приписали господствующему персидскому дуализму, но для историка искусства она не только дает новые детали платья и оружия на рельефах, но полностью демонстрирует гигантские объемы ксерокопирования, которые пришлось бы сделать древним художникам, даже если эта схема была несовершенной и полной противоречий.

Скульптурные рельефы двух наклонных парапетов лестниц показывают с одной стороны три группы из процессии данников, а с другой — две группы знатных персов и мидян,двигающихся вверх к ападане, перед которыми идет почетный караул «бессмерт-

ных», призванный наблюдать за собранием. Выше знати изображены царские конюхи, слуга, несущий кресло, и две царские колесницы на пути к месту обозрения. Вся схема украшения прерывается центральной панелью перед средней лестничной площадкой. В ее центре была надпись Ксеркса, по обе стороны от которой располагались мидийский и персидский гвардейцы. Над этим местом парит крылатый диск Ахурамазды, защищая царские слова. Треугольные углы центрального и бокового парапетов этих лестниц заполнены *симплегмой*, львом, атакующим пятящегося быка. Этот геральдический элемент был в некотором роде символом энергии Нового года и благородной покорности года уходящего.

После смотра состоялся пир, проходивший, скорее всего, во дворце Дария, поскольку на лестнице этого здания, не считая более поздних скульптурных дополнений, сделанных Артаксерксом III, в основном изображены слуги, нагруженные бурдюками с вином, мясистыми молодыми животными и блюдами с едой. У косяков северных порталов показан Дарий, входящий во дворец с лилией в руке, сопровождаемый слугами с полотенцами и метелками от мух. На других дверях по всему зданию изображены слуги, несущие полотенца, бутылочки с благовониями, что подтверждает предположение об использовании дворца Дария как зала для пиршества (фото 40). Вероятно, перед пиром давался непродолжительный прием в центральном зале (фото 41, 42). Здесь величественная лестница на северной стороне показывает знать, мидян с одной стороны, персов с другой, поднимающихся по лестнице, и каждый из них несет по лилии, традиционное «подношение» перед началом пира на древнем Ближнем Востоке. Царит неформальная атмосфера: гости поворачиваются друг к

другу и беседуют, нюхают свои лилии и хлопают соседей по плечу. На южной стороне скульптурные изображения слуг несут еду по лестнице наверх, в здание. Но, несмотря на предположение, что центральный зал был в одно время каким-то образом связан с пиршеством, он, по-видимому, служил и другим целям и, несомненно, являлся свидетелем следующей стадии церемонии. На стенках восточного портала центрального зала Дарий изображен готовым к триумфальному вступлению в громадный тронный зал (М), где собирались все. Сам трон со стоящим за ним наследником престола Ксерксом установлен на огромном помосте на четырех ножках или диване, который несут 28 миниатюрных фигурок в разнообразных облачениях народов-данников. Над помостом находится балдахин с бахромой и охраняющая фигура Ахурамазды. Такой же тип переносного паланкина показан в более крупном масштабе в самом тронном зале и на фасадах гробницы Ахеменидов в Накш-и-Рустаме. Вероятно, сидящего на троне царя и наследника престола на самом деле приносила на официальные мероприятия команда носильщиков из самых разных областей империи.

На южных порталах тронного зала вырезаны рельефы, очень похожие на только что описанные изображения. На этот раз, однако, на них представлены не Дарий со своим наследником, а не имевший наследников Артаксеркс I и слуга с мухобойкой, поскольку именно при Артаксерксе был завершен этот зал (рис. 27).

Делегации народов-данников, взойдя на террасу по северо-западной лестнице, пройдя через ворота Ксеркса и незавершенные ворота Артаксеркса, соберутся перед портиком тронного зала, чтобы приблизиться к царю и преподнести свои подарки. В отли-

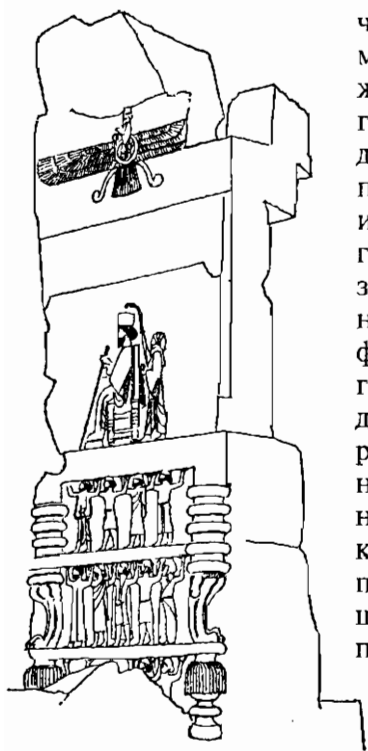

Рис. 27. Артаксеркс на троне
(скульптура на южном портале
тронного зала в Персеполсе)

чие от пирующей знати атмосфера среди данников кажется натянутой. Но каждую группу в царский дворец ведет церемониймейстер-перс, представитель знати, успокаивающе, в духе благородного товарищества, держащий за руку главу каждой национальной группы. Идентифицировать национальные группы непросто. Сами мидяне и персы ясно и хорошо различимы, так как на мидянах мы видим куполообразные головные уборы с прикрепленной лентой, перепоясанные куртки, длинные штаны и обувь с ремнями; с

плеч большинства из них ниспадает длинная верхняя одежда без рукавов. Типичное для них оружие — короткий меч с украшенными ножнами, имеющими скифские черты. Пер-

сидская знать носит гофрированную тиару, ниспадающий *кандис*, свободную одежду, состоящую из юбки и куртки с длинными рукавами, и обувь с ремнями. Мидийские и персидские церемониймейстеры и чиновники, по-видимому, играли одинаковые роли на церемонии, и контраст между легким складчатым персидским платьем и плотной кожаной одеждой мидян бросается в глаза. И мидяне, и персы вооружены одинаковыми кожаными колчанами с луками, на них од-

нотипные серьги и браслеты. Незначительно отличаются от персов платьем гвардейцы-эламиты из Суз — «бессмертные», — они точно такие же, как фигуры, изображенные на изразцах в Сузах.

Окончательно идентифицировать делегации данников невозможно. Перечни народов, по Геродоту (Книга III, с. 90), ни содержанием, ни порядком не согласуются с надписями Дария, выполненными на его персидских монументах и на Суэцкой стеле. Между созданием Дарием бехистунской надписи и *дайва*-надписью Ксеркса число сатрапий увеличилось с 23 до 31. На самом деле на рельефах лестницы ападаны изображены 23 народности, но они не точно соответствуют перечню на Бехистунской скале. Несколько народов можно, конечно, безошибочно идентифицировать по платьям, чертам лица и другим признакам, но решающий и самый надежный источник информации еще не был полностью разработан. Речь идет о детальном изучении фигур, поддерживающих царские троны на фасадах скальных гробниц в Накш-и-Рустаме. На гробнице Дария изображены 29 фигур, соответствующих 29 сатрапиям, перечисленным в сопроводительной надписи, а к фигурам на гробнице Артаксеркса II прикреплены небольшие клинописные ярлыки. Кроме мидян, персов и сузийцев, Р.Д. Барнетт перечислил, как надежно идентифицированные по сочетанию внутренних свидетельств, данных из Накш-и-Рустама и этнографических подробностей, почерпнутых у Геродота, следующие названные Дарием народы: армина (армяне), харайва (арийцы), харахуватя (арахосийцы), сака-тиграхауда (саки в остроконечных шляпах), партава (парфяне), асагартя (сагартийцы) — все они одеты в основном в мидийскую одежду, различаясь головными уборами и оружием. По одежде

установлены бахтриш (бактрийцы), одетые в мидийские куртки и мешковатые хлопковые штаны. Бабирувия (вавилоняне), единственный народ Месопотамии, идентифицирован по конусообразным шапкам с кисточками. Ясно различимы арабайя (аравийцы) с одnogорбыми верблюдами, путайя (ливийцы) с винторогими антилопами, кушийя (эфиопы) с подношениями слоновой кости и молодыми жирафами (или окапи). Но идентифицировать мудрайя (египтян) можно было лишь ориентировочно из-за повреждения рельефов. Хиндуш (индийцы) изображены с голой грудью, золотым песком и ослиами. Скудра (скудриане) могут быть опознаны по фракийским шлемам в стиле античного искусства и характерным легким щитам, упомянутым Геродотом. Из народов Малой Азии лишь катпатука (каппадокийцы) с фригийскими фибулами, скрепляющими плащи, кажутся идентифицированными вполне убедительно. Группа, которую часто считают сирийцами, одета в сапоги, более типичные для Малой Азии, и плащи с одиночными кисточками по краю, обнаруженными на ионических скульптурах, идентифицирована Барнеттом как лидийцы. Похожие плащи носит группа, идентифицированная как яуна (ионийцы). Киликийцы теперь отождествляются с согдийцами, а в отношении хорезмийцев, дрангиан, гандарийцев и других групп существуют сомнения.

Входя в тронный зал, делегаты видят вырезанную на портале сцену, которой они намереваются стать свидетелями. Артаксеркс сидит на троне позади двух курящихся жаровен в окружении своих чиновников и принимает знатного мидянина. Под ним по пяти регистрам выстроены гвардейцы, представляя свое расположение вдоль внутренних стен здания. Точное значение изображенной здесь сцены зависит от

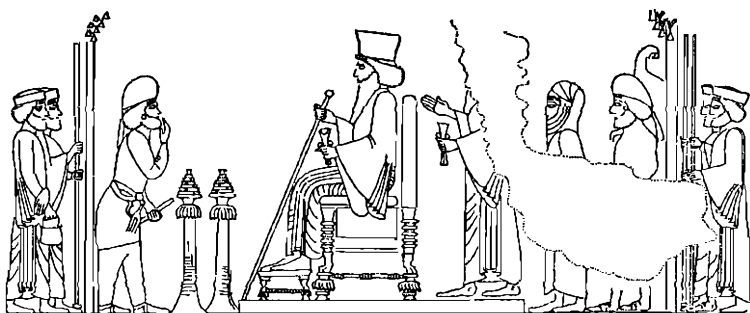

Рис. 28. Дарий и его чиновники на рельефе из сокровищницы Персеполя. Длина — приблизительно 20 футов

личности знатного мидянина, высокопоставленного чиновника, вооруженного придворным мечом, который склоняется перед царем и подносит руку ко рту в традиционном персидском жесте подчинения. Если считать его *хазарпатом*, главой штата, надзирающего за всеми внешними сношениями, тогда он, вероятно, представляет царю первую делегацию. Но поскольку в самой старой части зданий сокровищницы были обнаружены два очень похожих рельефа, показывающие, как восседающий на троне Дарий принимает одного и того же знатного мидянина, то предположили, что последний является инспектором сокровищницы, завершающим церемонию представлением царю полного отчета о собранной дани (рис. 28). Эти рельефы Дария в сокровищнице очень интересны сами по себе, поскольку показывают стоящего позади царского трона наследника Ксеркса, чья голова находится на том же уровне, что и голова Дария, а рука лежит на спинке трона. Этот условный способ изображения права Ксеркса на наследование был абсолютно очевиден всем и особенно самому Ксерксу. Дарий выбрал Ксеркса наследником

через головы его братьев после Марафонской битвы (в 490 г. до н. э.). Эти рельефы должны, таким образом, датироваться начиная с этого года до смерти Дария в 486 г. Дополнительный интерес представляет предположение Херцфельда, что мессианский титул «Сын человеческий», использованный пророком Даниилом, в видении которого обнаруживается некоторое знакомство с составными зверями, изображенными в скульптурах персепольского типа, был официальным персидским титулом для наследника престола. «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему». Эти слова Даниила (Дан., VII: 13), по-видимому, описывают и содержат в себе фразеологию вступления на престол принца-Ахеменида с совместным регентством, которым пользовались и Камбис, и Ксеркс, и оно же многозначительно символизируется в рельефах на зданиях сокровищницы.

Различные рассуждения позволили участникам раскопок прийти к заключению, что тронная комната, или стоколонный зал, — ненужная расточительность, пока продолжала использоваться ападана Дария, — предназначалась для демонстрации рядом с царем набора ценностей из соседних, хорошо защищенных комнат сокровищницы. Этот «дворцовый музей» полностью соответствует развитию в церемониальных целях северной части террасы при Ксерксе. Из надписей той эпохи нам ничего не известно о содержимом самой сокровищницы, но значительная часть дани, изображенной на рельефах, является сырьем, поэтому мы можем представить себе, что ткани, бумага, пряности, слоновая кость и шкуры

хранились там же вместе с золотой и серебряной посудой, слитками и золотым песком. Несколько экзотических объектов, содержащихся в сокровищнице Персеполя, перечислены классическими авторами: наиболее необычны золотые плоские деревья и золотая виноградная лоза с гроздьями из драгоценных камней, упомянутая Атенеом в его *«Клубе гурманов»*. Золотая виноградная лоза создавала тень для царского ложа. Зная рельеф с изображением Ашшурбанипала, полулежащего на затененном винограде ложе, мы можем считать эту мысль довольно правдоподобной.

Данные раскопок из сокровищницы Персеполя содержат лишь несколько жалких обломков, отвергнутых Александром, но среди них обнаружены части подносов из слоновой кости, стеклянной, металлической и алебастровой посуды. Не существует клинописных записей, разъясняющих этот клад, и в большей степени из-за того, что они проливают свет на финансовые и административные дела. Поэтому найденные в Персеполе глиняные таблички имеют такое большое значение.

До сих пор раскопки в Персеполе выявили две отдельные группы табличек с клинописью. Свыше 100 табличек из сокровищницы были опубликованы Дж.Дж. Камероном, и за небольшим исключением они содержат записи о платежах ремесленникам за выполненную работу в зданиях Персеполя за последние годы правления Дария и первые двадцать лет правления Ксеркса. Все записи сделаны эламской клинописью. Слегка разочаровывает, что оба эти архива имеют отношение к внутренним делам местной сокровищницы Парсы, а не к иностранной дани или государственным делам. Но, по крайней мере, мы приобретаем способность проникнуть в суть эф-

фективных методов ведения записей сокровищницы и бухгалтерии в эпоху самого начала монетной системы, когда работники и казначеи открыли для себя удобство частичной оплаты наличностью параллельно с выплатой вознаграждения овцами и вином. Оплата наличностью, по-видимому, начала использоваться в 493 г. до н. э., и стоимость серебряного сикля была зафиксирована царским указом в пересчете на овец и вино. Стоимость серебра, текущие меры и веса, как до сих пор в Англии, гарантировались царской властью, и в царских надписях Ахеменидов до нас действительно дошли некоторые веса. Хотя Дарий облегчил эти оценки, введя чеканку новых монет, первоначально была взята вавилонская система, и интересно заметить, что курс обмена серебра в Персеполе приближался к обнаруженному в вавилонских операциях, датированных правлениями Кира и Камбиса, и пропорционально превышал курс при Навуходоносоре.

Использование эламского языка в бухгалтерии, скорее всего, определялось не свойственными ему удобствами, а национальностью счетоводов, — вероятно, Дарий перевел в Персеполь часть своего персонала из дворца в Сузах. Как показывает Камерон, таблички являются хранившимися писцами из Суз архивными копиями заявок на оплату работ, вероятно выполненных по-арамейски на пергаменте чиновниками-надзирателями. После оплаты служащие сокровищницы делали на глине по-эламски запись о заявке и платеже и, прежде чем класть ее на полку, веревкой привязывали к арамейскому оригиналу. Пожары и обветшание уничтожили все следы пергамента и веревок.

Не все работники, упомянутые на этих табличках, работали в Персеполе: среди них были пастухи и ви-

ноделы, трудившиеся в сельской местности, а также сборщики податей. Но большинство этих работников ремесленники, нанятые для строительства: «подноскики раствора», «инкрустаторы по золоту, создающие рельефы», «медники», «создатели каменных скульптур для Парсы» (местное название Персеполя). Среди них встречаются карийцы, сирийцы и ионийцы. По имеющимся данным можно предположить, что похожие записи о вознаграждении велись в Сузах, где гигантскими усилиями по международной кооперации художественные элементы из многих частей подчиненных земель слились в поразительно совершенный ахеменидский стиль в искусстве и архитектуре. В ходе раскопок в Сузах, начавшихся в 1898 г., был собран следующий фундаментальный текст, положенный Дарием на мраморных и глиняных табличках во многих частях здания. Он известен как «Сузская Великая хартия». При переводе приблизительно сохранена типично персидская грамматическая структура оригинала.

Велик бог Ахурамазда, создавший вот эту землю, создавший вон то небо, создавший человеческий род, создавший благоденствие для человека, сделавший Дария царем, одним царем для многих, одним господином для многих.

Я Дарий, великий царь, царь царей, царь народов, царь этой земли, сын Гистаспа, Ахеменид.

И говорит царь Дарий: Ахурамазда — величайший из богов, он создал меня, сделал меня царем, даровал мне царство великое, с добрыми лошадьми и добрыми людьми.

Милостью Ахурамазды мой отец Гистасп и Арсам мой дед оба жили, когда Ахурамазда сделал меня

царем на земле. Желанием Ахурамазды было сделать меня единственным царем, и он сделал меня царем на этой земле. Я поклонялся ему — Ахурамазда приносил мне помощь. Что я приказывал сделать, он делал удачным. Что бы я ни делал, все это я делал по милости Ахурамазды.

Материалы для дворца в Сузах прибыли издали. Землю копали глубоко, пока не достигли скальной породы. Когда всю эту землю вынули, вместе с ней уложили бутовую кладку, в одной части на 40 локтей, в другой — на 20 локтей в глубину. На этой кладке воздвигнут был дворец. Все это сделали вавилоняне: землю вынули, бут уложили и обожженные кирпичи сформовали.

А лес кедровый привезли с гор, которые называют Ливанскими; ассирийский народ привез его в Вавилон, а из Вавилона карийцы и ионийцы доставили его в Сузы. *Яка*-дерево [тик?] привезли из Гандары и Кармании. Золото привезли из Сард и Бактрии и обработали здесь. А драгоценные камни, лазурит и сердолик [?], которые обрабатывали здесь, привезли из Согдианы, а бирюзу [?] привезли из Хорезмии. А серебро и эбеновое дерево привезли из Египта. А материал, которым раскрашивали стены дворца, привезли из Ионии. А слоновую кость, которую обрабатывали здесь, привезли из Эфиопии, из Синда и из Арахосии. А каменные столбы, форму которым придавали здесь, принесли из дворца Анирада в Эламе.

Каменщики, обрабатывавшие камни, были ионийцами и сардийцами; мастера, обрабатывавшие золото и украшавшие стены, — мидянами и египтянами; люди, работавшие с лесом, — сардийцами и египтянами; люди, работавшие с обожженными кирпичами, вавилонянами.

И говорит царь Дарий: в Сузах предписано было собирать величественные вещи, и величественными были достижения. Да хранит Ахурамазда меня, отца моего Гистаспа и мой народ.

Таким образом, серьезных сомнений в международном сотрудничестве при этом строительстве не остается, но отсутствие здесь и в табличках сокращенности точных упоминаний о национальности скульпторов лишь усугубляет проблему происхождения ахеменидского скульптурного стиля. Из Ассирии скульпторы дворца взяли барельеф, обработку волос и бород, а также условное изображение царственных фигур в преувеличенном размере. Основные отличия, ставящие ахеменидскую скульптуру особняком среди рельефов древнего ближнего Востока, заключаются, во-первых, в ее отходе от морализирующих тем и «крупных полотен» шумитамской работы. Во-вторых, повышенная пластичность и закругленность фигур контрастирует с плоскими лепными поверхностями ассирийских рельефов и выпуклыми рисунками египетской работы. В-третьих, здесь видна обработка драпировки — работа о соотношении драпировки и контуров под ней. Споры вокруг второго и третьего из этих отличий сосредоточены на размерах прямого влияния ионийских греков. Нет сомнения, что греческие скульпторы работали в Персеполе: у нас есть не только информация от классических авторов, но и свидетельства в форме рисунков на камнях Персеполя, изображающих греческие головы, в точности соответствующие представленным на краснофигурных вазах. Но Франкфорт, мне кажется, ошибается, приписывая лепную работу и пластичность рельефов

Персеполя ионийскому влиянию. Правда, ближневосточные каменные рельефы оставались в основном плоскими, но «финикийские» мастера по слоновой кости из Северной Сирии в VIII в. достигли высокой степени пластичности и удачного рельефа в три четверти, и, принимая во внимание преобладание сирийских мастеров в Персеполе, мы не должны рассматривать рельефы Персеполя только лишь в сравнении с месопотамскими каменными рельефами. Напротив, нам следует считать их новым шаблоном, испытавшим значительное влияние со стороны таких второстепенных видов искусства, как резьба по слоновой кости. Это объяснило бы также «строгость» рельефов Персеполя, беспокоящую тех, кто устанавливает их происхождение от совершенных и мощных работ греческой Малой Азии. Но это не помогает, конечно, необходимому для нас пониманию, как формировался и поддерживался новый стиль. Довольно широко признано, что драпировка в Персеполе представляется формулой, разработанной в архаическом греческом искусстве в начале VI в. Скопления зигзагообразных складок на рукавах и нижних частях одежды персов идентичны ранним ионийским скульптурам, и художественный контраст между волнистыми складками и строгим контуром тела под тонким платьем является результатом греческой эстетики в Персеполе. Существуют урартские данные об инкрустации золотом и лазуритом, также практиковавшейся в ахеменидской скульптуре. Сверкающая шлифовка поверхности многих рельефов была новой особенностью, которая указывает, что лишь мелкие детали могли раскрашиваться.

Невозможно вообразить полный эстетический эффект: мы ничего не знаем о стенах из сырцового кирпича, взмывающих над украшенными скульп-

турами лестницами и уменьшающих их размеры. В Персеполе обнаружены знаки, говорящие, что кирпичи были гладкими, но несомненно использовались декоративные ткани, листовая медь и другие формы украшений. Скульптура в Персеполе, таким образом, является глубоко личной; она притягивает взгляд, но не принуждает ум к созерцанию, как великие скульптуры в ассирийских дворцах. Она помогает дать посетителю чувство стабильности, а не благоговейный страх перед военной силой повелителей. Поняв это, мы сможем простить ее монотонность.

Хотя Ахемениды до некоторой степени (особенно в Сузском дворце) переняли конструктивные и декоративные приемы Месопотамии, их поддерживаемые колоннами залы и портики, возведенные платформы, монументальные лестницы и форма самих колонн кажутся полным разрывом с традицией Ближнего Востока. Насколько оригинальны они в этих особенностях? С учетом значительной оригинальности синтеза археологи составили мнение о происхождении различных архитектурных элементов, особенно ападан, проследив их в Вавилоне, Египте и сиро-хеттской архитектуре Северной Сирии. В царящей теперь в Иране атмосфере открытий мы не можем последовать примеру многих ученых и отбросить мидийскую архитектуру из-за ее незначительности. Хотя Экбатана не раскопана и мы не обладаем ни одним зданием мидян, рост доступности месопотамских клинописей приводит нас к заключению, что мидяне были серьезными строителями. Если мы считаем важными их второстепенные ремесла, то готовы принять влияние их архитектуры и пересмотреть предположения Марселя Дьелафуа и других первых путешественников, что архитектура Ахеменидов содержит сильный местный элемент деревянного стро-

ительства горных обитателей Северного Ирана. Фасады вырезанных в скале гробниц в Накш-и-Рустаме демонстрируют зубцы на концах балок и тяжелую деревянную конструкцию крыши. Четырехколонные портики и низкие центральные порталы гробниц словно воспроизводят фасады сельского дома того типа, который до недавнего времени использовался в Мазендеране и в горах Эльбурс, описанный Дье-лафуа и другими путешественниками. В таких жилищах, гробницах и огромных ападанах мы наблюдаем один и тот же важнейший принцип персидской архитектуры — покрыть квадратный участок тяжелой изолирующей крышей, опирающейся на лес правильно расставленных колонн. Затем этот участок может быть полностью окружен перегородками (не несущими тяжести) или огорожен лишь частично, чтобы оставить портики по краям.

Когда мы действительно поворачиваемся к гористому северу, нас не может не поразить здание, раскопанное советскими археологами в Арин-Берде, в Армении, на многонаселенной северной границе Урарту. Это фактически ападана, квадратное здание из сырцового кирпича, ярко раскрашенное, с крышей, поддерживаемой шестью рядами по пять правильно расположенных колонн. К сожалению, дату создания этого строения нельзя установить. Является ли оно прообразом ападаны или построено в результате значительной деятельности Ахеменидов в Армении? Обломки в верхнем слое внутри здания принадлежат к концу VI или к V в., и, таким образом, можно предположить, что оно заложено до Ксеркса, чья строительная деятельность в этом районе хорошо известна. Можно упомянуть о менее впечатляющем колонном зале VIII в. из Кармир-Блура, и, следовательно, кажется ясным, что у урартов были

колонные залы, даже если нельзя доказать происхождение от них ападаны. Существуют, однако, более современные отчеты об одной ападане до эпохи Ахеменидов, обнаруженной в урартском месте Алтын-Тепе в районе озера Ван.

Как Гиршман, так и Барнетт предположил, что платформы зданий произошли из Урарту, где физические особенности местности неизбежно требовали строительства террасных крепостей. Три персидские платформы предшествовали Персеполю — так, по крайней мере, считалось. Две находятся в Восточном Хузистане: у Масджид-и-Сулеймана, в 50 километрах юго-восточнее Шустара, и в Бард-и-Нишандахе, в одной-двух милях от берегов реки Карун. Третья, так называемая Тахт-и-Сулейман, расположена у Пасаргад, севернее дворца. Два первых террасных сооружения построены из громадных необработанных камней, придающих им «циклопический» вид. На самом деле это не настоящая крупноблочная кладка, которая, как мы знаем, практиковалась в Ионии в течение VII в., а скорее повод к использованию огромных, не совсем ровных валунов, как во многих крепостях вокруг озера Ван. Известно об использовании кладки из красиво отесанных камней в Урарту, это такая же ортогональная кладка, как в Персеполе, но использование железных скоб, вставленных в свинец, для укрепления кладки в Пасаргадах и Персеполе, кажется, было заимствовано у ассирийцев. Также обнаруженная при раскопках в Кармир-Блуре квадратная башня, возможно, связана с квадратными пожарными вышками в этих двух ахеменидских местах (глава 9), где углубленные окна чрезвычайно похожи на окна бронзовой модели урартского здания из Топрак-Кале, хранящейся в Британском музее.

Характерные ахеменидские колонны не имеют единственного источника. Они состоят из разнообразных элементов, поднимаясь из кольца поникших чашелистиков (г) и венчика (в), происходящих от египетских капителей в форме пальмовых ветвей (см. рис. 25). Самые близкие параллели со снабженными листьями основаниями приходят с Ионийского побережья, из Неандрии, Фокеи и Байракли (старая Смирна), сравнимые по форме с основанием из Суз (рис. 29). Согласно Э. Акургалу, эти ранние ионийские колонны VI в. испытали влияние Урарту. До сих пор нам ничего не известно об урартских колоннах, но балясины на урартской мебели с украшениями в виде закручивающихся книзу чашелистиков решительно говорят об источнике колец из чашелистиков как на персепольских колоннах, так и более ранних ионийских колоннах из Неандрии, с Эгейского моря, Навкратиса и Дельф. Подушкообразные основания колонн из сиро-хеттских мест раскопок в турецком Хатае и в Северной Сирии (Телль-Тайнат, Сакджегезу, Сенчирли) имеют резные расчлененные листья, выющиеся над краями, а двойные волюты на перекрещенных ножках кресла на резной работе из Сенчирли очень похожи на боковые волюты (б) на ахеменидских колоннах (см. рис. 25). В этой связи мы должны вспомнить, что арамейские сиро-хеттские царства в VIII в. находились под господством Урарту. Верхняя и наиболее характерная часть колонны — это блок пяты свода, выполненный в форме передних частей двух животных. Такой элемент мы уже встречали в луристанском искусстве, но эта, по существу, не месопотамская деталь обнаружена в соединенных затылками головах телят на урартском зеркале из Британского музея, недавно найденном Барнеттом, и на белой каменной головке руко-

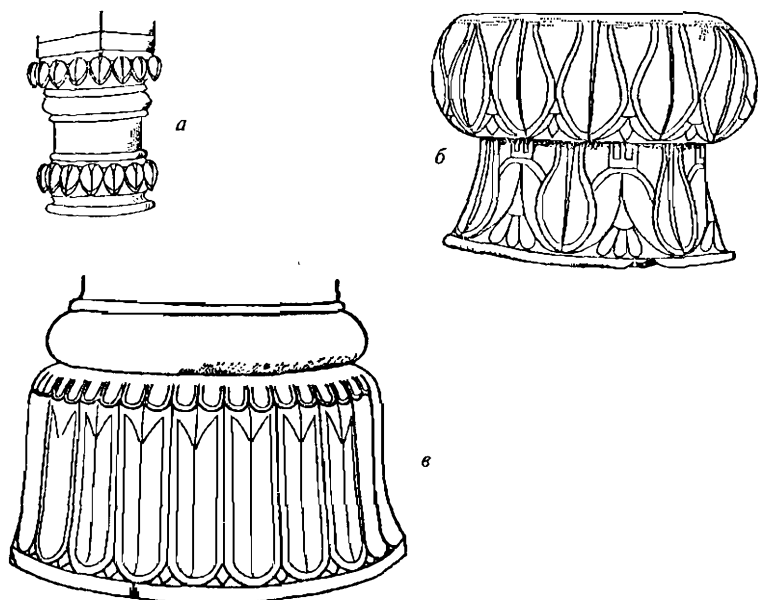

Рис. 29. *а* — снабженная листьями фурнитура из Урарту, VIII в. до н. э., высота — около 10 дюймов; *б* — капитель колонны из Байракли (Смирна), Иония, начало VI в. до н. э.; *в* — основание колонны из Суз, VI в. до н. э., высота — около 18 дюймов

ятки кинжала с озера Ван из Лувра. На зеркале, как и на капителях Суз (но не Персеполя), между двумя *протомами* изображен небольшой лотос. Был ли этот, по существу, иранский элемент характерной деталью мидийского или урартского искусства? Ведь увлечение урартов украшением мебели и посуды головами быков и грифонов хорошо известно.

Короче говоря, повсюду мы сталкиваемся с новыми данными, намекающими на образующее влияние Урарту и Мидии, но не доказывающими его. Мы не можем оценить размеры эламского наследия: персы, несомненно, позаимствовали у эламитов одежду и,

вероятно, клинопись, хотя персидский шрифт имеет определенное сходство с урартским. Если мы утверждаем, что ионийское влияние, которое могло сказаться на ахеменидской архитектуре, не уникально само по себе, а также вдохновлялось урартами, не кажемся ли мы слишком пристрастными к государству Урарту? Запутанность ситуации связана в основном с нашим недостаточным пониманием взаимосвязей между урартским и финикийским, или северносирийским, искусством. Боковые завитки и кольца чашелистиков ахеменидских колонн были элементами, изначально присущими финикийскому искусству, но, я полагаю, нам следует предположить, что они переместились в Персию через Урарту, хотя окончательный ответ дать невозможно, поскольку архитекторы Ахеменидов, очевидно, были эклектиками. Финикийско-ионические связи также важны для ахеменидской проблемы из-за присутствия в Курдистане скальных гробниц с фасадами, украшенными колоннами ионического типа. Очевидно, что они выполнены мидянами, и среди этих гробниц есть особенно изящная в Да-у-Духтаре, в самом Фарсе, которую иногда называют могилой Теиспа, или Кира I. Определенно нет никакой возможности ее датировать, не считая того, что основания ее колонн такие же, как в Пасаргадах. Но происходят ли капители из Ионии, или они появились в Мидии, Персии и Ионии из одного источника? Этим источником могли быть только «протоэолийские» капители финикийской и израильской архитектуры, и намек на то, что они тем или иным образом довольно рано упрочились в Персии, можно найти на рельефе Саргона II (приблизительно 710 г. до н. э.) из Хорсабада с изображением маленького домика, не отличающегося от фасада Да-у-Духтара и имеющего очень

похожие колонны. Он стоит вместе с персидским алтарем огня в очень лесистой горной местности, вероятно в Мидии. Вырубленные в скалах гробницы, предположительно без фасадов, многочисленны вокруг Кармир-Блура, и мы можем признать урартский район очевидным источником для ахеменидского обычая захоронения в вырубленном в скале помещении и не искать его дальше в Малой Азии.

Ионийцы, безусловно, использовались как ремесленники в Сузах и Персеполе, но их влияние в архитектуре кажется несущественным. Хотя широкому распространению колонн в Ионии и Персии того времени придавалось серьезное значение, ахеменидское использование колонн на самом деле ближе к египетскому. В египетском храме, построенном Дарием в оазисе Харгех, использовались колонны для гипостильного зала, а Камбис, согласно Диодору Сицилийскому, использовал строителей из Египта. Элемент венчика из лотосов на колоннах, лепная выкружка на дверях, а также массивные лепные украшения на самих порталах — все эти элементы Ахемениды получили из Египта. Торусы и гофрировка колонн, однако, имеют наиболее четкие параллели в Ионии.

В заключение нужно заметить, что, хотя в результате последних открытий проблема ахеменидской архитектуры не утратила своей сложности, аргументы в пользу наследия мидийской архитектуры с сильным урартским компонентом позволили яснее понять, что заимствовалось извне, а что может претендовать на принадлежность к местному национальному стилю.

Глава 6

ИСКУССТВО АХЕМЕНИДОВ

Интернационализм империи Ахеменидов отражен не только в законах, хрониках и в использовании арамейского языка как международного административного, но также в единстве стиля произведений искусства во всех его видах. В украшении монументальных дворцов, которые имел в своем распоряжении царь царей, величественные рельефы появлялись совершенно готовыми из мастерских ремесленников, нанятых, как информируют нас надписи, во всех частях империи. Персеполь был «дворцом всех народов», и в надписях Дария и Ксеркса особо подчеркивается международное сотрудничество наемных работников, его построивших и украсивших. Однако достигнутая в результате целостность художественного стиля просто поражает.

Никакие великие произведения искусства не могут конечно же быть сведены к своим источникам, и это справедливо в отношении рельефов Персеполя и Суз, в которых новое видение и замысел превосходят само искусство. Это видение базировалось на ахеменидской концепции империи. Хотя все еще, по крайней мере отчасти, продолжая ассирийское искусство, от использования колонн и апადаны ахеменидская архитектура приобрела возможности нового великолепия, которое само заключало в себе

достойную цель. Из рельефов ушли характерные признаки дикости и войны, мрачные ряды пленников и беженцев, преобладавшие в ассирийском искусстве, дававшие ему бесчеловечное самоудовлетворение. Ахеменидские темы в большей степени созерцательны, чем активны, и даже там, где сохранились знаки конфликта, например в сценах с царем, убивающим льва или чудовище, или в сражении льва с быком, теперь возникает духовное преображение. Эти сцены представляют не грубые столкновения, а противоборствующие двойственные силы, добро против зла, свет против тьмы, порядок против хаоса, империя против варварства и, в случае битвы быка со львом, уход старого и приход нового года. Что касается прочего, мы видим мирные процессии гвардейцев и данников, несущих подношения. Именно потому что правители-Ахемениды мечтали снабдить свою обширную империю более упорядоченной концепцией жизни, их искусство было способно передавать чрезвычайно яркое впечатление системы с упорядоченным движением. Иногда его критикуют за кажущуюся недостаточную выразительность в изображении человеческого лица, но эта черта вполне может быть выражением того же чувства беспристрастности, которое более интересовалось группой, чем отдельным человеком, хотя и готовилось иначе, например подробной трактовкой отдельного костюма. Однако даже здесь царские скульпторы стремились скрыть диковинные подробности в прическах и одежде, чтобы привести к общему знаменателю культурного единства данников со всех уголков империи: антропологическому разнообразию не придавалось никакого значения.

Эта тенденция особенно явно проявляется в подношениях данников. Хотя некоторые из них предла-

гают исконные продукты своих стран — лошадей из Киликии или хлопковые шарики из Гиндуша, другие несут художественные ахеменидские металлоизделия, выполненные в стиле, наверное широко распространенном по сатрапиям. Эти изображения, таким образом, доносят до нас вид очень важных изделий, представляющих ахеменидские ремесла. Неизвестно, находились ли мастерские, производившие такого рода работы в ахеменидском стиле, по всей империи, но распространению ахеменидского вкуса способствовали, вероятно, два фактора. Во-первых, предрасположенность персидских чиновников к путешествиям, в которые они брали искусно сделанные предметы снаряжения и столовые принадлежности, а также, вероятно, обученных в Персии мастеров. Во-вторых, наем по всем странам ремесленников для работы в Персеполе, собиравшем их отовсюду. Ремесленники возвращались в родные места, досконально усвоив международный стиль.

С искусством скульптора тесно связано ремесло гравера по печатям, и значительное число ахеменидских цилиндрических печатей ясно указывает, что единство стиля не было достижением лишь одних скульпторов. На многих ахеменидских печатях копируются ассирийские темы: царь охотится на львов с колесницы или пешим с луком и стрелой — и та и другая тема — излюбленные в иконографии месопотамских царей. Но теперь царская охота наделяется религиозным и космическим значением; царь отслеживает зло или преследует символически представляющих созвездия зверей, поддерживая периодичность времен года. Часто царь охотится на кабанов, и эта тема остается предпочтительной для царского художника в эпоху Сасанидов. Несколько цилиндров изображают диск Ахурамазды, расположенный меж-

ду геральдическими животными, или иначе, следуя древней хурритской манере, в виде большого крылатого диска, поддерживаемого двумя быками-демонами. Иногда эти цилиндры, видимо, ссылаются на исторические события; на них изображаются битвы между персидскими и фракийскими пехотинцами (рис. 50) и процессии финикийских или египетских пленников, но датировать точно можно лишь немногие печати. Приблизительно 36 печатей датируются по своим надписям в терминах лет царствования и относятся к периоду от тридцать второго года Дария I до шестнадцатого года Артаксеркса III. Некоторые из них имеют трехязычные клинописи, но очень многие печати, использовавшиеся торговцами и чиновниками, несут на себе арамейский или финикийский шрифт.

Второй класс печатей, выполненных в форме круглых штампов, ставит художественную проблему. Несмотря на то что на многих изображены приблизительно такие же композиции, что и на цилиндрах, хотя и без царских тем, также многочисленны печати с вырезанными одиночными фигурами в греческом стиле. До сих пор точно неизвестно, являются ли печати этого типа работами греческих резчиков, проживавшими в Персии, или опытных персидских художников, у которых греки научились этой технике. В целом, однако, поскольку греческие у них именно одежда и черты лиц, тогда как фигуры в большинстве случаев изображены в восточном стиле, вероятность того, что они произведены школой резчиков из Малой Азии, нельзя исключать.

То, чего недостает ахеменидскому искусству в оригинальности и выдумке в печатях и других изделиях малых ремесел, оно компенсирует высоким техническим мастерством. Последние годы принесли на

рынок античности впечатляющее число новых находок, превосходно сохранившихся и поражающих своим совершенством: украшенные орнаментом металлические чаши и вазы, амфоры с носиками в ручках, риты, или рога для питья, металлическая гарнитура для мебели, декоративные украшения, резные каменные кубки, статуэтки из лазурита, стеклянные изделия и текстиль. Кроме самой Персии, новые образцы обнаруживались в Греции, Турции, Вавилонии, Сибири, на Кавказе и Алтае, дополнив известные изделия из Египта, Палестины, Сирии и Пакистана. Большинство из них — настольные изделия золотой и серебряной торевтики, искусства, в котором Ахемениды особенно выделялись.

Богатство персидских обеденных сервизов производило глубокое впечатление на греков и особенно на умеренных спартанцев, чей полководец Павсаний после сражения при Платее приказал устроить пир как в спартанской, так и в персидской манере, с использованием царского шатра и трофейных приборов персидских военачальников. Таково было ослепительное великолепие изобилия чаш, лож и экзотических блюд персидского стола, что Павсаний, созвав своих генералов, воскликнул: «Мужи Эллады, я созвал вас, поскольку жажду показать глупость вождя мидян, который, имея такое вот снабжение, как вы видите, пришел сюда, чтобы отобрать у нас столь скромную провизию». Это была посуда, из которой персы пили у себя на родине прославленное ширазское вино. На некоторых табличках Персеполя упоминаются виноторговцы и давяльные прессы, и имеются свидетельства, что вино ширази было знаменито даже тогда, хотя Страбон пишет, что цари Суз пили вино *галубион* из понтийского винограда, выращенного в сирийском Галване. Следовательно, меж-

ду любителями вина и работниками по металлу воз-
никли благоприятные отношения.

Судя по табличкам из сокровищницы и надписям дворца, главным образом именно египтяне нанимались вместе с мидянами для выполнения работ по золоту и серебру. На самом деле для обработки в Сузах серебро привозили из Египта, а золото — из Бактрии и Сард. Сарды контролировали греческие золотые прииски на острове Тасос и реке Пактоле, Бактрия — недавно открытые запасы золота в Сибири, уже эксплуатируемые скифами. Египетское влияние на ахеменидскую торевтику можно проследить несколькими специальными способами, но до сих пор никаких точных и прямых предшественников ахеменидских неглубоких чаш для питья с лепестковым рифлением и яйцеобразными выпуклостями в Египте не обнаружено. Идея о серебряной посуде для вина принадлежала египтянам, и образцы неглубоких чаш для питья в форме цветков лотоса широко распространены в Египте с эпохи XVIII династии, но неглубокие бронзовые чаши с радиальным рифлением обнаружены в Сузах времен ранних династий и имелись в ассортименте Луристана. Хотя фаянсовые чаши с радиальными стеблями лотоса известны с эпохи XXV династии, по-видимому, за пределами Египта произошли события, приведшие к увеличению промежутков между лепестками и формированию яйцеобразных выпуклостей. Вероятно, египетские мастера по серебру, работавшие в Персии, объединили египетскую чашу с цветком лотоса с рифленной иранской чашей. По технике с чашами тесно связаны круглые фляги с загнутыми наружу ободками и цветами лотоса, покрывающими корпус. Эта форма обнаружена на серебряной посуде XXV династии и в кладе серебряных изделий XIX династии в египетской Телль-Басте, состоящем из

фляг с ободками и кувшинов для вина, имеющих шаровидные рифленые корпуса и ручки в форме прыгающих козлов. Именно с них Ахемениды скопировали ручки своей посуды, выполненные в виде животных, но в настоящее время существует значительный временной интервал между персидской посудой и ее египетскими прототипами. Хотя с вероятностью высокой степени зависимости от египетского стиля мы не можем сейчас указать примеры египетской торевтики VI в., которые могли быть посланы в Персию. Как фляга с ободком, так и неглубокая чаша для вина обнаружены среди ассирийской керамики эпохи Саргона, и, несомненно, они были распространены в виде металлоизделий в Месопотамии до времени Ахеменидов.

Звериный стиль — это общая проблема, стоящая перед всяким обсуждением ахеменидской металлургии. В отличие от скульптуры малые искусства металлообработки, по-видимому, не изменялись в течение долгого периода, чтобы в конце концов раствориться в стилях античного мира. Почти все изделия невозможно датировать. Однако поскольку теперь у нас появились ценные работы из Зивие, принадлежащие доахеменидской эпохе, и замечательно сохранившиеся экземпляры из Хамадана, мы в состоянии увидеть значительную эволюцию и непрерывность стиля и можем оценить тесные связи между малыми искусствами Ассирии и ахеменидской Персии более точно, чем это сделали в 1938 г. авторы «Исследования персидского искусства» под редакцией Попа. Теперь не кажется неразумным предположение, что большее приближение стиля изделия к Зивие означает принадлежность к более ранней эпохе, а находки из Хамадана, поскольку они происходят из старой столицы Мидии, отражают ар-

хаическое мидийское искусство, предшествовавшее ахеменидскому искусству. На другом конце шкалы времени ахеменидский звериный стиль поглощается ионийскими и крымско-греческими орнаментами IV в. до н. э., а еще позднее, в III в., эволюционирует к скифо-сарматским стилям Южной России. Таким образом, появляется полезная полярность, имеющая некоторую вероятную, но неопределенную хронологическую ценность.

Теперь можно видеть, что стилизованные узоры шерсти, формально обрисованные мускулы и изогнутые шеи изображенных животных в камне и металле взяты от быков и львов с поджатыми конечностями, на спинах которых стояли урартские боги, как на четырех бронзовых статуях, бывших когда-то, как продемонстрировал Барнетт, частью огромного трона из Топрак-Кале на Ване. Бронзовый лев из Анзавура на Ване является прямым прообразом, даже по своим пропорциям, львов-рит из музея Тегерана и Метрополитен-музея (см. ниже). То же складчатое ухо, сморщенный нос и воротник шерсти вокруг морды. Даже стилизованные в форме «колокольчиков» очертания вытянутых передних лап. Очевидна взаимосвязь грифона с ритона из Галереи Бейелера с грифонами Урарту и Зивие, и, вообще говоря, Ахемениды, отдавая предпочтение животным с поджатыми ногами и чудовищам составной формы, кажется, следовали не ассирийским, а в большей степени урартским вкусам (рис. 32). Чудовища грифоны и рогатые львы были характерны для Урарту, и хотя урартские животные обычно не имеют крыльев, крылатые львы представлены на нескольких гравированных бронзовых пластинах из Алтын-Тепе с озера Ван. Мы пока не можем проследить подробно передачу этого звериного стиля через мидийское искус-

ство, но распространение урартского влияния на маннейскую и мидийскую территории очень заметно в кладе Зивие. Совершенно ясно, что именно мидянам, следовавшим луристанской идее, ахеменидское искусство обязано характерным соединением спинами происходивших из Урарту зверей, поскольку этот мотив можно проследить вплоть до ранних печатей в Сузах. На самом деле, однако, двойные *протомы* животных в малых искусствах распространены вовсе не так широко.

Три чаши для питья с двойными ручками в анималистической форме и с фризами с животными, таким образом, по-видимому, принадлежат к самым первым образцам ахеменидской торевтики. Это, вероятно, мидийская посуда, и, поскольку мы имеем дело с единственными сохранившимися экземплярами сокровищ, прославивших Экбатану еще до строительства Пасаргад и Персеполя, нам следует рассмотреть их детально. Вероятно, самая ранняя из них — двуручная золотая чаша из коллекции Кеворкяна, которая, как сообщают, происходит из Луристана (фото 26). Ручки выполнены в форме тонких львов, чьи тела украшает инкрустация из драгоценных камней. На корпусе сосуда имеется вставка из двух пар львов, расположенных боком, но каждая пара имеет общую, повернутую фронтально голову в высоком рельефе. Хотя эта идея полностью нехудожественна, нет никакого сомнения, что все изделие в целом происходит от искусства Зивие и кубков Амлаша, поскольку тема львов-близнецов с общей головой встречается в Зивие, на пластинах для одежды из Хамадана и на некоторых луристанских бронзах. Узор из рельефных полос на крестце каждого льва похож на рельефно изображенные ребра двуглавых горных козлов, образующих ручки уни-

кальной двуручной чаши из Художественного музея Цинциннати (фото 27). Она также имеет фриз, но с крылатыми львами, так как они ближе к львам из Зивие, чем к представленным на чаше Кеворкяна. Изображение львов и бордюра из вееров-пальметт на чаше из Цинциннати очень близко к узорам на пластинах из Зивие и золотой мидийской пластинке из Британского музея (фото 24). В отличие от чаши Кеворкяна, покрытой простыми горизонтальными рубцами, чаша из Цинциннати имеет неестественный орнамент из яиц и языков, более резко выраженный, чем на любом предмете с орнаментом из Египта, но похожий на поздние золотые чаши для питья из Хамадана (фото 44, 45). Ручки в виде двуглавых козлов уникальны.

У третьего двуручного сосуда из серебра, хотя и являющегося, вероятно, мидийской работой, значительно приглушен дизайн, и в этом он ближе подходит к тому, что мы знаем как собственно ахеменидский стиль (фото 28). Два вздыбившихся быка, образующих ручки, имеют, однако, отчетливо урартские черты и безусловно выполнены гораздо раньше любых заслуживающих сравнения ахеменидских животных. Кажется вероятным, что эти три мидийских сосуда хронологически следует расположить в том порядке, в котором они были здесь описаны. Они демонстрируют нелегкое продвижение вперед от резкого стиля и несбалансированной композиции к чему-то более приятному для глаз и более цельному. Когда примеры того, что мы можем назвать мидийским искусством, так немногочисленны, подобная аргументация общего характера, конечно, подвержена критике. Если сравнение с искусством Зивие имеет ценность, то мы, вероятно, можем поместить все эти сосуды между 620-м и 550 г. до н. э.

Ни об одной из украшенных орнаментом чаш для питья нельзя утверждать, что она была изготовлена так рано, но, поскольку неглубокие чаши использовались для вина как ассирийцами, так и урартами, вероятно, они с самых ранних времен также находились в употреблении у мидян. Сохранилось значительное число ахеменидских чаш для питья: их трудно расположить в хронологической последовательности, но в общих чертах более ранние чаши глубже и украшены почти по всей поверхности орнаментом из рельефных «лепестков» и овальных выпуклостей. На двух золотых сосудах такого типа из Хамадана надписано имя Дария, и, таким образом, они являются наиболее ранними экземплярами датированных ахеменидских металлоизделий (фото 44, 45). Позднее чаши для питья стали мелкими, приобрели широкий плоский обод и кажутся более подходящими как блюда, или патеры. Сосуды этой формы, кажется, появились в правление Ксеркса, и некоторое их количество по надписям можно отнести ко времени Артаксеркса I. В их отделке наметился отход от схематической орнаментации с очертаниями лотоса и возврат к первоначальному узору лотоса с лепестками, чашелистиками и тычинками, а также использование цепочек «лотос и бутон», узора, давно известного в Иране, популярного в Ассирии и позднее принятого как фриз аканта в классическом искусстве (фото 50, рис. 43). Вероятно, самой изящной столовой посудой этого последнего типа является блюдо из Синопа на Черном море (фото 54). На нем линии дуговидных стеблей и узор «лотос и бутон» превратились в сплетение, покрывающее всю поверхность, а пальметты умело позолочены. Ряд патер с плоскими медальонами в центре, украшенные формальными аранжировками изображений горного

козла и быка, недавно появились на свет в Хамадане. Они датируются, вероятно, концом VI в. Центральный медальон одного экземпляра содержит рисунок летящего орла (фото 53), что особенно заслуживает внимания, поскольку изображения птиц редки в ахеменидском искусстве, но популярны среди скифов.

Но излюбленной формой сосуда для питья был ритон, происходивший от рога, использовавшегося варварами для питья. С конца 2-го тысячелетия до н. э. в Северном Иране и Восточной Турции сохранились керамические рога для питья с подставками в основании в виде опустившихся на колени животных, и металлические риты Ахеменидов, несомненно, их копируют. Но те же традиции обработки металла, создавшие эти сосуды, также привели к появлению конических металлических кубков или чаш, завершающихся расположенной перпендикулярно головой животного. Эти сосуды не могут стоять без поддержки, и их нужно держать в руке, пока не осушено содержимое. Хотя кубки с головами животных появились не раньше, чем изогнутый керамический рог-рита из иранских раскопок, они, по-видимому, более древние, чем сохранившиеся изогнутые металлические риты. В любом случае традиции торевтики для двух типов сосудов так же тесно связаны, как для некоторых ручек оселков из Хамадана и выступа на щите (?) из Хафантлу (фото 30, 31).

Кубки и чаши с головами животных использовались ассирийцами при Саргоне, как изображено на рельефах его дворца в Хорсабаде. Некоторые из них превращались в ковши или ситуты после закрепления на краю сосуда ручки-обруча при помощи небольших приспособлений в форме трилистника. Вероятно, они изготавливались урартами и были попу-

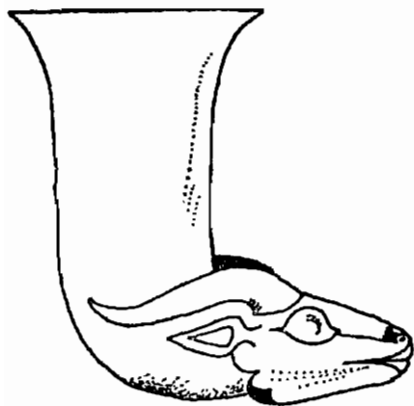

Рис. 30. Керамический ритон
из Западного Ирана. Высота —
11 дюймов

лярны среди мидян. Ковши с головами животных несут данники-мидяне, выгравированные по краю саркофага из Зивие (см. рис. 16), а ковш с головой льва, найденный в гробнице во фригийском Гордии, наверное, оказался там вместе с урартскими торговцами. Нам неизвестны ассирийские экземпляры с головой барана, но клад Зивие принес урожай керамических ковшей с головами баранов, сохранивших от своих металлических прототипов приклепанные держатели ручек (рис. 31). Примеры бронзовых чаш с северо-запада Персии украшены явно урартскими элементами (фото 29), и одна из них (с головой сернобыка) очень похожа на чашу, найденную в Ливане и датированную согласно ее клинообразной надписи приблизительно 800 г. до н. э. Эти и другие примеры кажутся более архаичными, чем керамические изделия из Зивие, которые, в свою очередь, тесно связаны с двумя серебряными экземплярами чаш с головами баранов из окрестностей Хафантлу. Эти чаши с головами баранов, керамические и серебряные, своим постепенно увеличивающимся уровнем стили-

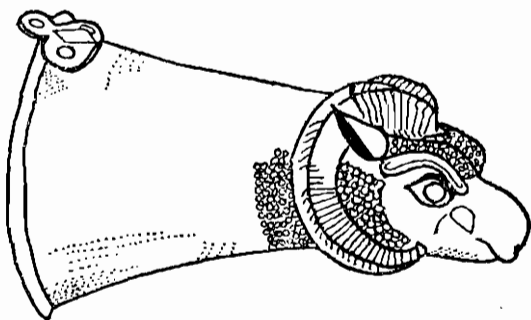

Рис. 31. Керамический ковш из Зивие
с имитацией металлического крепления ручки.
VII в. до н. э. Высота — 14 дюймов

зации перекрывают период 620—550 гг. до н. э., когда мидийское искусство развивалось в направлении стереотипных образцов ахеменидской выразительности (фото 49). В самом деле, хотя кубок с головой животного был популярен у Ахеменидов и греческие гончары стали его копировать, увидев добычу, захваченную у Мардония в битве при Платее, настоящих ахеменидских кубков известно немного.

Изогнутые риты с поджавшими конечности животными в основаниях были более популярны. Два экземпляра выглядят более тяжеловесными по композиции и более урартскими по характерным чертам, чем другие, и поэтому, вероятно, изготовлены раньше. Одна рита находится в коллекции Галереи Бейелера, в основании у нее — *протома* свирепого грифона (рис. 32). Другая, хранящаяся в Британском музее, происходит из Мараша. Она имеет форму золотого стоящего на коленях барана, серебряный рог за ним — простой, без каких бы то ни было украшений (фото 32). Шерсть на голове и груди барана, как бы уложенная щеткой, наводит на мысль об урартском дизайне. Две великолеп-

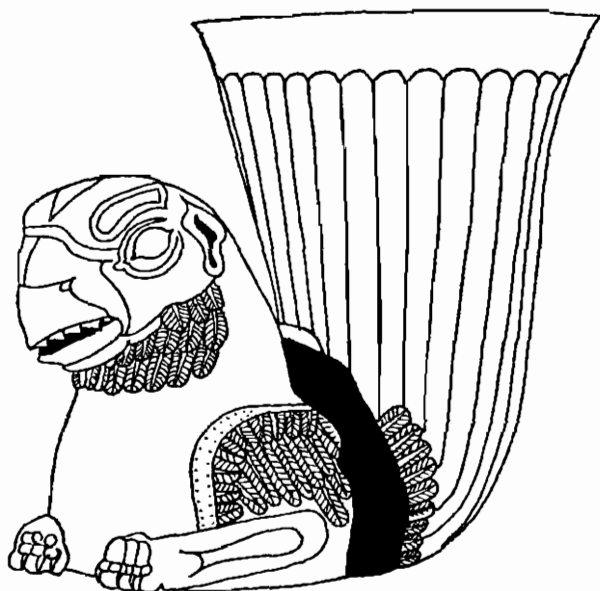

Рис. 32. Золотой ритон. Начало VI в. до н. э.
Коллекция Галереи Бейелера, Базель. Высота — $6\frac{3}{4}$ дюйма

ные риты со львами, недавно найденные в Хамадане, теперь хранятся в музее Тегерана и Метрополитен-музее. Изображены передние части львов, в свирепых позах припавших к земле, шерсть гривы и внизу живота передана крошечными заостренными чешуйками. Лев ритона из Метрополитен-музея ближе ко львам, найденным в кладе Зивие (и более всего к окончанию в виде львов разомкнутого золотого браслета), особенно гривой и шерстью на груди, сильно сморщенным носом и наростом между глазами. Головы львов из могильника в Келермесе на юге России, датируемые приблизительно 600 г. до н. э., обладают теми же чертами, и, следовательно, этот ритон, вероятно, сделан приблизительно в то же время. В каждой из этих

трех рит рог имеет небольшие размеры. Лев ритона из Тегерана — на вид зверь более ручной, он ближе ко львам дворцовых скульптур (фото 33). Закругленные крылья напоминают животных из Персеполя и Суз, и маловероятно, чтобы такие крылья изображались до Дария. По сравнению с *протомой* льва рог достаточно крупный и изогнутый, и это, по-видимому, характерно для поздних рит (фото 56).

Ритон и чаша с головой животного должны были сохраниться в Персии и в эпоху Сасанидов, когда особенно популярны были риты значительных размеров с головами взнузданных лошадей. При Сасанидах, однако, дизайн ритона следовал новым обычаям питья. Из ахеменидских изделий жидкость пили через край, как из обычной чашки, а в сасанидских ритах носик, сделанный в животном, выбрасывал струю жидкости, которую ловили открытым ртом, как в испанском *porro*. Существуют ахеменидские сосуды с тремя носиками в основании, предназначенные для подобной цели, хотя риты такого вида неизвестны. Одному человеку довольно трудно пить таким способом, но трое, пьющих одновременно из одного сосуда, должны были участвовать в шумной групповой игре. Многочисленные ручки, выполненные в форме животных, первоначально бывшие частями похожих сосудов, показывают развитие анималистического дизайна в направлении органичной трактовки и натуралистического стиля. Следует подчеркнуть, что для установления этого развития есть лишь немного достоверных хронологических признаков, только что рассмотренным чашам с изображением геральдических животных противопоставлены две серебряные ручки из музеев Берлина и Лувра, имеющие форму крылатых козлов (фото 71). Они кажутся легкими и резвыми из-за выражения

и дерзкого поворота головы, скопированных с натуры, но главное то, что, несмотря на формальное представление шерсти и позолоченных хохолков на крупе, форма ягодиц отлита натуралистически и все тело — не просто металлическая колонна с формальной обработкой поверхности, а чуткое и точное воспроизведение тела живого животного. Крылья хотя и выглядят формально, но это крылья птицы, а не завитые полосы жесткого оперения, характерные для искусства Персеполя. Нижнее крепление ручки — чисто греческое, и поэтому можно предположить, что за этими великолепными предметами, которые обычно приписываются первой половине IV в. до н. э., стоит классическое влияние (фото 73).

Между этими двумя стилевыми крайностями занимают свои места многочисленные ручки, главным образом в форме обычного или горного козла. Вместо неотделанного изображения ребер в ранних экземплярах мы находим выделение формального представления крестца и лопаток в двух круговых образцах или уравновешенных долях, придающих телу определенную симметрию. Это решение быстро воплощается в шаблоне: на крестце и лопатках животных рисуется круг, представляя подкладку мускулатуры, покрывающую сочленения ног воротничком и тазом. Вокруг этого круга помещаются две мышцы в виде дуг, запятых или капель, обращенных внутрь. Этот «круг с каплей» был, по-видимому, типовой трактовкой в V в. и, вероятно, сохранялся не дольше, чем до начала IV.

Не все эти предметы, конечно, произведены в центральных мастерских Персии. Есть, по крайней мере, знак, что крупная мастерская торевтики существовала в Малой Азии. Более поздние примеры амфор с носиками в ручках, разумеется тесно связанные с чашами, снабженными ручками в форме животных, име-

ют изящные желобки на корпусе. Они дважды появляются в Персеполе: в руках данника, идентифицированного как сириец или лидиец, и еще раз у фигуры, носящей треуголку, штаны и сандалии армянина. Нам не следует искать в этом родстве слишком многого. Но обнаружение архаического экземпляра в Сирии и великолепной серебряной, частично позолоченной амфоры с носиками в основании в Синопе, имеющей ручки в виде горных козлов, тесно связанных с парой из Лувра и Берлина, найденной в Армении, говорит об их возможном происхождении из Армении. В Музее Азербайджана хранится керамическая амфора с носиками в основании, найденная в Армении (рис. 33).

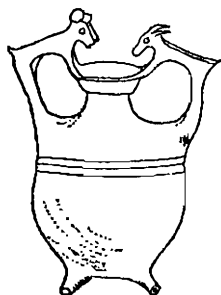

Рис. 33. Керамический ритон с носиками в основании. Музей Азербайджана

Недавно обнаружилось, что эти роскошные предметы столовой посуды имитировались в стекле. До сих пор ахеменидское стекло встречалось редко, но раскопки Персеполя принесли урожай в виде нескольких фрагментов литых стеклянных чаш с рифлением, близко повторяющих формы металлических чаш. Недавно обнаруженная литая стеклянная чаша с фригийского могильника в Гордии, на востоке Центральной Турции, является самым ранним таким сосудом (около 720 г. до н. э.), и их производство могло начаться в доахеменидскую эпоху или в Урарту, или в Экбатане. Такие сосуды из белого полупрозрачного стекла тесно связаны с более поздним рядом металлических чаш для питья, изготовленных до возведения храма Артемиды в 356 г. и найденных в Эфесе. Они и остатки великолепного ритона, недавно выкопанного в Персеполе, показывают тесную

связь между формовщиком стекла и мастером по обработке металла (фото 58, 59). Этот ритон выполнен из твердого зеленого стекла и носит следы инкрустации лазуритом. Основание имеет форму льва, нападающего на стоящего на коленях быка. Естественно, стекло не обладает долговечностью металла, и поэтому у нас так мало его образцов. С другой стороны, оно безусловно было роскошью и, по-видимому, даже не использовалось для изготовления бус. Также применялся горный хрусталь: в одном месте «Ахарнян» Аристофана рассказывается, как персы предлагали афинским послам выпить из хрустальных и золотых чаш. Хранящаяся в Музее Цинциннати чаша из граненого хрусталя, хотя, наверное, изготовлена в позднеассирийский период, должна быть прототипом для персидской посуды (фото 46).

Золото и серебро не только становились посудой, но и щедро использовались в ювелирных изделиях. Ажурные медальоны нашиваются на одежду, создавая по замыслу вавилонян сплошной рисунок. На вырезанных узорах в этих медальонах представлены главным образом рычащие львы, стоящие передними лапами на внутренней окружности; их тела перекрещиваются, а хвосты переплетаются (фото 34, 69, 70). Другие узоры заполнены рогатыми и крылатыми львами. Все известные ажурные медальоны происходят из Хамадана, а один-два из них с двумя львами, имеющими общую голову, как на чаше Кеворкяна, свидетельствуют о мидийской работе. Очень ценный медальон из коллекции Восточного института в Чикаго представляет собой простой кружок, содержащий в верхней части фигуру Ахурамазды — в платье и короне в полумесяце. Львы и грифоны на этих изделиях имеют веерообразные гривы, и их узор выполнен точно так же, как вырезанные

головы животных, предназначенные для использования в качестве кулонов или ожерелья. Подобные головы животных были популярны среди скифов и обнаруживались в греческих поселениях в Крыму. Золотые диски с выбитым анималистическим орнаментом обыкновенно находят в скифских гробницах, но в сфере влияния Ахеменидов встречаются лишь в кладе на реке Оксу и в Сардах.

Ожерелья и серьги ахеменидского дизайна являются редкостью. Есть великолепное ожерелье с ажурными подвесками только что описанного хамаданского типа и нить с металлическими подвесками и стеклянными бусинами из знаменитой гробницы в Сузах, чье содержимое теперь находится в Лувре (фото 34). Эта гробница хорошо известна по нескольким причинам: она была первым обнаружен-

ным захоронением, признанным ахеменидским; его необыкновенно красивое содержимое включает, помимо названного ожерелья, браслеты с головами животных и пару круглых серег с зазорами, покрытых синей, белой и красной эмалью. Круглые или веерообразные серьги из этой группы могил имеют форму, характерную для большинства ахеменидских серег.

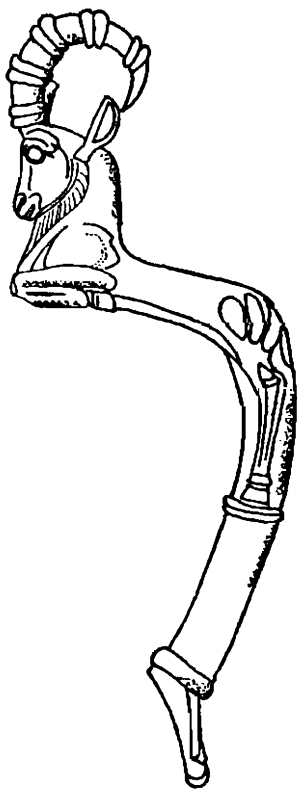

Рис. 34. Серебряная ручка.
V в. до н. э. Бруклинский музей. Высота — около 6 1/2 дюйма

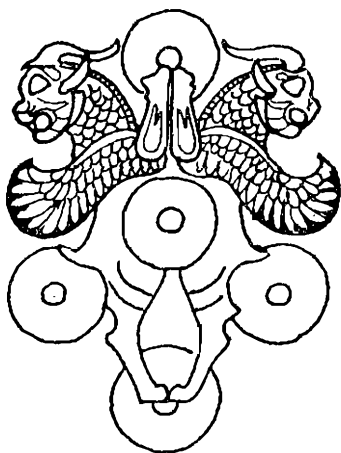

Рис. 35. Золотой орнамент с парой грифонов. VI в. до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Высота — $3\frac{1}{8}$ дюйма

Эта форма появляется в «гробнице В» в Сиалке, но, не считая отдельного экземпляра VIII в. из окрестностей Антиохии, более не встречается до ахеменидского времени, когда мы ее находим не только в Иране, но и в слоях Навуходоносора-Кира в Уре, Деве-Гюйюке и Нейрабе в Северной Сирии, в Сардах и других местах, где обнаруживаются захоронения или влияние Ахеменидов (фото 67). Она оказала воздействие на юве-

лирное дело средиземноморского мира, и финикийцы распространили этот тип на свои колонии в Африке, Испании и Португалии. Большинство экземпляров имеют внешнее окаймление из насаженных на стержни шариков, что особенно наглядно в изящном экземпляре из Египта, хранящемся в Лувре. Другой тип ахеменидской серьги с миниатюрными *протомами* соединенных затылками животных, висящими на тонкой золотой петле, встречается редко, и пара серег с маленькими, парадно украшенными лошадьми, обнаруженная в Ахалгори (см. следующую главу), просто уникальна (рис. 44).

Широкие браслеты и короткие ожерелья, по всей видимости, носились свободно в равной степени мужчинами и женщинами, и браслеты с головами животных изображены на руках знати на рельефах Персеполя (фото 68, 42). Ношение крученых метал-

лических ожерелий, наверное, было принесено в Иран нашествием иранских племен приблизительно в 1000 г. до н. э., и существуют их многочисленные бронзовые образцы из Луристана. Хотя в начале I-го тысячелетия в Ассирии широкий браслет был в моде, крученных ожерелий ассирийцы не носили; после ахеменидской эпохи искусно сделанные ожерелья стали характерной принадлежностью парфянского и сасанидского наряда и из парфянских источников распространились в Индию, став типовой принадлежностью кушанского платья.

Предметы из клада Зивие и Хамадана теперь позволяют нам установить прямые связи между ассирийскими браслетами с зазорами и такими же типично ахеменидскими изделиями. Браслеты с повернутыми друг к другу животными на концах, держащими между собой диск с выгравированной на нем розеткой, широко распространены в ассирийских дворцовых скульптурах, и есть ахеменидские экземпляры точно такой же формы. Как и в случае с ручками ваз, здесь возникает та же проблема датирования звериного стиля. Львы на концах пары широких браслетов из захоронения в Сузах, датируемые по присутствию аттической монеты последней четвертью IV в., имеют прямоугольные морды и резко выраженные челюсти — черты, характерные для конца ручки кувшина из клада, найденного на Оксу, рядом с Самаркандом, и для львов на сарматских крученных ожерельях. Во второй половине IV в. старый мидийский рычащий лев уступил место более смирному созданию, скорее похожему на домашнего кота. Пара серебряных браслетов из Воуни на Кипре, с головами баранов на концах (рис. 36). В них, как и во многих других браслетах, обод сужен ковкой в месте, диаметрально противоположном зазору.

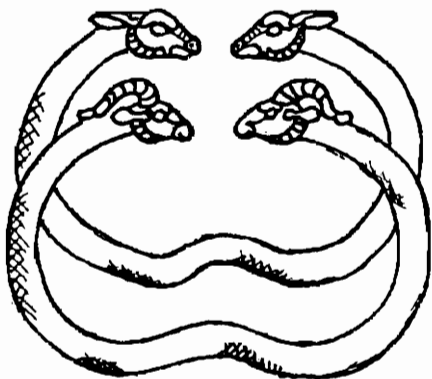

Рис. 36. Пара золотых браслетов из Воуни, Кипр, датируется приблизительно 380 г. до н. э. Никосийский музей. Диаметр — $2\frac{7}{8}$ дюйма

Сарматским золотых дел мастерам в частности и народам варварской и кельтской Европы вообще Ахемениды передали искусство инкрустации эмалью. Хотя предметы с инкрустацией немногочисленны, в Древнем мире мало что может соперничать с совершенным стилем двух браслетов из оксусскогоклада (хранящихся теперь в Британском музее и в Музее Виктории и Альберта), заканчивающихся цельными фигурками крылатых и рогатых грифонов (рис. 42). Они обычно считаются работой конца V в. до н. э., и расположение срезанных вставок на фигурках дает непосредственный образец самых ранних сарматских инкрустаций на крыльях и шеях, где она помещалась в крошечных клуазонне¹ из фольги. Очень незатейливая предшественница такой инкрустации — чаша Кеворкяна, а среди данных из кургана Келермес не следует пропустить любопытную полоску с львины-

¹ Клуазонне — вид эмали.

ми головами на концах и клуазонне, инкрустированными янтарем.

По деталям скульптур мы хорошо информированы об оружии Ахеменидов. Но хотя для оснащения многочисленных армий должны были существовать огромные арсеналы, сохранилось очень немного обычного оружия. Кроме бронзы ахеменидскими оружейниками использовались медь и также, вероятно, сталь (предполагается по языковедческим данным). К числу наиболее изящных примеров работы ахеменидских золотых дел мастеров относятся два золотых кинжала из Хамадана. Золото считают слишком мягким металлом для оружия, но в списке трофеев Саргона II, составленном после разграбления города Мусасира в Урарту, перечислены по крайней мере шесть золотых кинжалов. А Ксенофонт рассказывает, что Кир Младший, незадолго до того как был убит при Кунаксе, пытаясь отобрать престол у своего брата Артаксеркса II, подарил золотой кинжал Сьенесису, царю Тарса. Два хамаданских кинжала, усиленные толстыми жилами, имеют рукоятки, заканчивающиеся соединенными затылками головами львов, и поперечина рукоятки в одном случае образована когтями львов, а в другом имеет форму голов горного козла. Львиные головы на рукоятке типичны для хамаданских золотых изделий и происходят непосредственно от некоторых пластин из клада Зивие — мускулы на морде изображены условно закругленными складками, нос сморщен, грива передана небольшими завитыми пучками, окружающая морду шерсть поднята, как охватывающий воротник, а уши согнуты и прижаты к голове (фото 35). Концы браслетов и львы на ритах из Хамадана имеют точно такие же характерные черты.

В надписях на зданиях как мастера по слоновой кости упомянуты ионийцы и египтяне. Сохранились лишь немногие некачественные образцы ахеменидских работ по кости, но, по-видимому, резные квадратные пластины с изображением животных, пасущихся у священного дерева, были в моде: такие образцы появлялись из Телль-Дейма, Персеполя и Суз, причем в последнем месте они показывают явное египетское влияние. Что касается остального, влияние на ахеменидскую работу по слоновой кости было медийско-скифским, оно заметно приблизительно в 15 сохранившихся экземплярах оковки в форме трилистника, предназначенной для ножен *акинака*, или персидского короткого меча (рис. 37). Они близко соответствуют тому, что вырезано на коротких мечах, висящих на поясах скифов и мидян на рельефах Персеполя, и ориентировочно состоят из трех долей. Вырезанный на них узор основывается на темах битвы льва с быком или льва с козлом. Эта излюбленная персидская тема была свернута в скифской манере, и линии очертаний животного сокращены, чтобы сбалансировать волнистые элементы с концентрическими линиями складчатого тела. Где-то в процессе его эволюции — или снижения качества — этот мотив стали путать с одиночным животным в скифском стиле, свернувшимся как на экземплярах, найденных в Пазырыке и в скифском кургане «Семь братьев». Окончательное изделие с разрозненными панелями и вставленными цветками лотоса больше не признавалось резчиками по слоновой кости, и скифский *зверь-завиток* полностью потерял жизнеспособность.

Ахемениды, видимо, проявляли небольшой интерес к скульптуре в целом, и к большинству существующих предметов нужно, конечно, относиться как к вспомогательному искусству. К ним относится не-

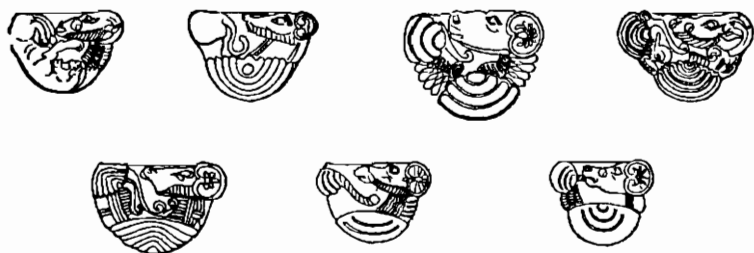

Рис. 37. Оковка ножен из слоновой кости из Персеполя, Деве-Хюйюка и других мест. VI—V в. до н. э.

большая группа скульптур из мягкого камня — диорита, лазурита и синей фритты. Самая крупная и, вероятно, самая ранняя работа — это лазуритовая голова царя из Хамадана (фото 74, 75). В надписи Дария перечислены мастера по лазуриту, а старинные рудники в Бадахшане на территории Афганистана должны использоваться до сих пор. Две другие скульптуры из лазурита выполнены в персепольском придворном стиле: одна из них — фигура знатного мидянина, прижимающего к груди львенка (Музей Кливленда), а другая — человеческая голова крылатого быка.

Небольшие, свободно стоящие человеческие фигурки из золота, серебра и бронзы около 6 дюймов высотой относятся к числу наиболее привлекательных ахеменидских изделий и показывают мидян в церемониальных одеждах (фото 66). Это литые фигурки, несущие, однако, на себе очень заметные знаки существенных переделок (рис. 41). Две такие фигурки стоят на маленьком макете повозки из оксуского клада. Своего рода загадка задана некоторыми бронзовыми головами горных козлов, не имеющими никакого источника и, видимо, предназначенными для балдахин, колесниц и тронов (фото 65). Пос-

ле технического исследования головы из Метрополитен-музея обнаружили, что она состоит из пяти частей, отлитых отдельно с использованием процесса *cire-perdue*¹ и сплавленных вместе, но другие головы были отлиты одним куском. Внутри одной из голов вставлен железный брус, очевидно, для прикрепления к каменной или деревянной втулке. Соединение из трех горных козлов в точном стиле бронзовых протом формирует опору глубокой каменной чаши, чьи форма и тонкая шлифовка перенесены из области металлообработки (фото 61). Крупные размеры этого сосуда и его превосходное состояние дает еще больше оснований считать место его происхождения неизвестным. Это прекрасный пример той любви к методичности и опрятности, характерной для всего ахеменидского искусства: место соединения тел каменных козлов под опорой формирует совершенную шестиугольную и трехконечную звезду. Однако это изделие уступает каменной чаше в форме козла из коллекции Генноля, одному из самых выдающихся шедевров резных работ Ахеменидов (фото 60).

Тесная взаимосвязь между скульптором и литейщиком по бронзе, демонстрируемая этими предметами, убеждает нас задуматься о недостаточном интересе Ахеменидов к внутренней красоте и особенностям материалов. Дело не в том, как полагают некоторые, что ремесло скульптора было порождением кузнечного дела. Как такое могло быть, если вырезанный мягкий камень, глиняные или восковые модели непременно требовались для отливки металлических статуй? Ответить, скорее всего, можно так: все материалы обрабатывались одинаково, как и при гравировке по бронзе, а раннее развитие и совер-

¹ Метод литья по восковым моделям.

шенствование обработки металла в Мидии оказали подавляющее влияние на искусство Ахеменидов.

На всем этом обширном и разнообразном ассортименте вспомогательных искусств стоит объединяющий штамп ахеменидского единообразия и равновесия: люди, животные, цветки лотоса — все сводится к одному образцу, как если бы сама природа тем самым становилась более понятной и податливой. Натурализм здесь полностью неуместен, и даже интерес к жизни животных и листовым орнаментам, проявленный ассирийскими создателями рельефов, был отброшен. Живым сценам сражений и охоты ассирийского искусства Ахемениды предпочитали статику и процессии, символику и геральдику, и поскольку круг — наиболее совершенная и экономическая форма, то наиболее часто замыслом становится круглая композиция без фона и заднего плана. Ахеменидское искусство (искусство виртуозности), посвященное изображению изолированных объектов, не питаясь свежими источниками и воздействиями, было обречено на завершение скучным однообразием.

Трудно себе представить, как это единообразие достигалось, трудно узнать или определить, в какой степени эстетическое видение было хорошо обдуманной частью культа империи. Но из недавних открытий, однако, стало ясно, что ахеменидский вкус, вероятно, унаследовал врожденную склонность к симметрии и геральдике от искусства мидян. Даже в кладе Зивие поражает контраст между энергичными сценами ассирийских изделий из слоновой кости и статичными темами процессий «мидийских» изделий. Кажется, что чем дальше ахеменидское искусство отдалялось от своих мидийских истоков, тем больше его эстетическая восприимчивость сосредото-

точивалась на совершенствовании ремесла и так до тех пор, пока «диспропорции в гармонии», составляющие сущность каждого истинного искусства, не исчезли совсем.

Было бы недобросовестно в завершение этой главы не упомянуть о влиянии ахеменидского или более раннего искусства на античный мир. Прямое воздействие Ирана на мир Эгейского моря началось лишь в период ориентализации (приблизительно 650—600 гг. до н. э.). Несмотря на то что в этот период разрисовывание гончарных изделий на Кипре, Крите и в материковой Греции, по-видимому, черпало вдохновение в сиро-финикийском искусстве, Родос с его вереницами гусей, пасущимися оленями и многочисленными заполняющими орнаментами, кажется, вдохновлялся луристанскими идеями: даже нарисованные лучи вокруг оснований ваз — универсальная манера в коринфской керамике — ранее всего обнаружены в персидской вазовой живописи, а не где-либо еще. Природа этих узоров подсказывает, что на запад они перевозились в текстильных изделиях, и, вероятно, торговые контакты, независимые от некоторого иранского влияния, передававшегося вдоль установившихся путей греко-урартской торговли, связали Родос с Южным Ираном и Эламом.

О взаимосвязях между греческой и ахеменидской скульптурой и практической преемственностью ахеменидского и восточногреческого ювелирного дела мы уже упоминали, но следует подчеркнуть, что персидские трофеи в Афинах, захваченные у Мардония, хранившиеся в Парфеноне и выставлявшиеся напоказ на общеафинских праздниках, должны были оказывать формирующее воздействие на вкус греков. Захваченные персидские риты и другие сосуды непосредственно влияли на греческую керамику и металлообработ-

ку, но это влияние было кратким, и, вероятно, именно мастерство создания и великолепие добычи вызывали восхищение, а вовсе не ее стиль. И очень вероятно, что так же обстояло дело с персидскими коврами и текстильными изделиями, попадавшими на запад (рис. 46). Разноцветная керамическая процессия «бессмертных» со стен дворца в Сузах дает нам другое ясное представление о текстильном ремесле, поскольку ткань одежды каждого гвардейца несет на себе сплошной узор из вытканых башен. Эта мелкая деталь не лишена интереса; не только на многочисленных табличках из Суз обсуждается ткачество цветных, расширенных тканей и платьев, но существует классическая история о молодом щеголе из Сибариса, вульгарно-богатом, который носил гиматий, длиной в 15 элей, полностью покрытый мифологическими фигурами, его собственными портретами и изображениями Персеполя и Суз.

Глава 7

ИЗ САТРАПИЙ

Наших знаний повседневной материальной культуры Ахеменидов недостаточно. Деревня в Сузах у царского дворца — единственное место, откуда мы можем черпать детальные сведения о стилях зданий, свойственных данной местности. Метод строительства домов блоком на семью сначала появляется на родине арийцев в Хорезмии, и именно к этой территории относится часть гончарных изделий самой ранней стадии существования деревни. Ахеменидские гончарные изделия, однако, почти одинаково неинтересны, и в лучшем случае они повторяют металлические формы ассирийской керамики. Приход персов не изменил местные стили керамики, использовавшиеся по всему Ближнему Востоку, поскольку Ахемениды не были колонизаторами. Но гончарные изделия, которые можно отнести к ахеменидскому производству, обнаружились в нескольких местах за пределами Ирана: в Уре, Ниппуре, Телль-Дейме, в иракском Курдистане и в Гордии во Фригии.

Таким образом, больше всего информации об Ахеменидах за границами их страны мы получаем из гарнизонов-фортов, спрятанных кладов, захоронений чиновников и в немногочисленных экспортированных товарах. Дворцы в персидском стиле обнаружены в финикийском Сидоне и в азербайд-

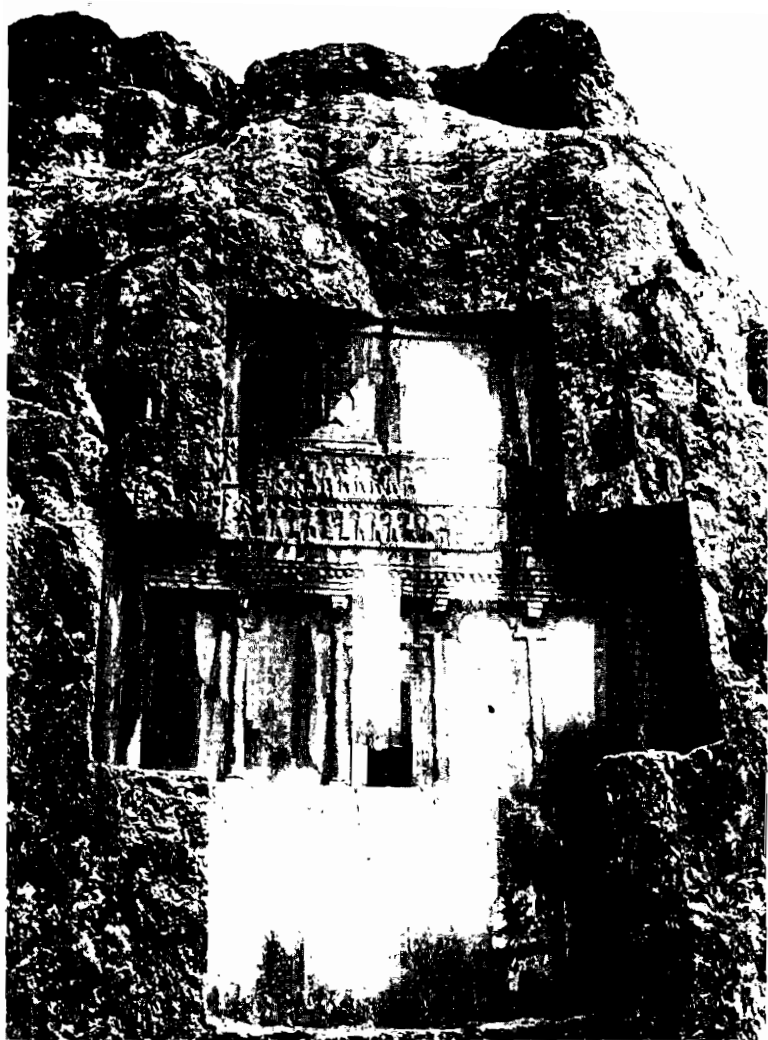
жанском Сар-Тепе, а прочные официальные «резиденции», спланированные по принципу ассирийского дворца с открытым двором, найдены в Телль-Дейме, Лахише и Телль-Квасиле в Палестине, но, безусловно, существовали и многие другие. Жизнь Ахеменидов в Малой Азии, наиболее важной сатрапии, подчинялась задаче преодоления ионийского, лидийского и фригийского влияния. Недавно раскопанное строение в Даскилее (современный Эргили) в Северо-Западной Анатолии было, по всей вероятности, резиденцией сатрапа Геллеспонтийской Фригии (Тиаии драяхъ), но, несмотря на значительное число ахеменидских глиняных булл¹, это здание настолько же чисто ионическое, как и здания в Сардах. Даже на широко застроенном и укрепленном персидском слое в Гордии, на царской дороге из Эфеса в Сузы сделано лишь несколько уступок персидским сооружениям. Но кое-где рельефные скульптуры конца V в. несут на себе персидские мотивы и трактовки. Два отдельных рельефа, один из Бюньяна возле Кайсери и другой из Даскилея, являются чисто персидскими; на них показаны мидийские маги в наброшенных на плечи меховых плащах в момент жертвоприношения (рис. 52). На фризе также из района Даскилея, выполненном в смешанном греко-персидском стиле, изображена всадница. Другие скульптурные рельефы, особенно ценный цикл памятника Нерейд с реки Ксанф в Ликии, показывают персидское влияние, но уже не так явно. Не говоря уже о типично ахеменидских ювелирных изделиях, например об экземплярах из Сард или о серебряном блюде из Синопа (фото 54), продукция ионийских ювелиров указывает на то же самое пер-

¹ Б у л л а — документ с печатью.

сидское влияние, которое обнаруживается у греков из колоний в Южной России.

Естественно, больше всего ахеменидские изделия нравились скифам. Обеденные сервизы, роскошные ложа и троны, предназначенные для пиршеств в шатрах персидских чиновников, пребывающих в действующей армии, соответствовали вкусам алчных и надменных вождей кочевников-скифов. Скифские гробницы были досконально меблированы, и в любом случае скифы не только имели тесные отношения с мидянами и персами, но и поставляли со своих уральских территорий много золота, в котором Персия нуждалась. Многочисленные отдельные ахеменидские предметы получены из скифских могильников как типично ахеменидские, например ритон из Куль-Оба, так и испытавшие определенное классическое влияние, например длинные изогнутые рога для питья V в. (один из них с необычной головой собаки на конце) из кургана «Семь братьев» (Кобан) (фото 55, 57, 62).

Скифские связи с мидийским искусством замечены в некоторых предметах из клада Зивие, в котором звери в чисто скифском стиле объединены с ассирио-урартскими животными. Чуть позже этого скифского влияния на Иран воздействие мидийских и урартских источников вернулось обратно в Южную Россию и обнаружилось в серебряных предметах из могильных курганов Келермес (Кобан), Чертомлык (район Приднепровья) и Литой (Киев). Теперь эти изделия, как и пластины с решетчатыми узорами, упомянутые ранее (глава 2), следует считать принадлежащими к северной ветви мидийского искусства, способного синтезировать урартские, каспийские и скифские мотивы. Некоторые стороны этого синтеза можно найти в Зивие, развивающем стиль материала, обнаруженного в этих

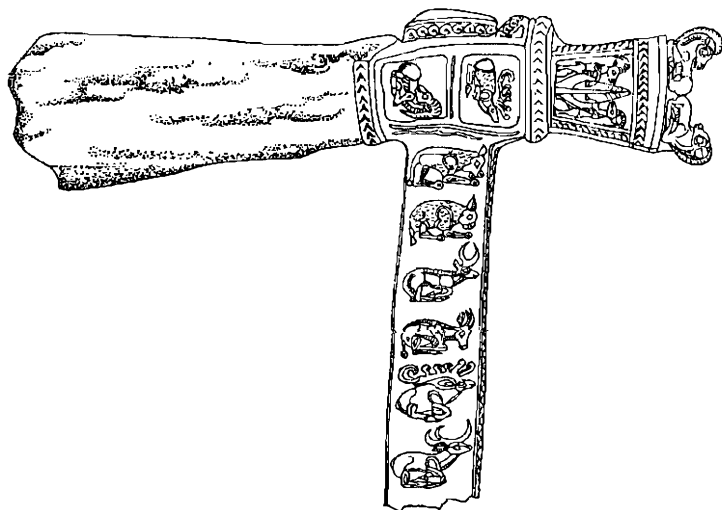

Рис. 38. Покрытый серебром железный боевой топор, скифский курган Келермес. Приблизительно 600 г. до н. э. Эрмитаж, Санкт-Петербург

самых ранних скифских захоронениях, особенно в Келермесе и кургане Литой.

Факты из кургана Келермес наиболее важны. Хотя это не группа могил в самом строгом смысле, серебряное зеркало и рог-ритон, изготовленные ионийскими греками, вероятно, в какой-либо древней колонии на Черном море в Колхиде, допускают довольно точную датировку. Их привлекательные узоры, сравнимые с разрисованными греческими вазами приблизительно 600 г. до н. э., устанавливают хронологические рамки для скифско-мидийских находок. Важнейшие из них — это *акинак* (короткий мидийский меч с рельефов Персеполя) и боевой топор с железным лезвием и длинной серебряной ручкой, типично скифское оружие, как считал Геродот, с которым изображены на стенах Персеполя мидяне и персы (рис. 38). Хотя лез-

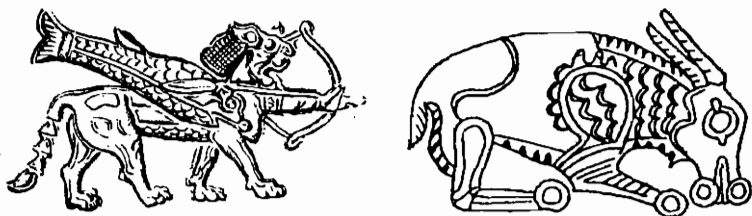

Рис. 39. Мидийско-скифские животные: лев с серебряных ножен, курган Литой; заяц с топора, Келермес, приблизительно 600 г. до н. э.

вие меча испорчено, серебряные рукоятка и ножны сохранились хорошо. На верхней части ножен и нижней части рукоятки изображена одна и та же сцена урартского происхождения: крылатые гении в человеческом облике срывают плоды со священного дерева. Остальная часть рукоятки покрыта геометрическим рисунком священного дерева, основанным на геометрической версии урартского узора, который можно увидеть на пластинах из Фарса и Кармир-Блура.

Остальная часть ножен, не считая повернутых друг к другу львов на оковке, занята вереницей мифических чудовищ (львогрифонов, львобыков и т. д.), чьи стилистические корни можно обнаружить в «мидийских» пластинах Зивие (рис. 39). Одно необычное и поэтому необъясненное дополнение к каждому зверю — огромный карп, лежащий вдоль его спины и будто кусающий передние бедра. Некоторые жрецы на ассирийских рельефах часто показаны в капюшонах из чешуи карпа, но здесь на ножнах из Келермеса рыба оказывается живой. Выступающий вперед предохраняющий руку эфес на верхней части ножен является чисто скифским, несущим на себе прекрасное изображение скифского царского оленя, окруженного каймой из клювов грифонов, стилизованных таким образом, чтобы получился своего рода витой орна-

мент. Это, по-видимому, характерная черта ранних скифских предметов, происходящая от использования голов грифонов в окаймляющих узорах Зивие.

Скифский олень с поджатыми ногами обнаружен также на обухе боевого топора и в вертикальной веренице животных на ручке. Среди них встречаются козел, дикая лошадь, горный козел, осел, кабан, антилопа. Их ноги или нарисованы натуралистически, или заканчиваются то кружками, то, в характерной скифской манере, головой грифона. Стилизация, вытянутые шеи и рисунок тел сами по себе, конечно, не скифские, а скорее происходят от традиций звериного стиля, обнаруженных на некоторых кубках из Марлик-Тепе (см. рис. 10в). Наконец, следует обратить внимание на прекрасную золотую чашу, имеющую чеканные фризы с изображениями животных, страусов сверху, каменных козлов и львов внизу, выполненных в несколько более ассирийском стиле, чем животные на ножнах. Между прочим, страусы, по-видимому, были довольно хорошо известны урартам и мидянам; даже на греческом ритоне из Келермеса аккуратно проводятся отличия между страусами и журавлями. Вторая золотая чаша покрыта горельефами пирамид и, очевидно, подражает украшенной орнаментом чаше хамаданского типа. На ней также имеются любопытные орнаменты, заканчивающиеся типично урартскими львиными головами.

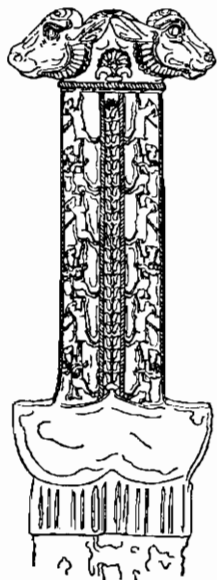

Рис. 40. Золотая
рукоятка кинжала.
Курган Чертомлык.
VI в. до н. э.
Высота — 6 дюймов

Рис. 41. Золотая фигурка перса из клада с реки Оксу. Британский музей. Высота — $2\frac{1}{2}$ дюйма

Из клада кургана Литой наиболее важны меч и ножны, почти идентичные таким же предметам из Келермеса, безусловно принадлежащие той же мастерской. Головки рукояток обоих мечей, как и форма меча замечательной модели из Шумейко в районе Полтавы, украшены золотыми гранулами в технике, редкой в Скифии, но уже известной в Урарту и Мидии. В могильнике Литой вождь лежал на ложе, от которого сохранились серебряные ножки (ассирийского типа). Раскопки захоронения в Калитве на Дону принесли урожай в виде бронзовой головы быка того типа, который можно видеть на рельефных представлениях ассирийских и урартских тронов.

Курган Чертомлык был комплексом захоронений, сделанных в разное время. В одном из этих отсеков сохранилась золотая рукоятка кинжала, увенчанная соединенными затылками головами телят в ахеменидском стиле. Остальную часть рукоятки занимает сцена охоты, изображающая одетых в штаны всадников с луками и стрелами, преследующих диких козлов, сильно напоминающая сцену на ножнах из клада на реке Оксу.

Этот клад содержит самый разнообразный и крупный набор ахеменидских реликвий. На самом деле он находился не в самой Скифии, а в Бактрии, но главным образом содержит изображения носивших

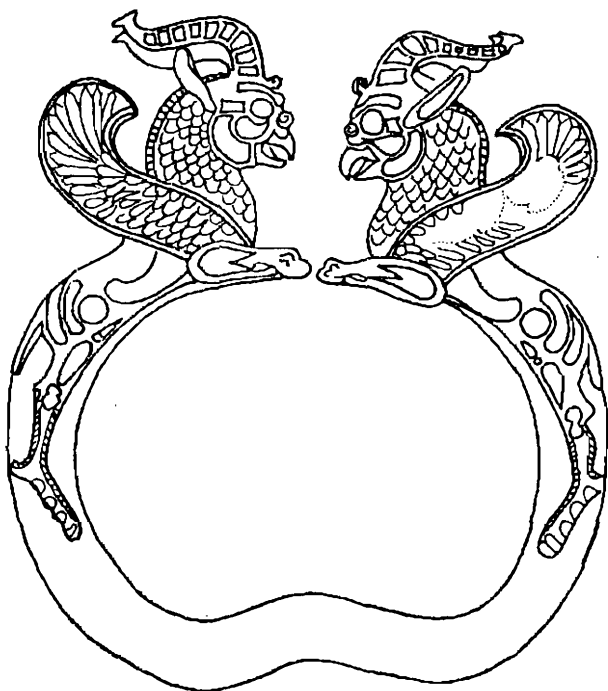

Рис. 42. Один из пары инкрустированных золотых широких браслетов из клада с Оксу. V в. до н. э. Музей Виктории и Альберта. Диаметр — $4\frac{3}{4}$ дюйма

штаны скифов. Обнаруженные в 1877 г. на песчаном берегу Оксу недалеко от Кундуза предметы оказались сначала в Кабуле, затем в Пешаваре и наконец попали в Британский музей.

Ювелирные изделия с Оксу демонстрируют несколько наследственных черт. Пластины и орнаменты на концах имеют скифский тип, на некоторых пластинах изображены скифы, одетые в их обычные костюмы, как на рельефах Персеполя и греко-скифских металлических вазах из Южной России (рис. 41, 42).

Несколько статуэток представляют мидян в куполообразных головных уборах, тяжелой одежде на шерстяной подкладке с рукавами и вязаных шлемах. Две такие статуэтки помещены на золотую повозку персидского крытого типа с огромными обитыми колесами — одно из самых замечательных сокровищ Британского музея. Другие предметы принадлежат к различным эпохам и обнаруживают разные влияния, но особенно интересно, что египетские мотивы представлены медальонами богов Беса и Гора в образе сокола. Из всего этого материала, принадлежащего преимущественно к V в., выделяются золотые ножны, имеющие форму ножен из курганов Келермес и Литой. По всей их длине чеканкой изображена сцена царской охоты на льва в стиле, напоминающем рельефы дворца Ашшурбанипала, только фигуры одеты в скифские штаны и то ли скифские головные уборы, то ли в какое-то подобие ассирийской царской короны. Похожую на эту сцену охоты, правда, не на львов, а на козлов, можно видеть на рукоятке кинжала из Чертомлыка, и, следовательно, можно предположить, что в начале VI в., когда были произведены эти изделия, мидяне продолжали использовать мотив, скопированный ими с ассирийских дворцов.

После клада с реки Оксу следующим по великолепию идет менее известный клад из Ахалгори в Грузии. Как и сокровища Оксу, его нашли на берегу реки, но есть основания считать, что он происходит из могильного кургана, находящегося на реке Ксаник у селения Садсегури. Крестьяне, нашедшие клад, подумали, что это тайник с посудой, принадлежащей местной церкви, но постепенно изделия собрали и продали музею Тбилиси, в окрестностях которого находится Ахалгори. По-видимому, это было пышное скифское захоронение, куда за вож-

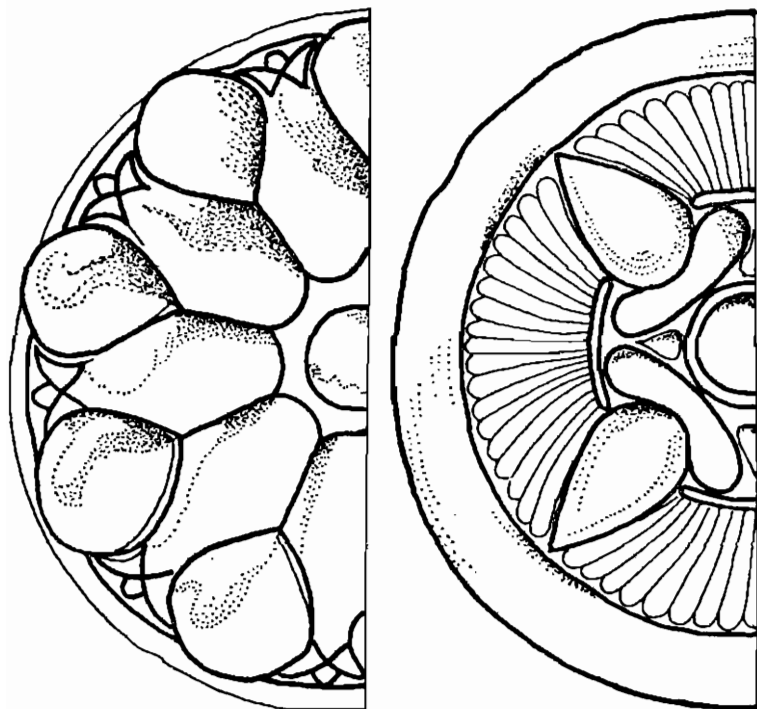

Рис. 43. Серебряные патеры с чеканными узорами, обнаруженные в Ахалгори, Грузия.
Диаметры — $6\frac{1}{4}$ и $7\frac{1}{2}$ дюйма

дем после его смерти следовали кони, как в Костромском и других крупных могильниках. Многочисленные удила и другие мелкие части сбруи выполнены в стиле, родственном скифскому, но в великолепных работах по золоту немного напоминает о скифском искусстве, как мы его себе обычно представляем. Четыре плоских, украшенных орнаментом блюда изготовлены в ахеменидском стиле (рис. 43), как и несколько серег и других драгоценных укра-

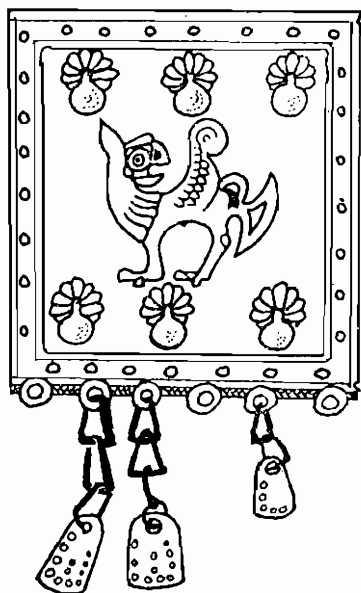
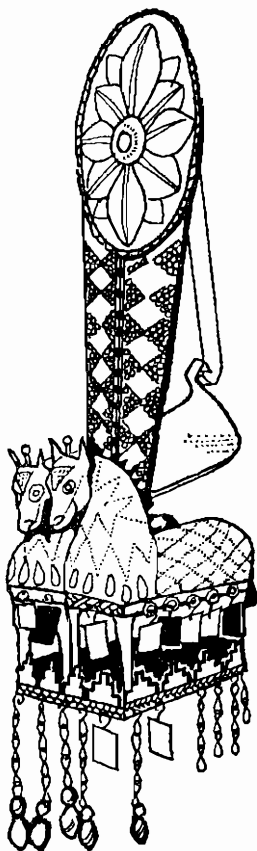

Рис. 44. Золотые ушные подвески из
клада Ахалгори, Грузия. Высота —
 $1\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{8}$ дюйма

шений (рис. 44). Вероятно, группа медальонов принадлежит ко второму, и более позднему штамму мидийско-скифского искусства, к которому мы должны отнести треугольные золотые оправы ритонов из Ахалгори и гробницы «Семь братьев» в Кобане (рис. 45). Крылья и хвосты птиц на оправках из «Семи братьев» имеют что-то общее с крыльями и хвостами птиц на диадемах из Ахалгори и с Оксу.

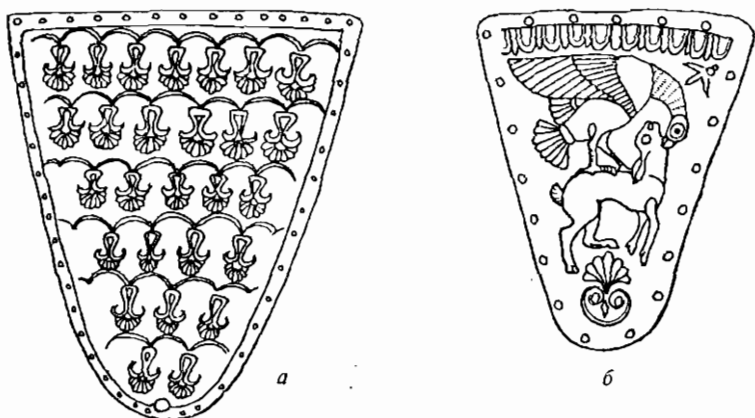

Рис. 45. Золотые оправы краев рогов для питья: *а* — из клада Ахалгори, высота — 4 дюйма, *б* — из кургана «Семь братьев», Кобан, высота — 3½ дюйма

Оправа ритона из Ахалгори покрыта теми же самыми миниатюрными пальмами, которые обнаружены на медальонах. Это не обычные ахеменидские пальмы, как и битвы зверей на оправках из «Семи братьев», так часто описываемые как ассиро-персидские, будь они ахеменидские или ассирийские. Мы можем лишь предположить, что в начале V в. до н. э. существовал мидийско-скифский стиль, к граничным проявлениям которого принадлежат эти объекты.

Ахеменидские изделия достигли еще более далеких от своей родины мест. Скифские захоронения в Прохорово в Оренбургской области (Урал) содержали изящно сделанные коврики, ахеменидские серебряные чаши для питья (две из них с арамейскими надписями) и ахеменидскую печать. Один из самых прекрасных экземпляров кубков с головой барана — серебряный сосуд, обнаруженный в 1734 г. под Усть-

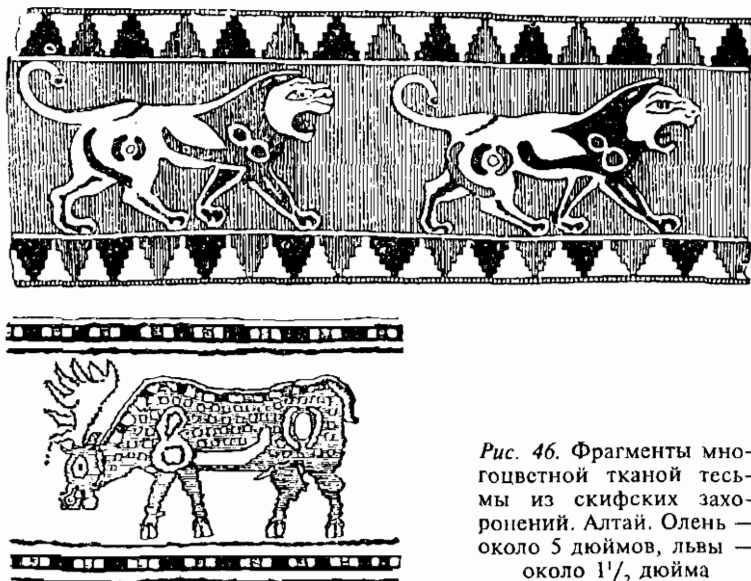

Рис. 46. Фрагменты многоцветной тканой тесьмы из скифских захоронений. Алтай. Олень — около 5 дюймов, львы — около 1½ дюйма

Каменогорском в Сибири, — теперь хранится в Эрмитаже. Другое замечательное серебряное изделие, найденное в Узбекистане, — *пиала* с чеканными пальметтами между изогнутыми лебедиными шеями идентична чаше из греческой гробницы на Родосе. Перечисленные предметы представляют собой лишь подборку; даже без них существует достаточно важных фактов, позволяющих установить, что подобный импорт оказал сильное влияние на скифские искусства и ремесла обработки многих материалов. Выпиливание по дереву, обработка кожи и вышивка из огромных замороженных скифских захоронений на Алтае (битвы зверей, головы лебедей с пальметтами, голова Беса и другие мотивы могли быть переняты в этих отдаленных районах только из ахеменидских источников) и сохранение персидских ковриков в мо-

Рис. 47. Серебряная амфора с поильником, Дувалиж, Болгария.
V в. до н. э. Высота — $10\frac{5}{8}$ дюйма

гильнике Пазырыка ясно демонстрируют непосредственную связь. Небольшой, но очень существенной деталью является трактовка мускулатуры на крестцах в виде «круга и капли», господствующих в ахеменидском рисунке V в. и возникающих на животных в алтайско-скифском искусстве (рис. 46).

Среди фракийцев Персии ахеменидский вкус успел оказать влияние только на европейскую сатрапию Скудру (часть Фракии, вытянувшуюся на территорию Северной Болгарии). Эта область дала две ахеменидские находки, принадлежащие, вероятно, к V в. Первая, возможно, относится ко временам Ксеркса: изящная серебряная амфора с носиком в ручке из кургана Кукова в Дувалиже под Пловдивом (рис. 47). Ее корпус

с искусно нанесенными желобками под носиком украшен цепочкой цветков и бутонов. По греческой керамике этот курган датируется серединой V в., но амфора, вероятно, была изготовлена на полвека раньше; ее ручки, сделанные в форме крылатых львов с рогами горного козла, имеют много устаревших черт, очень похожих, особенно гривами, на ритон из Метрополитен-музея, хотя в очертаниях задних частей использован мотив «круг и капля», характерный для V в., и корпус вазы по стилю близок амфоре с носиками в основании из Синопа (см. главу 6, рис. 33). Кроме того, по греческому содержимому могильника, в котором они были найдены, два серебряных кубка и чашу из могилы вождя в Долбоках, у Стары Загоры, в центре Восточной Болгарии, следует отнести ко второй половине V в. Чаша эта не украшена, но конические кубки имеют у края простой и приятный узор из цепочки цветов лотоса и пальм. Интересно заметить, что узор вокруг нижних частей этих кубков происходит от грубых, чешуевидных перьев, обнаруженных на ассирийских и урартских зверях и использованных Ахеменидами в таких изделиях, как ритон Бейелера. Этот перьевой узор бесцельно воспроизводился скифами: мы находим его на одном роге для питья из кургана «Семь братьев» (фото 57), на скифском оружии и более поздних псалях удил; он долго сохраняется в скифских землях и возникает на знаменитой амфоре Концести византийской работы V в. н. э.

Рассматривая ахеменидские предметы из Болгарии, мы должны помнить, что Фракия соприкасалась с ахеменидским миром абсолютно независимо от существовавшей в ней персидской сатрапии. Милет владел колониями на западном берегу Черного моря и, перевозя свои товары по морю вдоль берега, тесно контактировал с Синопом и другими пор-

тами. Хотя вожди фракийского племени одрисов ввозили товары из Афин, та же прибрежная торговля доставляла изделия из Пантикапея и других греческих центров Крыма, и в то же время скифы оказывали общее влияние как на крымских греков, так и на фракийцев. Воздействия всех этих источников видны в крупной, относящейся к кануну эллинистической эры золотой находке 1949 г. в Панагджуриште недалеко от Пловдива. Изготовлены эти сокровища на самом деле греческими мастерами. Риты с головами животных близки к соответствующим формам афинской керамики; они украшены чеканкой со сценами из греческой мифологии, но многие незначительные декоративные детали, например пальметты и носик в форме льва в основании одного из сосудов, а также *пиала* с чеканными пучками травы напоминают греко-скифскую работу. Амфору с ручками в виде сатиров по украшению можно отнести к абсолютно греческим изделиям, но она имеет хорошо знакомую ахеменидскую форму. Считается, что этот клад был закопан вождем одрисов во время одного из кельтских вторжений во Фракию во второй половине IV в. до н. э.

В левантинских провинциях никогда не находили ничего столь же ценного. Согласно Страбону, Дамаск был важнейшим городом на сирийской территории, но у нас нет никаких сведений о нем в эпоху Ахеменидов. На землях арамейцев Северной Сирии, в Нейрабе, рядом с Алеппо, и севернее, в Деве-Хюйюке, открыты значительные ахеменидские захоронения, предположительно принадлежащие гарнизонным войскам, охранявшим официальные торговые пути. Поселение Нейраб, по-видимому, было основано в нововавилонский период и продолжало существовать при Ахеменидах, поскольку клинопис-

ные деловые документы, обнаруженные при раскопках, могут датироваться самое раннее временем правления Набонида и Камбиса. Могильник Деве-Хюйюк, как можно понять по кипрской и поздней египетской керамике, был начат в конце VI в. и продолжал использоваться в V в. Число иностранных предметов, похороненных с воинами и их женами, говорит об их гарнизонной службе в Египте, на Кипре и в Финикии. Кроме оружия и конских удила ирано-скифского типа, были найдены простые зеркала, застёжки и набор металлических трубок с крышками, предназначенных предположительно для хранения краски для век или какой-либо другой косметики. Поселения, к которым принадлежат эти могильники, мало исследованы. Раскопки в Нейрабе, Кадеше и Тиль-Барсипе имеют особое значение из-за найденных там ахеменидских терракотовых статуэток. Фигурки женщин точно в такой же одежде, в которую одеты представители персидской знати на рельефах в Персеполе и держащие лотос у груди, являются для нас единственным указанием о воспроизведении стиля дворца за его пределами. Кроме того, в Нейрабе точно датирована группа терракотовых фигурок всадников, очень популярных в Палестине, Сирии и даже в персидском Вавилоне. Эти маленькие статуэтки персидских кавалеристов являются полезными «окаменелостями типа» «персидской эпохи» в районах, где она археологически неразличима.

Нет такого места, где различить ее было бы сложнее, чем в неясной Финикии. Мы можем быть уверены, что коммерческая деятельность в прибрежных городах при персах значительно активизировалась. Арад, Библ, Тир и Сидон были самоуправляющимися государствами, чеканившими собственные монеты: Арад по персидскому, остальные — или по гре-

ческому стандарту, или финикийский сикль. Трафареты этих монет были греко-финикийскими, как для монет персидского стандарта кипрских городов, но в Сидоне, резиденции сатрапа, производили прекрасные сикли, на которых чеканилось изображение персидского правителя на колеснице с триремой на оборотной стороне. В могущество империи Финикия вносила существенный вклад своим флотом, состоявшим из 300 трирем, адмиралом которого по должности был царь Сидона. Для ведения войны и поддержания мира флот являлся ключевым фактором. Вероятно, именно для верховного адмирала в Сидоне возвели дворец в персидском стиле. О нем известно немного, кроме находящихся теперь в Национальном музее в Бейруте капителей с быками и сферических оснований, провинциальных имитациях колонн Суз и Персеполя. Но существуют другие признаки главенствующей роли, полученной тогда Сидоном в Финикии: ее монеты и промышленно изготовленные амфоры проникли в Египет и Персию, а сидоняне заняли резиденции в Афинах и на Родосе. Местных финикийских царей, например Табнита и Эшмуназара, аккуратно хоронили в просторных египетских гробах из черного гранита, а сидонскую знать — в менее дорогих антропоидных саркофагах, значительное число которых было найдено в глубоких катакомбах вокруг города. При персах за пределами Сидона был реконструирован величественный храм Эшмуна; знаки строительства обнаруживаются в Араде, Библе и Тире. Но что касается ахеменидского искусства, мы должны помнить: среди населения финикийских городов преобладали греки, и их природный вкус был скорее ориентирован в сторону Средиземного моря, а не на территории в глубь Азиатского материка, в отношении которых у

них сохранились грустные исторические ассоциации. Немногочисленные предметы скульптуры — пара львов из храма Баалат-Гебель в Библе и несколько могильных стел из окрестностей Тира — показывают уровень влияния Ахеменидов, но в остальном пределы финикийских устремлений представлены избитыми египетскими мотивами с некоторыми незначительными модификациями в греческом стиле.

Расположенная дальше от моря персидская провинция Иудея пользовалась некоторой административной и финансовой независимостью от сиро-вавилонской сатрапии. При персидском режиме в Иудее впервые по греческим образцам отчеканили монеты, и, возможно, еще лучше «персидская эпоха» разграничивается археологически по керамике, ввезенной из Аттики. Однако она становится все более известной благодаря многочисленным ручкам тарных кувшинов с отчеканенными довольно нейтральными узорами и тремя древнееврейскими буквами, обозначающими Иудею. Из Книги Неемии явствует, что расходы персидской администрации оплачивались за счет налогов наличными и натурой. Вероятно, правительство производило клейменные кувшины, чтобы доставлять натуральный налог в некоторые провинциальные пункты. Распространение этих кувшинов четко определяет состав персо-иудейской провинции, известный нам из библейских источников, — Телль-ен-Насбех (Миспах, согласно Неемии, административный центр персов), Рамат-Рахель, Иерусалим, Иерихон, Гибеон, Лахиш, Гезер. Большинство из этих городов Неемия перечисляет среди внесших вклад в восстановление стен Иерусалима. Кроме резиденции в Лахише, ни в одном из этих мест не найдено персидского слоя с какими-либо ценностями; после «исхода» страна обеднела и население ее со-

кратилось. Оттиск печати из Гибеона, сохранившийся на холстяном конверте из-под документа, — вот один из немногих ахеменидских предметов, найденных в Палестине.

К югу от Иудеи расположен жизненно важный путь Аравия—Газа, важный не только потому, что через него открывался доступ к Египту, но также из-за выхода в этом месте к морю могущественных идумейских, набатейских и кедаритских арабских государств, игравших со времен Набонида важную роль в месопотамских и египетских связях. Чтобы поддерживать баланс интересов, персы разместили на этой территории войска и расположились в Акабе. Персидская резиденция в Лахише была на краю идумейской территории, и присутствие здесь чиновников подтверждается богатыми захоронениями в Беф-Палете и Гезере. Однако существование «персидской крепости», обнаруженной Флиндерсом Петри в Телль-Джемме (Гераре), не подтверждено достаточно хорошо. Захоронение правителя или командира гарнизона в «гробнице 650» Петри в Беф-Палете предоставляет впечатляющее свидетельство персидской роскоши. Она содержала целиком серебряное ложе с шестью ножками и поперечинами, серебряную рифленую *пиалу* и восхитительный ковш с ручкой, выполненной по египетскому образцу в форме обнаженной купальщицы, держащей в вытянутых руках чашу ковша (рис. 48). Предметы из Беф-Палета демонстрируют моменты, представляющие особый интерес: литеры еврейско-арамейского шрифта, нанесенные на ножках ложа, указывают, как соединять в одно целое их составные части, а головка купальщицы в ковше носит явно семитские черты. Поэтому эти изделия должны были появиться из сиро-палестинских мастерских.

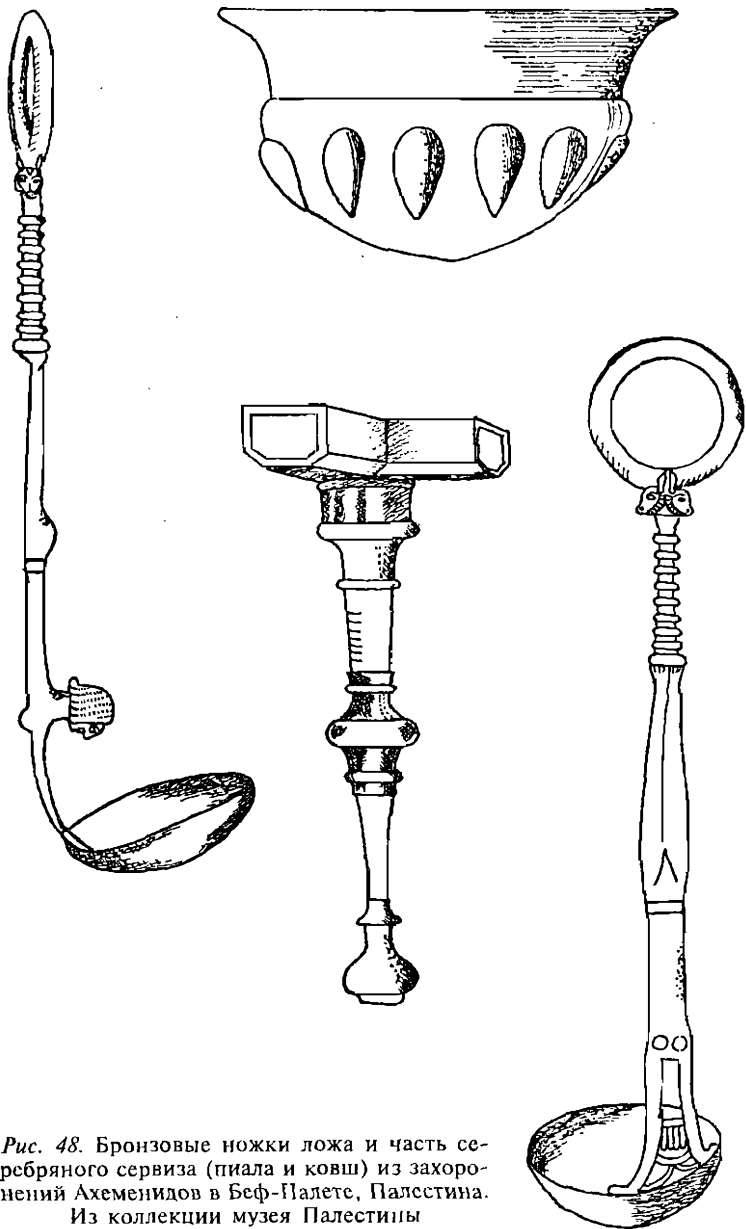

Рис. 48. Бронзовые ножки ложа и часть серебряного сервиза (пиала и ковш) из захоронений Ахеменидов в Беф-Палете, Палестина.
Из коллекции музея Палестины

Группа надписей из Телль-эль-Масхуты, в 12 милях западнее Исмаилии в Нижнем Египте, также должна принадлежать гарнизонным военачальникам. Эти надписи посвящают местному святилищу в пустыне несколько серебряных чаш обычного ахеменидского типа, но с египетскими интонациями, превращающими их в местные изделия. Это была случайная находка, но в том же месте было обнаружено несколько аттических монет, бусы из кошачьего глаза и куски агата в форме бумеранга, окантованные золотом в стиле, обнаруженном в других ахеменидских раскопках. Несколько чаш несут на себе арамейские надписи с посвящениями *Хан Илат*, доисламской богине северных аравийцев, а одна посвящена «Каину, сыну Гешема, царя Кедара». Вероятно, она относится к «Гешему Аравитянину» из Книги Неемии, который должен был править племенами кедаритов в Северной Аравии приблизительно в 400 г. до н. э. Из ассирийских анналов известно, что с начала VII в. кедариты имели превосходство над другими аравийцами. Кроме того, Геродот нам рассказал, что Камбис, покоряя в 535 г. до н. э. Египет, получил поддержку арабов. Вероятно, почти в то же время племенам кедаритов позволили поселиться в Северо-Восточном Египте, чтобы охранять границу с Палестиной и образовать проперсидский буфер между двумя странами. Разумеется, именно этот район Исмаилии и Порт-Саида был известен авторам «Исхода» как «Земля Гошена» (или Гешема). Имена лиц, посвятивших эти чаши, показывают определенную ассимиляцию культур, поскольку на одной указано наполовину египетское, а на другой — полностью египетское имя. Но, кроме того, находка аттических монет с головой Афины подкрепляет выдвинутое Геродотом предположение, что аравийцы

отождествляли ее со своей исконной богиней *Али-лат*. Вероятно, поселенцы из Телль-эль-Масхуты познакомились с Афиной в Дафнах или Навкратисе, расположенных рядом греческих колониях.

Более всех других народов египтяне постоянно боролись за свое освобождение от персидского владычества. Египет мог немногому научиться у Персии, и, хотя многие идеи египтян (например, карнизы и производство изразцов) персы переняли и использовали в своих дворцах, персидское влияние на искусство XXVII династии невелико и ограничено скульптурой. Ахеменидские очертания видны в ряде небольших резных, стоящих на задних лапах львов (до той поры неизвестный в Египте мотив) из Телль-эль-Мукдама, обнаруженных на раскопках храмов бога-льва Маша в Леонтополе. Для инкрустации мускулы крестца вырезаны в форме «круга и капли». Изразцы из Копта и Кантира по технике и глазури очень похожи на изразцы с соколами Гора из Персеполя. Несколько предметов кажутся вывезенными с родины персов: каменный амулет, хранящийся в Музее Бруклина с соединенными затылками головами барана и льва (фото 63), деревянные ножны *акинака* из Британского музея и интересная известняковая пластина, с вырезанными тремя рядами ахеменидских животных, возможно, пробное изделие или клише золотых дел мастера (фото 64).

Если происхождение этого последнего изделия надежно, то оно предоставляет дополнительное свидетельство о взаимном обмене между золотых дел мастерами Египта и Персии. Мы уже упоминали собрание рифленых металлических чаш с чеканкой в виде цветков лотоса из Тмуиса (Тель-Тмая в Дельте) и их взаимосвязь с ахеменидскими серебряными изделиями. Судя по их глубоким формам, можно предпо-

ложить, что они должны были появиться до правления Ксеркса. Важное свидетельство производства ахеменидских предметов в Египте дают стенные росписи в гробнице Петосируса (чиновника в правление Артаксеркса III) в Тунах-эль-Гебеле, которые показывают кузницу изнутри. Надзиратели, одетые в куртки с длинными рукавами и длинные юбки, типичные для XXVII династии, внимательно наблюдают за работой ремесленников, производящих риты, ковши, патеры с плоскими ободками и амфоры с ручками в форме животных в чисто ахеменидском стиле. У нас нет информации об обстановке в данной мастерской, мы не знаем, точно ли она принадлежит тому же времени, что и Петосирус, умерший незадолго до 300 г. до н. э. Вероятно, этот рисунок происходит из более раннего альбома образцов художника, но, по крайней мере, он предоставляет замечательное свидетельство существования довольно крупных фабрик серебряных изделий. По отношению к работе с алебастром мы даже можем говорить о «массовом производстве», поскольку известно более 30 бутылей, несущих на себе имена Ксеркса и Артаксеркса, записанные иероглифами и клинописью. Возможно, это древние эквиваленты наших коронационных кружек.

Уже была описана роль, сыгранная египетским чиновником Уджагорресентом в завоевании Камбиса и в ходе последовавшего правления Дария. Хотя он энергично поддерживал персов, ничто в его статуе, кроме разве что браслетов с головами львов, не говорит о восхищении ахеменидским искусством. Ситуация меняется на прямо противоположную на важной, покрытой письменами статуе Птах-хотепа, одной из очень редких статуй XXVII династии, хранящейся теперь в Музее Бруклина (фото 47, 48).

Хотя длинная надпись на спине этой статуи никак не определяет роль, которую он играл в политике того времени, и в ней просто перечисляются его должности и достижения, но костюм и орнаменты разоблачают его симпатии. Птах-хотеп одет в два простых одеяния: длинную запахивающую юбку, закрывающую его тело от груди до лодыжек, застегивающуюся с одной стороны, и поверх нее в тесно облегающую куртку с длинными, расширяющимися книзу рукавами (такие куртки носят персы с рельефов Персеполя). Никогда раньше в Египте не носили шитую одежду, и изображения этой куртки, по-видимому, ограничились скульптурой XXVII династии; мы уже это заметили по гробнице Петосириса. Имеются, таким образом, достаточные основания, чтобы рассматривать это как персидское нововведение. Вокруг шеи Птах-хотеп носит, кроме обычного египетского нагрудника, прекрасный ахеменидский металлический воротник, заканчивающийся козлами с поджатыми передними ногами.

Надпись Птах-хотепа указывает на его влияние: «Князь и граф, царский казначей и единственный друг, он велик должностью и велик заслугами, руководитель всех царских работ и министр финансов». Несмотря на его значительность, он известен лишь по еще одному памятнику — стеле, находящейся в Лувре, датированной тридцать четвертым годом правления Дария I и найденной в Мемфисе, где, согласно надписи, Птах-хотеп воздвиг памятник.

Мемфис в Нижнем Египте, знакомый грекам как «Белая крепость», был сделан административной столицей при Камбисе, и о присутствии там во время персидского господства лагерей наемных солдат и иностранных работников, в том числе корабельных плотников (поскольку Мемфис всегда был верфью),

известно не только из отчета Геродота, но также из обнаруженных там настенных надписей и могильных камней. Согласно Геродоту, там основали лагеря для иудеев и тирян, а также для персов. На разоренных памятниках ранних династий обнаружены нацарапанные надписи по-арамейски и по-финикийски, а Петри нашел многочисленные оттиски ахеменидских печатей и терракотовые фигурки иноземцев, семитов и эгейцев.

Один из самых любопытных памятников Мемфиса — резное, некогда хранившееся в Берлине изображение церемонии похорон знатного мидянина или перса (фото 52). Тело подготовлено к погребению на ложе с высокой подушкой. Ложе, как и столик напротив него, принадлежит к ассирийскому или ахеменидскому стилю мебели. У покойника кудрявая борода и прическа ассирийца или перса, но одежда с рукавами и высокий головной убор с круглым верхом наводит на мысль о мидийском наряде, представленном на рельефах Персеполя. Не менее интересны фигуры, окружающие торжественно возлежащего умершего. Две женщины, стоящие в голове ложа, разорвали одежду у себя на груди и рвут на себе волосы. Вероятно, это нанятые профессиональные египетские плакальщицы. Но две мужские фигуры в ногах ложа одеты в штаны, верхнюю одежду до колен и головные уборы той же формы, что и покойник. Это безусловно должны быть мидяне или скифы. Кроме того, на заднем плане стоит конюх с конем, вероятно принадлежавшим покойному, которого или по скифскому обычаю намереваются поместить в могилу, или в знак траура остричь ему гриву.

В этот краткий обзор не включены единичные находки ахеменидских предметов, например чаши из Афин, браслета из Коринфа и маленькой серебря-

ной статуэтки горного барана из Индии (фото 72), но нужно принять во внимание, что такой материал распространен очень широко и случайно. Этот факт, насколько бы он ни разочаровывал, имеет некоторое значение. В отличие от Микен бронзового века, в отличие от страны Ашшура в Ассирийской империи и Афин в Делосском союзе, родина персов в Фарсе, хотя и была локальным центром ахеменидского искусства, не стала экономическим и торговым центром для покоренных стран. Это было относительно незаселенное, неразвитое место, лежавшее в стороне от проторенных троп месопотоамо-сирийских торговых путей. Собственно Персия была грекам едва знакома.

Глава 8

БОЛЕЕ ПОЗДНЯЯ ИСТОРИЯ

Горькие плоды недальновидной политики Ксеркса в Египте вскоре пришлось вкусить его сыну Артаксерксу I. Источником неприятностей был Инар, сын бывшего фараона и ливийки, своевременно посетивший в 460 г. до н. э. Перикла в Афинах в поисках помощи против их общего врага. Греки не нашли капитала на своей стремительной победе при Эвримедоне. Флот Делосского союза был в силах контролировать Левант и при Кимоне мог даже попытаться отвоевать Кипр, но Коринф и Эгина увлеклись собственной войной, и бывшие союзники континентальной Греции оказались, таким образом, разобщены. Но теперь афинская армия погрузилась на корабли, отправилась в Египет, убила ахеменидского сатрапа и захватила Мемфис. Если бы этой экспедиции удалось установить независимость Египта, Персия получила бы сокрушительный удар, но все закончилось для Афин полным провалом, и греки обратили свои помыслы на поиски мира. Договариваться об условиях направили в Сузы делегацию во главе с Каллием, способнейшим афинским дипломатом. Персия признавала верховенство Афин над ионийскими государствами в Делосском союзе и готовилась предоставить автономию тем из них, которые оставались в вассальной зависимости от велико-

го царя. Ни одно персидское судно не должно было появляться в Эгейском море и в Пропонтиде, и никакие войска сатрапов не должны были приближаться на 50 миль к частям побережья Малой Азии, контролируемым Афинами. Со своей стороны Афины оставляли Кипр, прекращали вмешиваться в дела Египта и, вероятно, соглашались на демилитаризацию Ионии.

Артаксеркс воспользовался абсолютной свободой действий, чтобы усилить позицию Египта при новом сатрапе Арсаме. Мегабиз дал Инару и другим вождям египетского мятежа гарантию безопасности при дворе в Сузах, но Артаксеркс, как говорят, по подстрекательству царицы-матери Аместриды нарушил слово и убил их. Сцена казни изображена на ахеменидской цилиндрической печати (рис. 49). Почти наверняка именно это вероломство побудило Мегабиза организовать мятеж в Сирии, поскольку он предстает перед нами как человек необыкновенно способный и честный. Это событие подчеркивает главную слабость ахеменидского правления — влияние на государственные дела женщин из царского рода, которым время от времени удавалось отстранять самых способных военачальников.

Условия, установленные «миром Каллия» для ионийских поселений, едва ли могли соблюдаться долгое время. При архонте Перикле Афины проводили дружескую к Персии политику, и Зопир, сын Мегабиза, чье имя хранилось афинянами с благодарностью за его мягкость к пленным греческим военачальникам в Египте, был хорошо принят в Афинах в 445 г. Там он повстречал «отца истории» Геродота, готового, несомненно, дополнить воспоминания о собственных недавних путешествиях в Азию некоторыми «официальными» рассказами из ахе-

Рис. 49. Оттиски цилиндрических печатей: *а* — печать Дария I с трехязычной надписью. Британский музей. Высота — $1\frac{1}{3}$ дюйма; *б* — Артаксеркс I убивает египетского мятежника Инара (?). Эрмитаж, Санкт-Петербург. Высота — $1\frac{1}{10}$ дюйма

менидской истории. Скоро открытая война между ионийцами и Писсутнесом, сатрапом Сард, снова добившимся силой вассальной зависимости многих афинских государств, показала, что этот мир был не чем иным, как прекращением огня, и дела могли снова обостриться, если бы в 431 г. между Афинами и Спартой не разразилась Пелопоннесская война, потребовавшая всей энергии двух основных греческих государств. В первом раунде Персия не вмешивалась. Активность Артаксеркса I начала убывать. Он умер в 425 г., в один день со своей женой Дамаспией.

Его сын Ксеркс II правил всего лишь сорок дней, затем был убит единокровным братом Секиданием, сыном Артаксеркса от наложницы-вавилонянки. Едва убийца захватил трон, как Ох, третий сын Артаксеркса, также от вавилонской наложницы, поднял мятеж в Вавилоне, где стал сатрапом еще при Артаксерксе I. Мятеж поддержала Гиркания, прежняя сатрапия Оха,

и Арсам в Египте. В 423 г. Ох был объявлен царем Вавилона и назвался Дарием (II). Первым его действием стала очистка дворца: Секиданий и все причастные к убийству Ксеркса были преданы смерти.

В ходе первой фазы Пелопоннесской войны персы были не в состоянии воспользоваться греческим расколом. К ненадежности обстановки внутри Персии следует добавить неподатливую позицию сатрапа Писсутнеса в Сардах. Во вторую фазу войны (после «мира Никия», 421—414 гг.) Спарта не могла себе позволить упустить возможность, предоставленную обязательствами афинских союзников в Малой Азии. Чтобы заставить Писсутнеса подчиниться, Персия направила Тиссаферна, способного и коварного политика, сделав настоящий подарок Спарте и оказав содействие в ее интригах. Деньги Тиссаферна быстро лишили Писсутнеса помощи греческих наемников, от которой зависела его агрессивность, и скоро сам он был захвачен и казнен как мятежник. Заняв с помощью Афин карийское побережье, Аморг, сын Писсутнеса, предоставил великому царю необходимый повод для формального вступления в войну на стороне Спарты. Аморг был разбит, и его войска перешли на службу к Тиссаферну. Поодиночке многие члены Делосского союза на материке приняли персидские гарнизоны и направили царю дань. Фарнабаз, сатрап Даскилея, и Тиссаферн, занявший пост верховного военного правителя, совместными усилиями привели всех греков Малой Азии под правление персов. Таким образом, Пелопоннесскую войну за Спарту косвенно выиграла Персия.

Как часто бывало в персидской истории, неприятности в Египте свели достигнутые успехи на нет. Кипр также находился в двусмысленном положении, поскольку местный финикийский правитель,

Рис. 50. Персы сражаются с фракийцами; оттиск цилиндрической печати, хранящийся в Британском музее. IV в. до н. э.

получив в 411 г. контроль над финикийскими колониями в Китии и Идалии, не подчинялся Персии и проводил проафинскую политику. Финикия сама проявляла о нем беспокойство. Волнения в Египте начались в следующем году с мятежа Видарнага, главнокомандующего в Ливии. Он воспользовался отсутствием сатрапа Арсама, отправившегося по служебным делам в Сузы. Причины и ход мятежа нам неизвестны, не считая того, что в 405 г. к нему присоединился Амиртей, второй египетский претендент с этим именем, получивший власть в дельте и долине Нила. Но благодаря случайно сохранившимся документам события тех лет внезапно раскрылись, поскольку два набора арамейских папирусов того времени высветили ценную дополнительную информацию.

Ни одна группа документов из персидской эпохи не вызвала такого широкого интереса, как арамейские письма из колонии изгнанных евреев в Элефантине (Джебе) на Ниле, находящейся в 800 километрах к югу от Каира. Естественно, для занимающихся Библией ученых вклад этих документов особенно велик, но они ценны также тем, что проливают свет на персидское правление в Египте. Элефантина (названная так из-за торговли слоновой костью) была сторожевой заставой, островом посреди Нила на границе с Эфиопией, до которого Камбис не осмелил-

ся добраться. Евреи из этой колонии или, по крайней мере, некоторые из них принадлежали *дегелю*, или отряду, названному в честь персидского или вавилонского военачальника. Кроме них, там жили вдовы и семьи приданного личного состава, получая продовольственный паек от правительства и занимая предоставленные казармы.

Хотя еврейская колония казалась довольной своей военной ролью и, бесспорно, вознаграждениями от торговли, которые она им обеспечивала, у них возник серьезный конфликт с местными жрецами храма бога-барана Хнума, построенного на острове задолго до приезда поселенцев. Евреи имели собственный храм и жертвенный алтарь Яху (Яхве), «Бога небесного» по книгам Ездры и Неемии, единственный известный нам за пределами Иерусалима. В письмах на папирусе рассказывается, как жрецы Хнума разрушили этот храм во время мятежа 410 г. и как евреи пытались добиться его восстановления, посылая письма высоким персидским властям в Египет и Палестину, в том числе Багохи, персидскому правителю Иудеи, преемнику Неемии. Среди этих документов, кроме деловых писем, разрешений на брак и рукописей рабов, был и полный перевод на арамейский язык бехистунской надписи Дария.

Поскольку в то время Арсам отсутствовал, евреи адресовали свои письма Багохи в Иерусалим и сыновьям Санбаллата, правителя Израиля и Самарии. Они жаловались, что Иоханан, верховный жрец Иерусалима, не отвечал на их письма, но в конечном счете контакт был установлен с самим Арсамом, и петиция была направлена ему. В сохранившейся копии жрецы Элефантины в качестве особого условия оговаривали, что в храме не будут приносить в жертву животных, только еду и питье. Бес-

покоились ли жрецы задеть чувствительность зороастрийца Арсама, напомнив ему, что они загрязняют огонь, сжигая части тел животных? Более вероятно, что они стремились успокоить евреев у себя на родине, поскольку после очищения и мер по централизации еврейского религиозного закона, осуществленных Ездрой и Неемией, он не мирился с неортодоксальными взглядами, допускающими возможность воспользоваться каким бы то ни было местом за пределами Иерусалима для сожжения подношений Яхве. Дальнейшим отражением централизации закона евреев при персидском режиме и понимания Арсамом еврейских дел служит его письмо, написанное до разрушения храма Элефантины, в котором он приказывает колонистам праздновать Пасху согласно законам Пятикнижия. В этих папирусах, таким образом, не только подтверждается отсутствие Арсама и факт непослушания, но в папирусе 35-м упоминается о вступлении во власть Амиртея, названного там царем.

В опубликованном позднее наборе арамейских папирусов из Элефантины, находящемся теперь в Бруклинском музее, история колонии продолжена чуть дальше. Там показано, что в некоторой форме роль персов сохранялась в Египте в правление Артаксеркса II до конца 402 г. до н. э., или до зимы, предшествующей мятежу Кира Младшего. Кажется вероятным, что Египет избавился от персидского владычества лишь с началом мятежа Кира, поскольку папирусы из Бруклина показывают, что Элефантина все еще зависела от Артаксеркса II в зиму, предшествующую «*анабасису*»¹ 401 г. до н. э. Для истории колонии Элефан-

¹ «А н а б а с и с» — книга Ксенофонта, дословно «марш по внутренней территории».

тины более важно деловое письмо от Шевы-бар-Захари, посланное откуда-то из Египта к его помощнику Ислаху в Элефантину. В этом письме он ссылается на пленение царя Амиртея и вступление на престол Нерферита I (398 г.), основателя XXIX династии в Мемфисе. При Амиртее к поселению иудеев относились хорошо, но XXIX династия была предана богу-барану Хнуму, чей храм в Элефантине являлся источником постоянного раздражения верующих в Яхве. Прежде они безуспешно пытались от него избавиться. Теперь же известия о возвышении новой династии прозвучали для них похоронным звоном, и больше мы о них ничего не слышали.

Интерес Арсама к Египту не исчерпывался одной политикой, а был глубже: он поместил сюда значительные суммы денег. По курьезной случайности кое-что из его деловой переписки обнаружилось в Египте в запечатанной кожаной дипломатической сумке и приобретено в 1944 г. Бодлейской библиотекой Оксфорда. Сумка содержит 12 полных писем и фрагментов, написанных на официальном арамейском языке на полосах кожаного пергамента, в том числе письма от Аршамы (Арсама) Нетихуру, египетскому чиновнику, ответственному за контроль над обширными личными владениями Арсама в Нижнем Египте. Речь в них идет о земных вопросах: о сборе доходов, о передаче доходов отца его сыну, заменившего его в должности, приказы предстать перед сатрапом, освободить незаконно захваченных солдат. Одно из писем служит паспортом для Нетихура. На основании содержания этих писем следует считать, что написаны они Арсамом главным образом во время его отсутствия в Египте в 411—410 гг. до н. э. В одном говорится о его возвращении, в другом — о затруднениях «во время нашего отсутствия». Доба-

вим к этому утверждение одного из эфепантинских папирусов, что местный отряд египетских войск взбунтовался «в четырнадцатый год царя Дария, когда наш господин Аршама уехал к царю», и мы получим замечательное свидетельство о египетском мятеже 410 г.

Сложные маневры, проводимые Тиссаферном и спартанцами в продолжение греческой войны на Эгейском море, скоро прекратила менее публичными интригами царица Парисата. При вступлении Дария на престол его старший сын Арсам был официально объявлен наследником. Парисата его ненавидела и пустила в ход все свое влияние для продвижения второго ее сына Кира, младшего из братьев. В 407 г., когда Киру едва исполнилось шестнадцать лет, ей удалось отстранить Тиссаферна от верховного командования в Малой Азии. Она считала, что, поскольку основная масса персидской армии находилась на западе, тот, кто ею командует, легко может сделать себя царем. Кир уже вел себя в Малой Азии с царской расточительностью. Отбросив хитрую тактику Тиссаферна, который продолжительное время не только помогал спартанцам, но и использовал их, Кир открыто стремился быть им полезен. Финансы, которыми он их обеспечивал, помогли спартанцам выиграть битву при Эгоспотами и тем самым отрезали Афины от поставок зерна через Черное море. В 404 г. голод в Афинах вынудил их пойти на капитуляцию.

Сам Дарий слабо интересовался этими событиями. В том же году взбунтовалась Мидия, и Кира призвали присоединиться к войскам на родине. В ходе этой кампании Дарий заболел, его отвезли в Вавилон, где он и скончался. Несмотря на планы матери, царем провозгласили Арсама, принявшего имя

Артаксеркса II (404—359) и получившего от греков прозвище Мнемон, или «все помнящий». Этот безвольный человек попадал под влияние то Парисаты, то такой же вредной своей жены Статире. И если верить мемуарам его врача-грека Ктесия, то домашние интриги едва ли позволяли ему поскучать.

Очевидно, что Киру нужно было бороться за трон при помощи оружия. Тиссаферна, низведенного до управления Карией, и Фарнабаза он склонил на свою сторону и в результате контролировал всю военную мощь Малой Азии. Кроме того, в избытке было греческих наемников, освободившихся после завершения Пелопоннесской войны. В их число входил и афинянин Ксенофонт. К Киру присоединился Сиенсий, царь Киликии, и вся военная машина собралась вместе под предлогом нападения на крошечную Писидию. В 401 г. они подошли к Вавилону на расстояние 60 миль и там, в Кунаксе, встретили армию Артаксеркса и Аброкома, сатрапа Сирии. Мятежники были разбиты, а Кир погиб, когда лично пытался атаковать брата. Конец этой истории рассказан Ксенофонтом в его отчете о том, как десять тысяч беспомощных греков пробивались обратно из центра Месопотамии к морю у Трапезунда.

Мятеж Кира стал сильнейшим ударом, который когда-либо испытывала линия Ахеменидов. Он не только продемонстрировал ее вырождение и соперничество внутри клана, но после него международные дела Персии стали постоянно ухудшаться. Мятежник Кир был значительной и энергичной личностью по сравнению со своим братом Артаксерксом. Несмотря на молодость, он имел опыт в большинстве необходимых для Персии сфер деятельности на западе, и присоединение к его делу Фарнабаза, а поначалу и Тиссаферна, характеризует его с лучшей

стороны. Выиграв Кир в этой аванюре, он мог бы положить конец старому ахеменидскому шаблону восточного правителя и сделать империю лучше соответствующей реалиям времени. Греция была не просто политическим врагом, но и единственным крупнейшим культурным фактором в Персидской империи. В первой половине IV в. эллинизм не только овладел Малой Азией, где сатрапы все больше и больше перенимали греческие одежду и манеры, а греческий язык наряду с исконными лидийским и ликийским языками получил широкое распространение, но и заметно вовлек Египет, Кипр и Финикию в сферу греческой мысли. Все последующие превратности судьбы ахеменидского государства так и не привели великих царей к полному пониманию ключевого положения Малой Азии. Неблагодарность Спарты, поддержавшей не великих царей, а Кира, подчеркивает, что она понимала: имея дело с Малой Азией, в действительности она вовсе не имеет дела с Персией. Только Тиссаферн хорошо знал ситуацию на западе, но он, после поражения от царя Спарты Агесилая, пал жертвой кампании по уничтожению соперников, развернутой Парисатой.

Почти все правление Артаксеркса II Персия вела истощавшую ее войну против кадусейских племен, вспыхнувшую еще при его отце. У него не было времени на Малую Азию, и с удалением Тиссаферна политическое превосходство, которое раньше Персии постоянно удавалось поддерживать, стало таять. Когда в 358 г. Артаксеркс умер, внешняя империя почти разрушилась. Потрясающая энергия его сына и преемника Артаксеркса III (Оха, 358—338), которого мы искренне можем объявить последним из великих властелинов древнего Ближнего Востока и последним влиятельным Ахеменидом, добились послед-

него возрождения. Поставив цель воссоединить империю, он начал с Сирии и Финикии, чья неуправляемость поддерживалась по-прежнему независимым Египтом. Защищая режим Нехтхархаби в Египте, египтяне и греки дрались бок о бок, и лишь в 343 г. Египет удалось вернуть к статусу сатрапии и жестоко его наказать. Над сатрапами и независимыми князьками Малой Азии Артаксеркс III также в конце концов установил контроль, но тут возвышение Македонского царства ввело в игру третью сторону, которая военной мощью и дипломатическим искусством не уступала грекам и персам. Достижения Артаксеркса III были обусловлены не историческими преимуществами, а его беспринципным и бескомпромиссным характером. Он побеждал в войнах, и когда евнух Багай его отравил, это стало сигналом смерти для ахеменидской империи.

В то время как Багай играл в создателя царей, возводя Арса, сына Оха, на трон, царь Филипп Македонский, положивший в 338 г. в битве при Херонее конец греческой независимости и объединивший греческие государства за собой под лидерством Коринфа, готовился напасть на Персию. В 336 г. армия численностью в 9000 человек под командованием маршалов Аттала и Пармениона двинулась в Малую Азию, чтобы освободить грекоговорящие государства. Для Египта это стало сигналом к мятежу. Быстрое ухудшение отношений между Багаем и Арсом завершилось убийством Арса и его семьи. Багай предложил трон Дарию, внучатому племяннику Артаксеркса I, единственному имеющему право на царство потомку дома Ахеменидов, которому удалось избежать массовой резни, устроенной Багаем и Артаксерксом III.

Дарий III (Кодоманн, 336—330) стал последним Ахеменидом. Искра от семейного очага наградила его

личной смелостью. Ему не составило труда заставить покориться Египет, но вина его в том, что он пренебрег македонской угрозой. В год его вступления на престол Филипп был убит, и македонский трон занял его энергичный двадцатилетний сын Александр.

Войска западных владений Персии были рассеяны Александром на реке Гранике летом 334 г. На следующий год Дарий двинулся на запад с внутренней армией, но был разбит Александром при Иссе и бежал, оставив семью, попавшую в плен. Пока Александр покорял Египет, Дарий собирал вторую армию. В октябре 331 г. на Эрбильской равнине, прямо напротив Ниневии, чьи руины стояли как памятник первой великой победе ахеменидской линии при Кире I, армия Ахеменидов в великолепии облачений многих составляющих ее наций в последний раз выстроилась в боевой порядок. В битве при Гавгамелах ее почти полностью уничтожили.

Но Гавгамелы еще не были концом. Сам Дарий бежал к Каспийскому морю лишь для того, чтобы через несколько дней пасть от руки родственника по имени Бесс, захватившего трон и назвавшегося Артаксерксом. Его перспективы казались неплохими: Восточный Иран являлся оплотом персов и поставлял воинов для ядра персидской армии; это была основная территория, относительно мирная и не потревоженная сильными националистическими движениями. Но он не смог торжествовать над Александром, и в 327 г. Артаксеркс IV (Бесс) сдался победителю.

Или по пьяной прихоти, или в качестве акта холодной мести за сожжение персами афинского Акрополя Александр сжег дворец в Персеполе. По иронии судьбы пламя пожара сохранило его для будущих поколений: массивное дерево, земля и черепичная крыша

обрушились, сформировав защитный покров для ступеней и скульптур, сохранив глиняные таблички сокровищницы. Время обошлось бы с ними более беспоощающе, чем ярость завоевателя. Хотя административную структуру сатрапий новый режим сохранил, центры жизни и культуры Ахеменидов умерли быстро. При разделе империи, последовавшей после смерти Александра в 323 г., восточная провинция досталась его главнокомандующему Селевкѹ, человеку, в котором смешалась иранская и греческая кровь, в последние годы Александра назначенному на должность сатрапа Вавилона, быстро восстановленного как столица Месопотамии и ее окрестностей. Однако вскоре восточная провинция территории Селевка могла управляться из новых городов, им основанных и заселенных греческими колонистами, — Антиохией на Оронте и Селевкийей на Тигре.

Основание этих городов положило начало политике, имевшей целью эллинизацию всей Западной Азии. Она стремилась не только распространить тот общий знаменатель культуры, который мог бы укрепить власть Селевка над расово разнообразными субъектами и вылечить заметные слабости Ахеменидов, сплавив их в одно целое, но также порадовать алчущих земли демобилизованных солдат, мало надевавшихся наскрести себе на жизнь в обедневших Македонии и Греции. В отличие от Ахеменидов, чьи политические концепции имели главным образом ассирийское происхождение, греки накопили долгий опыт колонизации. За эти годы военных кампаний они узнали о возможностях слаборазвитых стран и поняли, что создание трансасиатских торговых путей в Индию и Китай будет ключевым фактором в экономической жизни не только многолюдных левантинских городов, но всего Средиземноморья в целом.

В этих главах мы сосредоточились на художественных достижениях Ахеменидов и особом качестве их цивилизации по сравнению с их предшественниками-мидянами. Почти наверняка схема, данная на этом ограниченном пространстве, значительно пополнится, если сохранятся настоящие темпы открытий и раскопок в Иране и остальной части Среднего Востока. Это не только ярко озарит материальные аспекты ахеменидской культуры, но можно надеяться, что такие документы, как обнаруженные недавно в пещерах Вади-Далие в Иордании, прольют больше света на администрацию и политику в провинциях.

Глава 9

ПУЛЬС ВЛАСТИ

По сравнению с более ранними империями Египта, Ассирии и Вавилонии Ахемениды добились выдающихся успехов. Основной причиной этого, безусловно, следует назвать абсолютно новое и творческое отношение к власти. Если ассирийцы кичились наложенным игом и радовались взысканной дани, то Кир видел себя освободителем, а Дарий и Ксеркс — божественно избранными для правления и установления нового порядка. Эта атмосфера в большей степени напоминала не Рим эпохи Августа, а Священную Римскую империю. С практической стороны основной причиной успеха были экономические возможности, поощрявшиеся новым порядком, часто вызывавшие добровольное подчинение персидскому правлению. Персы господствовали на завоеванных землях, но не эксплуатировали их, не мешая действовать естественным элементам экономики в привычном порядке. Так, Финикия и Киликия продолжали заниматься своими ремеслами и торговлей, а многочисленные деловые документы из Месопотамии показывают, что храмы, банки и торговые центры функционировали, как во времена Шумера. Получив защиту, перевозки по морю и суше повсюду возросли, а широко распространившаяся монетная система облегчила торговлю. Более существенным нововведением стала стандартизация

a

б

в

Рис. 51. а — лидийская монета из сокровищницы Персеполя; б — золотой дарик царя Дария; в — монета Тиссаферна, Малая Азия

Дарием стоимости драгоценных металлов в терминах степени чистоты. Хотя использование персидских золотых дариков широко не распространилось и по персидскому стандарту сикля в империи было выпущено небольшое число монет, но «царская мера» признавалась везде (рис. 51).

Провинции в стороне от торговых центров процветали. Очевидно, сатрапы удерживали значительные части царских земель для собственного использования, обеспечивая рабочую силу и капитал для их развития. К сельскому хозяйству сами персы относились очень серьезно: их религиозные верования не допускали разорения земель. Вот что говорил Арсит, сатрап Даскилея: «Я не буду стоять и безучастно смотреть, как горит хозяйство из числа тех, что вверил мне царь». В общем, персидская знать чувствовала себя глубоко ответственной не только за

физическую защиту своих провинций, но также и за поддержание закона и порядка. Сатрап был не диктатором в своей области, а чиновником на государственной службе, имеющей ступени и департаменты, через которые он должен был действовать.

Именно Дарий установил принцип господства права. Его надписи наводят на мысль, что более всего он считал себя законодателем. Свод законов, который он обнародовал, был не нов. Он представлял собой кодификацию Вавилонского прецедентного права или правовых решений, которые называли *да-том* — словом, использовавшимся для обозначения божественного порядка в Авесте. Не сохранилось ни одного фрагмента законов Дария, и степень их введения в действие в различных странах нам неизвестна, но «законы мидян и персов» вошли в поговорку во всех подчиненных странах для обозначения судебной неподкупности и суровости. Существовали специальные суды с постоянными судьями, и эффективность судебной власти поддерживалась *аздакарой*, или «службой гласности», системой царской почты и уходом за состоянием дорог, таких, как обнаруженная недавно знаменитая магистраль из Сард в Сузы. Царские надписи не оставляют сомнения в благородном и религиозном отношении к власти монархов-Ахеменидов. Терпимость к религиям других стран была одной из наиболее просвещенных черт *раx persica*¹ и документально подтверждается такими событиями, как восстановление Киrom вавилонских святилищ и храма Яхве в Иерусалиме, поклонение Камбиса быку Апису в Мемфисе.

Это нельзя объяснить никаким документированным универсализмом и синкретизмом Ахеменидов.

¹ Персидский мир.

В большей степени подобная терпимость порождена смесью природного генотеизма¹ с осторожностью. Нигде не найдено свидетельств, что они считали Ахурамазду и Яхве проявлениями одного и того же «Бога небесного». И Дарий, и Ксеркс, объявляя свое теократическое правление под властью Ахурамазды, осторожно добавляли: «и других существующих богов». Так же и Кир, благодаря вавилонские божества за свои победы, охотно признает их могущество, хотя и находящееся под опекой всемогущего Ахурамазды, мудрого бога, «величайшего из богов».

О взаимоотношениях Ахеменидов (особенно Дария I) и пророка Зороастра, жившего, как теперь широко признано, вскоре после 600 г. до н. э., шли бурные споры, и в результате появились противоположные заключения. Своим маздаизмом, дуализмом и терминологией надписи Дария и Ксеркса напоминают об Авесте, основном произведении древнеперсидской литературы, сохраненной парси в Индии. Среди молитвенников, гимнов и мифологического материала, составляющих Авесту, древнейшим является набор гимнов, называемых *гатами*, которые не только содержат объемную биографическую информацию о Зороастре, но и написаны языком, по видимому представляющим собой архаический диалект Бактрии или Хорезмии, где жил этот пророк. Из-за сходства, существующего между эпитафией Дария и *гатами*, некоторые ученые считают, что он в действительности цитировал Авесту, а воссозданная по Авесте биография позволила Хершфельду и Олмстеду отождествить царя Гуштаспа, бывшего

¹ Генотеизм — поклонение одному богу при признании существования многих богов.

первым покровителем Зороастра, с Гистаспом, сатрапом Парфии-Гиркании и отцом Дария. Это означало бы, что в детстве Дарий находился под влиянием Зороастра. Ни один из этих аргументов теперь не следует принимать в расчет. Архаичный язык в *гатах*, как было показано, не идентичен древнеперсидскому языку ахеменидских надписей, даже если они и выражают похожие настроения. Во-вторых, отождествление Гуштаспа с ахеменидским Гистаспом вызывает самые серьезные сомнения, поскольку потомки Гуштаспа из Авесты неизвестны в истории Ахеменидов. Хутаоса, жена Гуштаспа и первая новообращенная Зороастром, не может быть Атоссой, или женой Дария Великого. Ни один Ахеменид в Авесте не упомянут. Тем не менее очевидно, что Зороастр и Дарий были продуктами одного и того же интеллектуального климата, хотя, безусловно, разного социального окружения.

Струве и другие ученые утверждают, что Ахемениды и зороастрийцы игнорировали друг друга и все ссылки на западноиранских монархов были удалены из Авесты. Конечно, роль посредника между Богом и человеком, которую играл Зороастр, и его притязания на особую избранность Ахурамаздой, явно были узурпированы и Дарием, и Ксерксом. В персепольской надписи Ксеркс идет еще дальше и утверждает, что именно он изгнал из Западного Ирана культ *дэвов*, древних иранских богов неба и бури, приниженных Зороастром, и разрушил их храмы. В этой «дэвовской» надписи Ксеркс принимает на себя роль Саошьянта, или «спасителя», — ту самую функцию, предназначавшуюся Зороастру в поздней Авесте, и «избавителя», пришествия которого ожидали зороастрийцы. Если по этой причине последние не могли принять Ахеменидов, то кажется стран-

ным, что в Авесте им не выражено порицание, и еще более удивительно, что Зороастр остался неизвестен классическим комментаторам истории Ахеменидов, а именно Геродоту, Ксенофону и Страбону. Возможно, нам следует сделать вывод об осуществлении ахеменидскими царями для западных арийцев той же функции, которую выполнял Зороастр на востоке страны; и те, и он действовали в абсолютно разных социальных слоях и не конфликтовали между собой. Все они следовали дуалистическому образцу; в Авесте Ангра-Манью (Ахриман, злой дух) противопоставляет Ахурамазде (позднее Ормузду), в то время как для Дария противоположными принципами были *арта*, божественный порядок, и *друдж*, или ложь.

В какой степени эта схожесть в терминологии может быть результатом общего религиозного климата? Возможно, ахеменидская религия и зороастризм лучше всего объясняются параллельным развитием из общего источника, при котором первой недостает строгого монотеизма зороастрийцев и утонченной литургической практики. Нам следует, наверное, разделять поклонение Ахурамазде, наблюдавшееся на мидийской территории в VIII в. до н. э., и особый этический универсальный маздаизм, проповедовавшийся Зороастром, понимание которого затруднено из-за покрова народной религии, заброшенного на него в Авесте. Такое представление подвергает сомнению загадочную роль магов, оказавших своей жреческой деятельностью сильнейшее влияние на Западный Иран и Восточную Анатолию, районы, находившиеся в контакте с древней страной Урарту-Парсуа.

Маги — одно из пяти коренных иранских племен, названных Геродотом, — по-видимому, в большей степени были религиозной кастой, чем собственно

Рис. 52. Алтарь огня с рельефом мага из Бюньяна, Кайсери, Турция

племенем (рис. 52). Еще три племени идентифицировать невозможно, но аризанты (*арии* и *занту*, племя) были, вероятно, преимущественно арийцами, в среде которых оформилось поклонение Ахурамазде. На ранней стадии, хотя арийские последователи маздаизма проживали в Урарту-Мидии, их религия скрыта в мидийском магизме с его кровавыми жертвоприношениями, поклонением огню, ритуалами *хаомы* и астрологией. Между тем на востоке Ирана маздаизм был очищен Зороастром и, откликаясь на магизацию и аристократический характер запада, мог включить в себя простые демократические идеи кочевников востока. Это, конечно, гипотеза. Можно, разумеется, задать вопрос, отрекся ли на самом деле Зороастр от практики магов, ведь точно так же вероятно, что аспекты этического зороастризма

Рис. 53. Знатный человек и маг поклоняются двум алтарям-близнецам; рельеф на фасаде гробницы в Сакаване, Курдистан. VII—VI в. до н. э

принесли на запад маги. Короче говоря, мы находимся в полном неведении. Можно лишь сказать, что маги, как и Ахемениды, не упоминаются в Авесте. Следует также подчеркнуть, что маги были, по существу, жрецами культа, а не теологами и их деятельность не абсолютно несовместима с религиозными верованиями и Зороастра, и Ахеменидов.

Помимо поклонения Ахурамазде и подобных форм дуалистического выражения, Ахемениды и зороастрийцы практиковали поклонение огню (рис. 53). Зороастрийских жрецов называли *атраван*, или стражами огня, в то время как маги, кажется, посвятили себя главным образом жертвоприношениям, и, как описывал Геродот, их жертвоприношения животных поразительно напоминали поклонение более ранних ведийских арийцев. Мы не можем сказать точно, как в культах зороастрийцев и Ахеменидов поклонение огню было связано с поклонением Ахурамазде. На рельефах своих гробниц ахеменидские монархи стоят перед алтарями огня, а над ними парит Ахурамазда. Если принять доводы Хинца, что культ огня яв-

ляется собственно зороастрийским, тогда мы должны считать эти рельефы и «огневые башни» (защищающие священное пламя), построенные в Пасаргадах Киром и в Накш-и-Рустаме Дарием (?), бесспорным доказательством зороастризма Ахеменидов (фото 43). Также можно принять во внимание отказ Дария иметь дело с магами. Кроме того, указывая на храмы огня, которым противостояли маги, он заявил, что необходимо восстановить святилища, разрушенные магом Гауматой (бехистунская надпись). Однако именно начиная с правления Ксеркса, когда маги были в милости у Ахеменидов, весь Иран принял зороастрийский календарь. Это единственные конкретные факты, говорящие о принятии Ахеменидами зороастрийских идей. Им противоречит свидетельство, что при Ахеменидах персы хоронили своих умерших и не выставляли их на всеобщее обозрение, как предписывал Зороастр, требовавший не допускать загрязнения земли. Может быть, влияние магов и повторное возникновение дозороастрийской религии в конце концов привели к практике, во многих отношениях полностью противоположной принципам Зороастра. Так, мы обнаруживаем, что Ксеркс жертвовал быков троянской Афине, а пьянящий напиток *хаома*, культовое питье, запрещенное Зороастром, использовался, согласно свидетельствам на табличках, в Персеполе.

С естественным для грека изумлением Геродот рассказывает, что у персов не было статуй их богов. Хотя и верно, что персы не любили устанавливать статуи и храмы и использовали лишь изображение Ахурамазды, скопированное с ассирийского бога Ашшура, более поздние события ставят под сомнение утверждение Геродота. До зороастризма поклонение богу-солнцу Митре и богине-матери Анахите

было широко распространено, и вполне очевидно, что мидяне имели храмы, поскольку Саргон II и Салманасар III грабили их и вывозили из них скульптуры. Писатель Беросс, вавилонский грек, записывает, что Артаксеркс I возвел храмы Анахиты в столицах провинций. Поскольку в его надписях часто содержатся одновременно призывы к Анахите и Митре, то, вероятно, также существовали храмы и статуи, посвященные Митре. Еще один довод в поддержку этой мысли — специфическая иконография в авестской *Митра Яшт*, где Митра описывается как колесничий бог-солнце. В Индии к 250 г. до н. э. бог-солнце Сурья изображается в виде колесничего с дополнительными деталями, соответствующими *Митра Яшт*. Но на основании этого утверждать, что такая тесная связь между текстом и иконой существовала в персидские времена, было бы легковесным. С другой стороны, описание Анахиты в Авесте в самом деле читается как описание статуи вавилонской Иштар. На двух изображениях Анахиты на печатях она показана как Иштар, принимающая почести, стоя на спине льва, а на цилиндре Клерка она представлена на троне позади стойки с фимиамом в урартском костюме (рис. 54).

Хотя мы не в состоянии оценить практическую важность этих деталей персидской религии, но нельзя сказать, что при рассмотрении качеств персидского характера они излишни. Персидское правление было не только строгим, но и ответственным и справедливым. Несправедливость и нечестность считались частью «лжи», защитникам которой предreshалось терпеть вечное наказание. Митраизм также содержал этическое учение: Митра был богом клятв и регулировщиком поведения людей. Бок о бок с добродетелью шла смелость. Рассказы греков

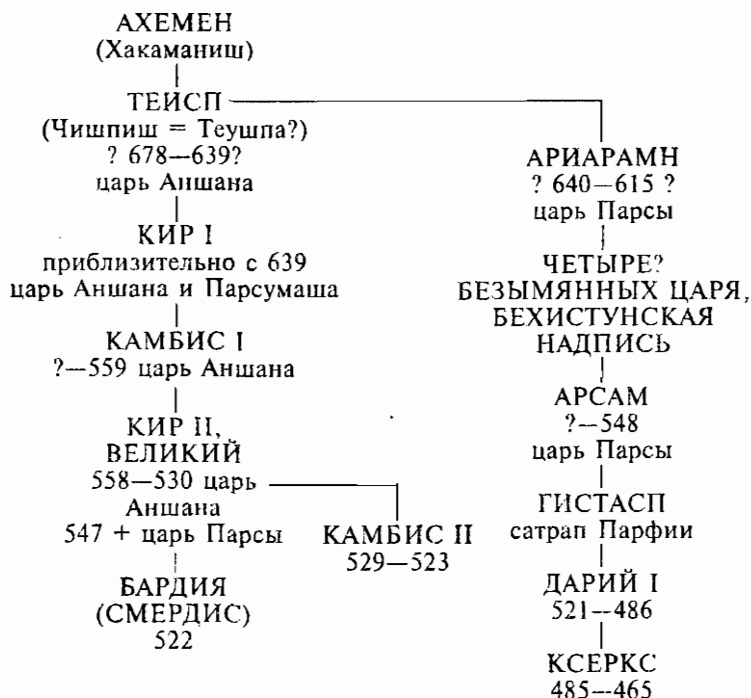
Рис. 54. Золотой медальон и оттиск цилиндрической печати с изображением Анахиты (коллекция Клерка). V в. до н. э.

Диаметр медальона — приблизительно 1 дюйм,
высота печати — $1\frac{1}{8}$ дюйма

подтверждают храбрость персидской знати, и Геродот, обобщая, говорит, что персидское образование в целом «учило ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду». Особое внимание, которое уделялось охоте, направлялось не на приобретение спортивного мастерства, а на воспитание смелости и *правдивости*, поскольку некоторые представители царства зверей были частью «лжи».

Из зороастрийской религии ахеменидских времен многие ключевые понятия пришли в иудейско-христианский мир, а универсализм и дуализм Персидской империи, родившиеся из зороастризма, в долгой перспективе могут, наверное, считаться более цивилизованными, чем амбиции Перикловых Афин. Мы должны помнить, что значительная часть информации об Ахеменидах вышла из-под пера их традиционных врагов. Но у Персии даже среди греков были поклонники — Ксенофонт один из них; и, несмотря на деспотизм и жестокость персов, многое свидетельствует и о благородстве, как о ключевом факторе для успехов империи.

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕМЬЯ АХЕМЕНИДОВ ДО КСЕРКСА

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

1, 2. Бронзовая чаша для питья, или ситула, из Луристана с чеканкой, изображающей сцену пира, на которой сидящему знатному человеку прислуживают слуга с чашей и музыкант. Другие изображенные предметы — сосуды для вина с сифонами и ассирийская «фонтанная ваза», увенчанная пальмами. Высота — $6\frac{1}{2}$ дюйма. VIII—VII в. до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

3. Бронзовый ритуальный ковш из Луристана с чеканкой на корпусе, изображающей козлов и цветы в ассирийском стиле, с ручками, отлитыми в местной луристанской манере. Высота — $8\frac{2}{3}$ дюйма. VIII в. до н. э. Музей искусств, Цинциннати.

4. Серебряная пластина, Луристан. Центральная фигура, вероятно, представляет Зурвана, индоарийского бога времени, окруженного фигурами в «трех возрастах человека» — детстве, зрелости, старости. Размеры — $4\frac{5}{8}$ на $10\frac{1}{8}$ дюйма. VIII в. до н. э. Музей искусств, Цинциннати.

5. Чеканная головка в форме диска луристанской бронзовой вотивной булавки из Сурх-Дума. Центральная выпуклость в виде головы льва символизирует солнце. Высокая центральная фигура с крыльями, по-видимому, представляет божество растительности, кормящее диких козлов. Драконы на его плечах заимствованы из аккадского искусства и символизируют могущество. О космизме идеи в целом свидетельствуют лучистые звезды по окружности. Диаметр — 4 дюйма. VIII в. до н. э. Университетский музей, Филадельфия.

6. Золотая чаша из Хасанлу у озера Урмия. Сцены, выполненные в технике металлопластики, отделаны изящной гравировкой. Верхний фриз составляет процессия богов погоды на колесницах; представленный ниже ряд отдельных сцен, по видимому, принадлежит к циклу мифов хурритского происхождения, хотя некоторые мотивы выглядят как аккадские. На основании выгравирован формальный узор с изображением овец, идущих по четырем сторонам шахматной доски. Высота — $8\frac{1}{2}$ дюйма, диаметр — 11 дюймов. Археологический музей, Тегеран.

7, 8. Кубок из электрума из Северо-Западного Ирана, родственный по технике чаше из Хасанлу, а по форме — кубкам из Амлаша и Марлик-Тепе. Мотив двуглавого чудовища с телом льва, руками человека, крыльями и лапами орла, поднимающего горных козлов за хвосты, повторяется трижды. На основании изображен круговой узор с рыбами. Высота — $4\frac{1}{2}$ дюйма. IX—VIII в. до н. э. Лувр, Париж.

9—12. Керамика своеобразных очертаний из Амлаша и Дайламана в Северно-Западном Иране. Кувшины в форме птиц (10, 11) с женскими лицами имсют в высоту 5—6 дюймов и предназначены, возможно, для кормления детей. Бутыл в форме женской фигуры (12) имеет более 17 дюймов в высоту и представляет значительную группу таких сосудов. Кувшин-бык с носиком для питья на морде также теперь существует во множестве экземпляров, длина которых колеблется от 6 до 14 дюймов. Эта керамика имеет яркую кирпично-красную лошеную поверхность, украшенную высеченными кругами и пятнами черной краски в случайных местах. X—IX в. до н. э. Музей изящных искусств, Бостон.

13. Группа миниатюрных бронзовых животных из Дайламана в Северо-Западном Иране, включающая оленя, горбатого быка, лошадь с всадником и собаку. В Западной Азии лошади использовались мало, и кавалерию, вероятно, ввели кочевники с севера. Такие миниатюры, предназначенные для установки и подвешивания, известны также из Амлаша, Марлик-Тепе, Талыша и Армении. IX в. до н. э. Музей изящных искусств, Бостон.

14. Золотой кубок из Амлаша с тремя рядами сфинксов в смешанном ассирийско-луристанском стиле. Высота — $4\frac{3}{4}$ дюйма. VIII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

15. Бронзовый олень из Северо-Западного Ирана. Родственные изделия найдены в Армении. Высота — 10 дюймов. Художественная галерея Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити, штат Миссури.

16, 17. Одна из двух пар деталей в виде грифона и льва из вычеканенного золота из клада Зивие. Этот грифон тесно связан с урартскими головами грифонов, в свою очередь происходящих от *протом*, или архаических греческих ритуальных котлов. *Протомы* с львами найдены на греческих котлах, и было предположено, что эти изделия также прикреплялись к сосудам или мебели. Высота — приблизительно $3\frac{1}{4}$ дюйма. VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

18. Один из нескольких медальонов, найденных в Хафантлу (древний Изирту?), поблизости от Зивие, изображающий богатера Гильгамеша, поднимающего львов. Кайма из паяных нитей и треугольных гранул. Диаметр — $2\frac{3}{4}$ дюйма. VII в. до н. э. Художественная галерея Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити, штат Миссури.

19. Золотое кольцо с зазором для руки из Зивие. Одно из пары окончаний в форме львиной головы может сниматься и снова закрепляться булавкой. Середина расширяется двумя треугольными выступами, украшенными перевернутыми парами львят. Наибольший диаметр — $3\frac{7}{12}$ дюйма. VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

20. Золотая пектораль в форме полумесяца из клада Зивие, украшенная процессией мифических зверей, смотрящих внутрь, на священные деревья. Обратите внимание на опустившихся на колени скифских животных (медведя и зайца) по краям. Длина — $13\frac{1}{4}$ дюйма. Конец VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

21. Пластина из слоновой кости ассирийской работы, клад Зивие. Высота — $5\frac{7}{8}$ дюйма. VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

22. Вычеканенная и гравированная золотая пластина со сценами сражения ассирийского воина со львом из Зивие. Размеры — $4\frac{3}{4}$ на $2\frac{7}{8}$ дюйма. VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

23. Резная слоновая кость с темой ассирийского происхождения местной маннейской работы, из клада Зивие. Одежда этих фигур встречается в луристанском искусстве.

Длина — $5\frac{7}{8}$ дюйма. VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

24. Золотая пластина из Зивие с крылатыми львами, опирающимися передними лапами на священное дерево. Стиль изображения этих львов служит прототипом для ахеменидских львов, а стиль священного дерева напоминает некоторые изделия из Амлаша. Работа, вероятно, мидийская. Высота — $4\frac{1}{6}$ дюйма. VII в. до н. э. Коллекция Кеворкяна, Нью-Йорк.

25. Деталь серебряного блюда с золотой аппликацией фигур зверей в скифском стиле из района Зивие. Листообразные мотивы внутреннего круга происходят от ассирийских бутонов лотоса. Надпись пиктографическим шрифтом на блюде не дешифрована. Диаметр — $14\frac{3}{4}$ дюйма. Конец VII в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

26. Мидийская золотая чаша с двумя ручками в форме стилизованных поднявшихся на задних лапах львов, найденная в Луристане. На стенках чаши представлена пара львов с одной общей рельефной головой. Высота — $5\frac{5}{12}$ дюйма. VII—VI в. до н. э. Коллекция Кеворкяна, Нью-Йорк.

27. Золотая чаша с ручками в форме двуглавых горных козлов, до сих пор остающаяся уникальной; вероятно, сделана в Мидии. Желобки на стенках резко выражены, как и на других сосудах из Хамадана, где, как говорят, было обнаружено это изделие. Львы выглядят так же, как на некоторых пластинах из Зивие (см. фото 24), однако фриз с раскрытыми пальмами и бутонами на основании — это ассирийский мотив, популярный на луристанских кованых бронзах. Высота — $4\frac{3}{8}$ дюйма. VII в. до н. э. Художественный музей, Цинциннати.

28. Серебряная чаша с ручками-быками: и фриз с цветами лотоса, и ассирийский или урартский стиль изображения быков указывают на раннюю дату изготовления, вероятно, VII в. до н. э. Высота — $6\frac{1}{3}$ дюйма. Частная коллекция, Женева.

29. Небольшой бронзовый кубок, заканчивающийся головой льва, из Северо-Западного Ирана. Нижняя челюсть льва образует ручку. Мидийская или, возможно, урартская работа. VIII в. до н. э. Коллекция Померанса, Нью-Йорк.

30. Небольшое приспособление, возможно для щита, выполненное в форме серебряной головы барана с рукавом, прикрепленным скрученной проволокой и украшенным пирамидками из гранул. Найдено в Хафантау близ Зивие, а гранулированием

и проволокой напоминает пластину из Хафантлу (см. фото 18). Длина — 3 дюйма. VII в. до н. э. Художественная галерея Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити, штат Миссури.

31. Ручка оселка в форме головы газели; золото с рельефной точечной работой, имитирующей гранулирование. Отметим матрицу лепестковой формы для инкрустации на голове и удлиненные уши. Это типично для группы ручек для оселков из Хамадана. Длина — приблизительно 3 дюйма. VI в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

32. Ритон из Мараша в Юго-Восточной Турции; основание выполнено в форме золотого быка с поджатыми ногами, рог сделан из серебра и не украшен. Перьевидная стилизация шерсти на голове и груди быка, а также толстая шея говорят об урартском влиянии. Вероятно, мидийская работа. Высота — $7\frac{3}{4}$ дюйма. VII в. до н. э. Британский музей, Лондон.

33. Золотой ритон из Хамадана (древняя Экбатана), выполненный в форме рычащего крылатого льва; край рога украшен симметричным фризом из чередующихся бутонов и цветов лотоса. Это одно из наиболее динамичных изделий ахеменидского искусства, в котором, несмотря на формальное изображение и стилизацию, складчатое ухо настороженного льва демонстрирует пример подлинной наблюдательности. Высота — $8\frac{3}{4}$ дюйма. VI в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

34. Ожерелье из гранулированного золота с бирюзовыми бусами и десятью ажурными подвесками, каждая из которых представляет пару перекрещенных львиных фигур. Эти подвески похожи на ажурные изделия в декоративной бижутерии. Длина — приблизительно 17 дюймов. VI в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

35. Золотой короткий меч из Хамадана (Экбатаны), рукоятка и лезвие которого сделаны из одного куска. Рукоятка заканчивается соединенными затылками львиными головами, их изящное исполнение и стиль в точности соответствуют концам браслета. Отметим косые пряди жесткой шерсти под ушами, типичные для хамаданских львов. Место соединения рукоятки и лезвия украшено двумя бородатыми головами горных козлов. Довольно похожая рукоятка кинжала хранится в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Длина — $17\frac{3}{4}$ дюйма. VI в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

36. Золотая пластина с вырезанной надписью Дария из фундамента ападаны в Персеполе. Она содержит десять строк персидского, семь строк вавилонского и восемь строк эламского текста: во всей надписи превозносится Ахурамазда и утверждаются размеры империи — от Лидии до Индии. Аналогичные золотые пластины на фундаменте, принадлежащие Арсаму, Дарию и Артаксерксу II, обнаружены в Хамадане. Размеры — $12\frac{3}{4}$ на 13 дюймов. Конец VI в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

37. Вид на руины Персеполя с востока на запад. На переднем плане расположен стоколонный зал с многочисленными сохранившимися основаниями колонн. В центре фотографии видны три портала Трипилона. На заднем плане, возвышаясь над равниной сбора, стоит дворец Дария. В центре справа современное защитное стропение скрывает украшенную скульптурами лестницу Трипилона.

38. Северносирийские или анатолийские данники, несущие подношения: чаши для питья и пару браслетов для ношения выше локтя, заканчивающихся крылатыми грифонами. С северной стороны восточной лестницы ападаны Дария, завершенной при Ксерксе. Персеполь.

39. Скифский данник, несущий амфору с носиком в руке, проходит мимо одного из хвойных деревьев Дария. Рельеф с восточной лестницы ападаны в Персеполе.

40. Рельеф с изображением Дария, входящего в Трипилон, или центральный зал Персеполя. Один из слуг несет зонтик, другой — опахало от мух и полотенце.

41. Часть рельефа на лестнице Трипилона в Персеполе: знатные мидяне процессией направляются на пир с лилиями в руках. Чтобы головы находились на одном уровне, скульптор изображает фигуры гигантов и карликов.

42. Персеполь, рельеф на внутренней балюстраде: персидская знать поднимается по лестнице в Трипилон, или центральный зал. Отметим металлический воротник на шее первой фигуры в группе. Персеполь.

43. «Храм огня» в Накш-и-Рустаме, стоящий напротив гробницы Дария I (см. фото 76). Он построен из украшенных известняковых блоков с тремя рядами углубленных «слепых окон» из черного камня. Ко входу, дававшему доступ в единственную комнату и находившемуся на одном уровне со

вторым рядом окон, вел лестничный пролет. Кровля храма не сохранилась; предположительно она использовалась как святилище огня. Похожая башня была построена в Пасаргадах. Высота — 32 фута, ширина — 23 фута. VI—V в. до н. э.

44. Золотая орнаментированная чаша, надписанная по-персидски именем Дария, вероятно Дария I, из Хамадана. Высота — $4\frac{1}{2}$ дюйма, диаметр — $7\frac{3}{4}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

45. Золотая орнаментированная чаша для питья из Хамадана (Экбатаны) с трехязычной надписью имени Ксеркса, основателя царской сокровищницы в Экбатане. Высота — $4\frac{7}{10}$ дюйма, диаметр — $8\frac{1}{8}$ дюйма. V в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

46. Замечательно сохранившаяся чаша из горного хрусталя поздней ассирийской или, возможно, ранней ахеменидской работы. Лвица нападает на стадо убегающих быков, вовлекая одного из них в сражение; изображать такие сцены обычно предпочитали ахеменидские художники. Диаметр — $5\frac{3}{5}$ дюйма. VII—VI в. до н. э. Художественный музей, Цинциннати.

47, 48. Два вида статуи из серого сланца, представляющей египетского чиновника Птах-хотепа, одетого в персидский халат и с металлическим воротником на шее, заканчивающимся фигурками горных козлов. Иероглифическая надпись на вставке у него на спине называет его министром финансов и всех царских работ. Высота — $32\frac{1}{2}$ дюйма. XXVII династия. Бруклинский музей.

49. Золотая чаша в форме головы барана с гранулированием по краю. Высота — $4\frac{1}{8}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

50. Глубокая чаша для питья из серебра, покрытая распустившимися водяными лилиями с напоминающими перья тычинками. Высота — $4\frac{3}{4}$ дюйма. IV в. до н. э. Бруклинский музей.

51. Бронзовая амфора, вероятно мидийской работы, найденная в Сирии. Несхожие ручки сделаны в форме быка и козла, на спине быка расположен трубчатый носик. Высота — $7\frac{1}{2}$ дюйма. Приблизительно 630 г. до н. э. Коллекция Баррела, Музей и художественная галерея, Глазго.

52. Резная пластина с изображением обряда похорон персидского чиновника, найденная в Мемфисе, Египет. На по-

хоронах присутствуют одетые в штаны слуги-скифы, конюх и конь покойного, женщины-служанки, обнажающие грудь и рвущие на себе волосы (традиционные знаки оплакивания в Египте), и пара сирен. Изображенная обстановка — персидская. Ширина — 18 дюймов. VI в. до н. э. Прежде хранилась в Берлинском музее.

53. Плоское золотое блюдо с летящей птицей посередине из Хамадана. Похожие птицы известны по изделиям Зивие и распространены в скифском искусстве. Диаметр — $12\frac{3}{4}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Коллекция Кеворкяна, Нью-Йорк.

54. Плоское серебряное блюдо, найденное в Синопе на берегу Черного моря. Цветы лотоса и центральный медальон позолочены. Диаметр — $7\frac{3}{8}$ дюйма. V в. до н. э. Музей изящных искусств, Бостон.

55. Серебряный ритон из захоронения «Семь братьев» в Кобане, юг России. Первая половина V в. до н. э. Эрмитаж, Санкт-Петербург.

56. Серебряный ритон в форме быка с поджатыми ногами. На быке надет ошейник, как на быках-капителях в Персеполе. Необычны складки шкуры вокруг морды и высокое расположение ноздрей. Высота — $9\frac{1}{4}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Художественный музей, Цинциннати.

57. Пара золотых рогов-рит из четвертой могилы захоронения «Семь братьев» в Кобане, юг России, с окончаниями в форме головы барана и головы собаки, демонстрирующими греческое влияние. V—IV в. до н. э. Эрмитаж, Санкт-Петербург.

58. Ритон из серо-зеленого стекла. Основание заканчивается передней частью быка и львом, вцепившимся ему в шею. Отдельные части быка инкрустированы синим цветом. Центральная часть рога восстановлена. Археологический музей, Тегеран.

59. Кубок из темно-зеленого стекла, вероятно ахеменидской работы. Принадлежит к небольшой группе ранних стеклянных сосудов, сделанных вырезанием и вращением, как при обработке горного хрусталя и гипса. Аналогично сделанный сосуд, надписанный именем царя Саргона, обнаружен в Нимруде, и, вероятно, ахеменидские мастера продолжали применять эту ассирийскую технику, отходя от нее при производстве патер из резаного стекла. Высота — $7\frac{11}{16}$ дюйма. VII—V в. до н. э. Музей стекла Корнинга, Нью-Йорк.

60. Каменная чаша в виде горного козла с поджатыми ногами, изделие прекрасной формы, несмотря на неправильно вырезанные задние ноги. Длина — $14\frac{3}{4}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Бруклинский музей.

61. Широкий сосуд из резного камня, поддерживаемый спинами трех горных козлов, тела которых соединены под чашей. Тесная связь с металлообработкой. Высота — 24 дюйма. VI—V в. до н. э. Частная коллекция, Женева.

62. Серебряный рог-ритон из четвертой могилы захоронения «Семь братьев» в Кобане, юг России. Первая половина V в. до н. э. Эрмитаж, Санкт-Петербург.

63. Необычный известняковый амулет (?), с вырезанными соединенными затылками головами льва и барана, вероятно из Египта. Длина — $3\frac{1}{2}$ дюйма. VI в. до н. э. Бруклинский музей.

64. Резная известняковая пластина, вероятно, трафарет золотых дел мастера, найденная в Египте. Размеры — $9\frac{11}{21}$ на $8\frac{2}{3}$ дюйма. V в. до н. э. Чикагский университет.

65. Бронзовая полая голова горного козла, литая, вероятно, принадлежность предмета мебелировки. Известны еще несколько подобных изделий. Высота — $6\frac{3}{4}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Художественный музей, Кливленд.

66. Бронзовая скульптура знатного перса, Хамадан. Высота — $9\frac{3}{4}$ дюйма. Похожие фигурки обнаружены в кладе на реке Оксу. V в. до н. э. Институт искусств, Миннеаполис.

67. Серьга в форме полумесяца в ахеменидском стиле с фигурой египетского бога Беса в центре. Диаметр — $1\frac{1}{2}$ дюйма. V в. до н. э. Лувр, Париж.

68. Золотой браслет. Диаметр — $3\frac{3}{5}$ дюйма. VI—V в. до н. э. Городской художественный музей, Сент-Луис, штат Миссури.

69. Золотое украшение костюма с двумя стоящими на задних лапах львами. Диаметр — $1\frac{5}{8}$ дюйма. Хамадан. V в. до н. э. Художественный музей, Сиэтл.

70. Украшение костюма: золотая голова грифона с рогами. Ширина — $1\frac{7}{16}$ дюйма. Хамадан. V в. до н. э. Художественный музей, Сиэтл.

71. Одна из пары ручек амфоры в форме крылатого горного козла, серебряная с позолоченными крыльями и другими деталями. Нижнее крепление ручки в форме головы Силена с пальметтой показывает греческое влияние. Найдена

в Армении. Другая ручка из пары находится в Лувре. Высота — $10\frac{7}{12}$ дюйма. Приблизительно 380 г. до н. э. Государственные музеи¹, Берлин.

72. Серебряный горный баран с золотой мордой и бородой, найденный в Индии. Длина — $2\frac{1}{2}$ дюйма. V в. до н. э. Музей изящных искусств, Бостон.

73. Серебряная фигурка антилопы, предназначенная для подвешивания. Длина — 4 дюйма. IV в. до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

74. Скульптурная голова из Хамадана (Экбатаны), вероятно, голова крылатого быка. Высота — $19\frac{3}{4}$ дюйма. V в. до н. э. Художественная галерея Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити, штат Миссури.

75. Миниатюрное украшение в форме головы из лазурита. VI в. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

76. Фасад скальной гробницы Дария, долина Накш-и-Рустам, вблизи Персеполя, Иран.

¹ Музейный комплекс, включает Национальную галерею, Картинную галерею, Музей ислама и многие другие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Хронограф	11
<i>Глава 1. Кузнецы и переселенцы</i>	<i>14</i>
<i>Глава 2. Маннеи, мидяне и скифы</i>	<i>32</i>
<i>Глава 3. Создатели империи</i>	<i>54</i>
<i>Глава 4. Великие цари</i>	<i>71</i>
<i>Глава 5. Дворцы и архивы</i>	<i>93</i>
<i>Глава 6. Искусство Ахеменидов</i>	<i>128</i>
<i>Глава 7. Из сатрапий</i>	<i>158</i>
<i>Глава 8. Более поздняя история</i>	<i>185</i>
<i>Глава 9. Пульс власти</i>	<i>200</i>
Приложение. Семья Ахеменидов до Ксеркса	212
Подписи к фотографиям	213